

Ермаковец Наталья

ОТРАЖЕНИЕ В ГЛАЗАХ

Современный любовный роман

Annotation

Сваливающиеся на тебя удары судьбы порой кажутся невыносимо тяжелыми, особенно если рядом пустота и одиночество. В такие минуты трудно поверить, что жизнь уже протягивает тебе незримую ладонь, полную любви и благополучия. Важно лишь смотреть в нужную сторону и следовать за своим сердцем. Тогда подарок будет твой.

Отражение в глазах

Глава 1

Зазвенел будильник, невозмутимо и пронзительно. Надо было отключить его много часов назад, но тогда она еще терпеливо ждала сон, который так и не пришел. Вместо него подкрался сереющий рассвет. Он-то и разбудил утихший за ночь страх. Страх, что предстоящее собеседование окажется очередным провалом, что все в ее жизни по-прежнему останется окрашенным одним цветом — серым. словно припорошенное пылью зеркало, криво висящее в коридоре.

Женщина подошла к нему, коснулась и медленно провела линию. Закруглила ее внизу и двинулась вверх, чтобы темная дорожка образовала овал. Добавила щелчки глаз, палочку для носа, изогнутые червячком губы. Оставшееся пространство заполнили нетугие пружинки. Хороша!.. Смахнула все одним широким жестом ладони и отвернулась.

Зачем смотреть на себя настоящую? Что нового там увидит? Обыкновенная она, на улице таких пруд пруди. Мелких, бледных, с глазами неопределенного цвета: то ли голубовато-стальными, то ли дымчато-серыми. Одним словом, мышинными. А волосы, наоборот, отличились, по-другому не скажешь. Умилительные кудряшки для окружающих оборачивались для нее настоящим наказанием. Они отвергали любой намек на прическу, и потому каждое утро приходилось плотно зажимать их резинками и заколками. А короткая стрижка отошла к списку неосуществимых желаний: кому хочется выглядеть безумным светловолосым облаком?

Откуда на зеркале столько пыли скопилось? Будто ее туда специально стряхивали...

В ванной женщина провела мылом вдоль каждого пальца. Вниз, вниз, смывая грязь... Аккуратно, чтобы не забрызгать манжет блузки. Вытереть все капли не спеша, хотя в комнате разрывается будильник. Она всегда не чувствовала времени, и, чтобы избежать опозданий в школу, в их семье ввели правило «двух звонков». Часы заводятся дважды, и после второго сигнала пора на выход.

Холодная вода помогла успокоиться. Но теперь, чтобы из спального района успеть на собеседование в центр, придется ловить такси и тратить деньги. А значит, откладывается покупка нового мобильного телефона. Старый падал так часто, что экран покрылся трещинами и лихорадочным миганием предупреждал о близком конце. Ладно, проживет и без телефона, все равно некому звонить. Да и вряд ли рука поднимется выбросить этого бедолагу: все-таки мамин подарок. А на такси никуда не опоздает, и колготы останутся целы.

От сквозняка дверь захлопнулась сама, но ключ долго не проворачивался в замке. Когда же раздался щелчок, женщина ощутила, что заперла не просто квартиру, а всю свою прошлую жизнь.

У соседнего подъезда стояло свободное такси. Добрый знак. Хорошо бы, чтобы и на Слободскую они доехали благополучно, без задержек.

За окном пролетали известные с детства улицы, но сейчас казалось, что знакомыми от них остались лишь названия. И почему раньше эти перемены были ей неважны? Ведь замечала же, как разрастался город с каждым днем. Безликие высотки теснили тихие, спокойные дворики. Дороги неуклонно расширялись, словно их растягивали выползающие из гаражей машины. Деревья, наоборот, скукоживались или же причудливо выгибались, чтобы не задеть струны проводов.

Но только в эту минуту ей стало ясно, что людская суетливость пропитана дымом и гарью. Жаль, что должно было произойти столько всего, прежде чем она поняла, что невозможно втиснуть в один день накопленные годами дела. Не получится мчаться всю жизнь. Да и не стоит оно того. Лучше остановиться: вдруг за спиной человек, который ждет, когда на него оглянутся. Она невольно обернулась. Никого, только забрызганное стекло в машине.

Только она давно уже никуда не летит. Скорее, тащится кое-как, будто окончательно завязла в чем-то липком и противном. В собственном прошлом, если уж признаваться начистоту. Как там писали в какой-то книжке? «Отпустите вину, иначе она бетонной плитой придавит вас». Легко этому умнику было бросить свое «отпустите». А как это сделать, как, если сил едва хватает, чтобы дышать? Если обреченность наваливается с первой минуты рассвета? Если в аптеке, куда она ходит за успокоительными, в пору выписывать ей карточку постоянного клиента и наливать настойку пустырника в литровые бутылки?

Боже, о чем она думает?! Да уж, достойная тема для размышлений прямо перед собеседованием.

Такси остановилось у края лужи, и пассажирке пришлось потрудиться, чтобы выбраться из машины и не испачкать туфли.

Своевольные пряди волос мгновенно потянулись за налетевшим ветерком. Предатели!

На рукав плаща слетел кленовый листик насыщенно-красного цвета с ясно очерченными оранжевыми прожилками. Бегущие линии жизни. Какая же из них ее собственная?.. Ласково расправив лист рукой, она зачем-то спрятала его в карман плаща и оглянулась.

Слободская, четырнадцать. Это здесь. Даже не нужно сверяться с табличкой на стене. Все в городе знали, что у строительно-инвестиционной компании «Центринвест» незатейливым было только название, но никак не офис. Невысокое, всего в четыре этажа, здание бизнес-центра среди своих прилизанных соседей выглядело чужеродным сооружением. Казалось, будто нерадивые строители готовились убрать с крыши лишние куски арматуры и громадные обломки стекол, для чего и собрали все в кучу, да потом забыли. И груда мусора неожиданно превратилась в украшение в стиле хай-тек.

М-да, спорный дизайнерский прием. А уж что говорить про зеркальный фасад, высмеивающий все вокруг? Ее любимый серый плащ выглядит нелепым перекрученным цилиндром. Хорошо хоть, что она не повязала на шею яркий платочек, как думала сначала: в отражении он бы точно стал подобием удавки. А за такие издевательства придушить следовало бы архитектора.

Так, надо выбросить глупости из головы. Вдох-выдох, сосчитать до пяти и толкнуть входную дверь...

— Черт, русским же языком написано: «Тянуть»! — Выходящий человек потерял кисть. — Неужели так сложно прочитать?

— Извините, я не специально...

Вряд ли подходящие слова, чтобы сгладить неловкость, но другие на ум не пришли. И, чтобы окончательно не смутиться, женщина решительно шагнула к ресепшену, стойка которого почти полностью скрывала фигуру секретаря. Девушка тут же взгромоздилась на очень высокий стул без спинки. Вероятно, она никогда не задавала себе резонный вопрос, удобен ли тот для работы или уместен все же в баре. Зато наверняка знала, что от такого маневра ее пышная грудь, плотно обтянутая блузкой, неизменно становится объектом

внимания. Ее волосы были забраны в высокий длинный хвост, конец которого заканчивался в районе талии. Бедняга, сколько же времени она тратит на уход за такой копной!

— Егор Викторович, вы что-то забыли? — Секретарь кокетливо поправила бейдж на груди.

— Я вспоминаю. А вы, Любочка, пока с посетительницей разберитесь.

Пострадавший мужчина остался в холле и покачивал ушибленную руку.

— Здравствуйте. Меня зовут Татьяна Вышковец. Мне назначено собеседование по поводу должности маркетолога.

— А-а, так вам к Екатерине Дмитриевне. Второй этаж, кабинет двести четырнадцать. Лифт по коридору налево.

— Спасибо.

Таня отходила от ресепшена, когда краем уха услышала негромкое:

— Любочка, как она сказала? Вышковец?! Этого не может быть... Пожалуйста, соедините меня с Екатериной Дмитриевной. Я задержусь еще на полчаса.

Начальник отдела кадров полностью оправдывала свое царское имя. Одна в просторном кабинете, она восседала на внушительном стуле, как на троне, и величественным жестом руки пригласила Таню пройти.

Собеседование проходило странно. Дородная Екатерина Дмитриевна не давала Тане и рот раскрыть, задавала вопросы и сама же на них отвечала. Ох уж эта страсть к самолюбованию! Но при всей неправильности беседы Екатерина Дмитриевна ни разу не ошиблась в деталях биографии Тани или ее предыдущем опыте работы. Роль Тани свелась к скупым кивкам и качаниям головой. Лишь когда упомянули, что она несколько лет преподавала в школе, Таня удивилась: это-то как связано с должностью маркетолога, на которую она претендует?

Наконец начальник отдела кадров решила, что аудиенция завершена:

— Ну хорошо, Татьяна. Мы с вами свяжемся. Думаю, в ближайшие дни.

Стандартная отмазка, когда кандидат не подходит. И опять придется звонить по объявлениям, кусать от волнения губы и ненавидеть бессонные ночи...

У лифта Таня натолкнулась на мужчину. Все тот же, из холла, и так же пристально разглядывает ее.

— Простите, вы Татьяна Евгеньевна, из пятой школы, верно?

Танина рука повисла в воздухе у кнопки вызова.

— Вы меня не помните? Егор Княжев из 10 «Б». Вы у нас вели математику два года. Не помните?

В этом высоком элегантном мужчине невозможно было узнать школьника из далекого прошлого. Короткие русые волосы на затылке и висках и кажущаяся небрежной челка; светло-карие прищуренные глаза; прямой нос с небольшой горбинкой; чуть узковатые, приоткрытые в улыбке губы, через которые виднеются белые зубы; квадратный подбородок с еле заметной щетиной, подчеркивающей хорошо выверенный неформальный стиль; легкий загар на лице; ухоженные руки с внушительными часами, выглядывающими из-под манжета пиджака; лаконичный темно-серый костюм без галстука, верхняя пуговица на вороте сорочки не застегнута, привлекая внимание к слегка выпирающему кадыку; неброские черные туфли без единого пятнышка...

Нет, не таким она запомнила того Егора.

— Извините, я вас не знаю.

Но пальцы Тани, словно опровергая слова хозяйки, непроизвольно дернулись, и она сжала их в кулак.

— Вы действительно забыли? Все-все? И даже то, что я был... влюблен в вас?

И нет сил отвести глаза, не пустить воспоминания о том роковом дне, после которого жизнь ее осыпалась бесцветными осколками.

Она пришла в школу еще в педагогическом университете: осталась подрабатывать после обязательной студенческой практики на старших курсах. Про таких говорили «одержимая». Уважительно и даже завистливо. Ведь не у каждого есть сумасшедшее увлечение работой, когда проклинаешь наступающий вечер, что гонит тебя домой, а руки лихорадочно пытаются доделать то, что не хочется оставлять на завтра.

Ее душой владела не любовь к профессии, а какой-то болезненный азарт: научить даже отстающих, заинтересовать самых равнодушных. Новую тему преподнести так, чтобы в душе учеников осталась тоска от того, что не могут решить все; чтобы они пытались доказать теоремы, над которыми годами ломали головы лучшие умы. Она постоянно придумывала интересные задачи, необычные способы подачи материала, искала связь между преподаваемой математикой и другими предметами. Возникающие преграды лишь смешили и раззадоривали. Жизнь казалась насыщенной, бесконечной и очень счастливой...

Закончился урок. Она складывала вещи в сумку и мысленно прикидывала, сколько времени уйдет на проверку огромной стопки тетрадей, когда открылась дверь в кабинет. Вошел Егор Княжев.

Вежливый, спокойный, умный мальчик. Его фанатичное стремление учиться неизменно обсуждалось на каждом педсовете с заключительным вздохом: «Вот бы у всех школьников было так...» И обязательно какая-нибудь учительница в старомодных букольниках и вязаном жакете шепотом добавляла: «А вы заметили, как он невероятно улыбается? Даже у меня дрожат коленки. Нет, Виталий Владиславович, это не от артрита — от чувств. Будущий Казанова, попомните мое слово...» Таня прыскала в кулак, но мысленно соглашалась. Да, когда Егор осознает свое немыслимое обаяние и научится им пользоваться, вряд ли кто-то сумеет устоять...

А потом... Они стали слишком часто сталкиваться в коридорах и на улице. Егор сиял. Таня, напротив, безудержно, совсем по-девчоночьи краснела и досадовала на себя за глупое смущение. Уроки в злосчастном 10 «Б» и вовсе превратились в пытку. Егор с порога атаковал Таню вопросами, причем исключительно на математические темы. А когда наконец сорок пять минут оканчивались, Таня ощущала себя одной большой дырой, пробуравленной глазами Княжева...

— Здравствуй, Егор. — По телу Тани пробежала легкая дрожь. — Тебе что-то... нужно? Он прислонился к косяку и кусал губы, а потом будто кинулся в омут с головой:

— Татьяна Евгеньевна, я вас люблю.

— Что?

Она почувствовала, как губы, будто чужие, растягиваются в издевательскую улыбку. Та всегда наползала на лицо в самые неподходящие моменты.

— Я вас люблю, — внятно повторил Егор. — И мне никто не нужен, кроме вас.

Шли секунды. Он впился в нее взглядом, а она совсем по-идиотски ухмылялась. Потом нащупала на столе бутылку воды, от неуклюжего глотка закашлялась и вытерла рот ладонью.

— Егор, подожди. Сядь, давай поговорим. — Он сел на парту у двери, тогда и Таня опустилась на стул. — Ты еще молод, очень молод. В это время легко спутать чувства, подменить одно другим. Тебе кажется, что ты любишь, а вместо этого в душе просто уважение, восхищение. Пройдет время, и ты поймешь себя. Все станет на свои места...

— Я не путаю любовь к вам с просто уважением.

Он сидел на самом краю, будто готовый вскочить по первому зову, и упрямо смотрел прямо в ее лицо.

— Егор, — Таня потерла лоб и выхватила первую крутившуюся мысль из воцарившегося в голове хаоса, — я старше тебя. Люди тянутся к тем, кто знает больше. Так правильно и так... неправильно. Не в этом случае! Я учитель, ты ученик. Ты же все прекрасно понимаешь. Поверь, ты перерастешь это.

— При чем тут возраст? Какие-то глупые пять лет... Посмотрите, вы же выглядите точно, как мои одноклассницы, если не моложе...

Он качнулся вперед и, оттолкнувшись пальцами от парты, встал ровно. Чем это простое движение так напугало ее, что сердце ухнуло куда-то вниз? Почему руки скользнули по юбке в поисках спасительных карманов? Бесполезно, там их не было. Тонкий свитер обрисовал намечающиеся мускулы Егора, и когда она поймала себя на том, что невольно облизнула снова пересохшие губы, то чуть не хлестнула собственную щеку. Что за наваждение! Он же еще мальчик, пусть и выше ее на голову. Но только не в силах она выдержать пристальный взгляд этого подростка, взгляд, в глубине которого плещется откровенное желание. Лишь бы он не шагнул к столу!.. Пусть бы он шагнул к столу!.. Черт, что за бред!

Схватив оставшиеся тетради, Таня принялась судорожно заталкивать их в сумку. Уголки страниц загибались, а она все запихивала и проталкивала рукой внутрь. В коридоре кто-то протопал мимо двери. Гулкое эхо звонка возвестило о начале следующего урока, и она наконец осмелилась поднять глаза на Егора.

Он стоял уже у двери, все так же глядя на нее. Но взгляд его изменился: стал спокойным и ровным. Привычным. Потом Егор отвернулся к дверной ручке, а через секунду негромко сказал:

— Я не требую ничего в ответ. Просто хотел, чтобы вы знали. Чтобы, если будет тяжело, вы вспомнили, что вас любят, и тогда точно станет легче. А я для вас сделаю все. Если дадите мне шанс.

Он ждал ее ответ, не поворачивая головы, и через свитер виднелись слегка выпирающие лопатки. Взглянув на эти по-детски угловатые косточки, Таня мысленно обозвала себя извращенкой и потянулась к часам на столе: она всегда снимала их перед уроком и клала сбоку. Так было удобнее следить за прошедшими минутами и не отвлекаться, чтобы отогнуть рукав пиджака. Ремешок никак не хотел застегиваться, и она ляпнула, скрывая за раздражением досаду на мелькнувшую дурость:

— И время изменишь?

— Можно изменить все, не только время, если очень постараться. А я приложу все усилия, обещаю. До свидания, Татьяна Евгеньевна.

Почему в словах мальчика ей послышалась клятва, повисшая в воздухе после его ухода? Таким она и запомнила Егора Княжева: отвернувшимся к двери и не поднимающим на нее глаза. Борющимся со своим подростковым пылом.

А через три дня, измучившись сомнениями и чувствуя себя загоняемой в угол, она ушла из этой школы, чтобы потом и вовсе сменить профессию...

Стоящий перед ней мужчина моргнул, и воспоминания спрятались за его ресницами.

— Татьяна Евгеньевна, а ведь это из-за вас, из-за желания непременно доказать вам свою правоту я пошел учиться в экономический университет, составлял какие-то проекты, реализовывал их, набивал шишки. И вот что получилось.

Княжев широко повел рукой вокруг, словно у примечательной картины в музее, но эффект смазлся: рядом был только серый лифт.

— Какое интересное «вот», — сухо сказала Таня. — Не знала, что это здание входит в число архитектурных памятников, где проводят экскурсии. А вы кто здесь, гид?

Очередное безрезультатное собеседование, неосмотрительно потраченные деньги на такси, ненужные воспоминания о том, что когда-то она была счастлива... Что давит сейчас сильнее, болезненно выжимая с таким трудом собранную энергию? Пытаясь скрыть подрагивающие пальцы, Таня сунула руку в карман плаща и сжала положенный туда кленовый листок.

— О нет, — засмеялся Егор, — всего лишь скромный генеральный директор. Не специально для вас примерю роль эдакого путеводителя и покажу все, чем по праву горжусь. И начнем прямо с завтрашнего утра. Приходите к девяти, подойдет? Да, не забудьте кодовую фразу «Здравствуйте. Я ваш новый маркетолог».

Наверное, бесцельного времени все-таки было жаль больше всего. Уж лучше бы к маме зашла. Таня вновь потянулась к кнопке лифта. Но Егор заслонил спиной панель, мешая нажать вызов, и уже без тени насмешки произнес:

— Простите, Татьяна Евгеньевна. По старой памяти решил подшутить, ведь раньше вы смеялись по любому поводу. Видно, с того времени много воды утекло... Я всего лишь хотел сказать, что вы приняты на работу.

— Вы это... кх-кх... серьезно?

— Как никогда. Мнение Екатерины Дмитриевны полностью совпало с моим. Надеюсь, работать у меня вам понравится.

Княжев отстранился и вызвал лифт, а потом окинул глазами всю фигуру Тани. Как же неуютно под таким изучающим взглядом! Такое чувство, будто одежда не в порядке или же ее вообще нет.

— Может, и не стоит это говорить, но вы не изменились. — Княжев чуть склонил голову набок, будто оценщик перед старинным буфетом. — Те же смешные завитушки. Мы еще в классе дружно гадали, на что вы их накручиваете. Те же сережки-листки без одного камешка. Та же привычка по-мужски держать руки в карманах. Вот только глаза другие. Совсем другие. Потухшие какие-то, равнодушные. У вас все хорошо? Я имею в виду в жизни?

— Более чем. Простите, Егор...

— Викторович.

— Егор Викторович, мне нужно идти. До завтра. И да, извините еще раз, что ушибла вам руку там, внизу.

Таня шагнула в открывшуюся кабину. Только бы он не последовал за ней! Кому нужны эти разговоры-воспоминания о том, что давно уже покрылось таким туманом, что не приходит даже во снах и кажется случившимся не с ней. К счастью, Княжев просто кивнул в ответ и не стал ждать закрытия дверей лифта.

На крыльце Таня полуобернулась на свой исковерканный силуэт, отраженный в

непривычном фасаде. Нет, определенно глупая идея! Но только ли архитектора она имеет сейчас в виду? Таня спустилась по ступенькам, прислонилась к дереву и судорожно начала застегивать пуговицы плаща. Пальцы путались в прорезях. Надо успокоиться. Вытащив кленовый лист из кармана, она отрешенно провела пальцем по всем его краям, ощупала прожилки и чуть свободнее вздохнула.

Так. Ее приняли на работу. А это значит, что появился шанс вернуться и хоть на время забыть кошмар под нелепым названием «жизнь». Ее жизнь.

А сейчас лучше поехать к маме поделиться новостью. И пусть нужный маршрут ходит не часто. Сегодня можно просто запрокинуть голову и до рези в глазах смотреть на проплывающие облака, пить сентябрьский воздух с пряными нотками вянущих трав и ждать. Не только автобус.

На конечной остановке Таня вышла и открыла калитку. Та проводила ее задумчивым скрипом. Двое мужчин, пользуясь солнечной погодой, приводили в порядок забор, и траву густо усеивали синие завитки старой краски.

Еще пару шагов — и она на месте. Простой крест с табличкой без фотографии, две даты, невысокий холмик с пробивающимися травинками...

— Здравствуй, мама. Прости, что долго не приходила. А у меня хорошая новость...

На следующий день Таня встала задолго до рассвета. Зачем-то снова погладила блузку. Бесконечно расчесывала волосы, добиваясь прямых прядей. Уронила две чашки и чуть не порвала колготы о черепки на полу. Сломала помаду, когда неловко вывернула ее до самого верха. Минут десять искала по всей квартире туфли.

Когда же поймала себя на том, что открывает дверь и тут же ее захлопывает, все стало ясно. Она волнуется, и едва ли не больше, чем перед самым собеседованием.

«Ну, чего я переживаю? Вряд ли может быть хуже, чем уже было. А так хоть какое-то занятие. Руки заняты — голова отдыхает. Да и работать я буду, не в окошко смотреть. Насмотрелась уже. Была же я когда-то неплохим специалистом, ценили за аккуратность, собранность. Так что не выгонят. Не за что. А если не опоздаю сегодня, так точно не за что. В курс дела меня введут... Надеюсь. Все будет хорошо. Надеюсь. Черт, какой-то аутотренинг получается. И неважно, что Егор Княжев управляет компанией, где мне предстоит начать все заново. Вообще не имеет значения, что наши жизни снова пересеклись. Кто бы мог подумать, что этот мальчик действительно достигнет всего, станет успешным и богатым. А зеркало я так и не вытерла...»

Поездка в переполненном автобусе увела мысли в другом направлении, и к зданию «Центринвеста» Таня подошла почти спокойной и уравновешенной. Ровно до оклика:

— Татьяна Евгеньевна, доброе утро!

— Здравствуйте.

Егор Княжев нажал автомобильный брелок и зашагал рядом.

— Как настроение? Боевое?

— А что, предстоят бои?

— Ну, в нашем деле каждый день — сплошное сражение. Вы позволите? — он распахнул дверь. — Знаете, почему-то надпись «Тянуть» плохо замечают. Вот частенько и случаются травмы еще на подходе к офису, а сейчас каждый работник на счету.

Таня пропустила прозрачный намек мимо ушей и несмело ступила в холл. Княжев бодро направился напрямик к ресепшену. Секретарь тут же изящно переместилась от компьютера на свой насест и с широкой улыбкой чуть подалась вперед.

— Любочка, доброе утро. Вы, как всегда, сияете. И умопомрачительно пахнете, — Княжев легко потянул носом, в его глазах плескался смех. — По-прежнему не изменяете вашим любимым «Шанель номер пять»?

— Все-то вы замечаете, Егор Викторович, — длинноногая секретарь выверенным движением потянулась, словно кошка после сна. — Доброе утро. Кофейку?

Тане показалась, что она присутствует на репетиции, повторяющейся изо дня в день, но не утратившей от этого своей привлекательности. Во всяком случае, для актрисы. Мужская партия велась корректно, весело, но едва ли поощрительно. Эдакие гранд-кокеты и... кто? Простак? Или все же грасьосо, арлекин?

— Нет, спасибо, — отказался Егор и указал на Таню: — Лучше проводите нашего нового маркетолога к Павловне. Ну, хорошего всем дня.

Занавес. Зал безмолвствует.

— Такой директор, такой мужчина... Все увидит, всех похвалит. — Любочка застегнула

верхнюю пуговичку блузки, разумеется, совершенно случайно выпавшую из петельки, и вздохнула.

Таня невольно посмотрела вслед удаляющемуся начальнику. Сегодня он официальному костюму предпочел кардиган цвета мокрого асфальта с темной каймой по краю и узкие черные брюки, сидевшие низковато на бедрах. М-да, как-то не вписывается такая одежда в дресс-код серьезной компании. Но секретарь, вероятно, считала совсем по-другому и просто глаз не могла отвести от Княжева, который в этот момент за руку здоровался с коренастым человеком с толстой папкой под мышкой. Тане пришлось демонстративно кашлянуть, чтобы напомнить о себе, и Любочка с явной неохотой прервала свое созерцательное занятие.

— Ну, пойдемте провожу вас, Нина?..

— Меня зовут Татьяна, Вышковец.

— Да? А меня Люба, — невозмутимо исправилась секретарь. — Вам на третий этаж комната триста два. Первая направо. Найдете? Лифт пока занят, а лестница вот здесь, за поворотом.

— Спасибо.

Любочка определенно не собиралась обременять себя провожаниями до офиса, и Таня направилась к лестнице.

В нужной триста второй комнате кипела бурная деятельность: все три стола были завалены какими-то папками и проспектами. То, чему не хватило места на многочисленных стеллажах, было сброшено к стене, причем строение упрямо намекало на родство с Пизанской башней.

Высокий молодой человек с волосами, явно скучающими по парикмахерской, в потертых джинсах и фиолетовом пиджаке меланхолично выписывал что-то на доске. Ежесекундно он стирал неровные буквы, добиваясь, вероятно, только ему известного идеала.

Середину комнаты занимала женщина с настолько нездоровой полнотой, что со спины напоминала затянутый в чехол бочонок, увенчанный старомодной ракушкой из волос. Пухлые ручки с трудом держались на боках, но толстушка не опускала их, словно этот изматывающий жест придавал дополнительный вес ее доводам.

Но все старания пропадали впустую. Во всяком случае, бегущая по комнате девушка на значительность позы не обращала ни малейшего внимания. Худенькая, верткая, она не могла долго устоять на одном месте и размахивала руками так ожесточенно, что папки на ближайшем столе кренились и грозили свалиться на пол каждую минуту. Ее короткие темные волосы топорщились во все стороны, словно иголки у ежа. А она еще и время от времени проходила по ним ладонью, от чего беспорядок на голове усиливался. Хорошо, что эта особа не прогадала с выбором одежды: брючный костюм и туфли на устойчивом каблуке. Высокая шпилька обломилась бы еще на первом круге притопываний хозяйки. А тянуться к верхней полке шкафа в юбке — то еще удовольствие.

— Эй там, закройте дверь!

Под рывканье «ежика» увесистый справочник сорвался вниз.

Последний раз такими выпадами с Таней общались в школе: манеру одергивания учеников завуч перенесла на коллег, с которыми беседовала всегда на повышенных тонах. И, не дожидаясь нового окрика, Таня успела выдать невозмутимую тираду (вероятно, автоматически сработала длительная память мозга):

— Вообще-то мне в эту комнату. Я ищу Павловну, простите, не знаю имени.

«Бочонок» повернулся всем телом и указал подбородком на доску.

— Ваше мнение.

Парень продолжал задумчиво писать. Очевидно, он не собирался прерывать свое медитирующее занятие и отходить в сторону.

— Так сразу? — Если в перечисленных на доске словах и была какая-то логика, Таня ее не уловила и честно пожала плечами: — Не знаю. Слишком длинный список. Это что, какие-то компании? Тогда, может, их стоит как-то еще структурировать, ну, по дополнительным показателям? А то теряешься в информации...

— Кто теряется, а кто и нет, — проворчал подскочивший «ежик», но все же, выхватив из рук парня маркер и губку, перенес пару названий в отдельный столбик. — Точно, так лучше. Света Синицкая, — нос Тани чуть не встретился с протянутой рукой, — заместитель главного маркетолога. А ты?..

— А это, вероятно, Татьяна Евгеньевна Вышковец, — на выдохе произнес «бочонок» и сложил руки на груди, как на полочке: битва закончена. — Меня зовут Инесса Павловна Коростылева, я ваш непосредственный начальник.

— Очень приятно. Меня можно называть на «ты».

Как здорово, что это не было проверкой! Таня пожала все еще висящую руку «ежика».

— Роман, — молодой человек выделил «о» в своем имени и склонился в поклоне, — Роман Романов.

— Вот с отчеством ему не повезло — Сергеевич, — засмеялась Света.

Она бросила выуженный каталог на ближайший стол, давно стонущий от бумаг, от чего верхний лист спикировал вниз. Таня ринулась его ловить, но не успела.

— Да не парься! Здесь вечно скапливается хлам, поэтому не бойся что-нибудь уронить. Проходи, сейчас освободим тебе место.

— Света, вводи Татьяну в курс дела, нам завтра уже подавать отчет, — главный маркетолог засеменила к двери. — Да, и действительно, порежьте этот длиннющий список: терпения не хватит его дочитать.

Введение в курс дела затянулось на весь день. К вечеру Таня чувствовала себя отработавшим смену грузчиком: она снимала папки с полок, изучала их содержимое, потом разбирала груды, опять что-то читала-сравнивала-запоминала. Без конца и края. А Света безжалостно подбрасывала файлы, еще и еще, и приговаривала: «Все пригодится, не сегодня, так завтра».

От долгого сидения ныли плечи. Все, ее силы на исходе. Почему здесь нет гудка, как на заводе?

— Здравствуйте. Как поживают лучшие маркетологи?

От неожиданности Таня неловко рванула лист, и тот краем полоснул ее по пальцу. Ойкнув, она автоматически засунула травмированную подушечку в рот, чтобы как-то унять боль в порезе, и подняла голову.

У двери стоял Княжев, а рядом с ним хмурился невысокий плотный мужчина лет сорока, обритый очень коротко. Вероятно, так он пытался скрыть наметившиеся проблемы с волосами. И смотрелось это неожиданно эффектно, даже в сочетании с поджатыми губами, узковатыми глазами и глубокой морщинкой между бровей, явно появившейся там давно и не собиравшейся покидать уютное место. Для завершения образа брутального мачо не хватало лишь легкой щетины на щеках. Сидевший как влитой темный костюм не скрывал приличные мускулы, но ощущалось, что эта официальная одежда была мужчине в тягость. «Может, он потому такой мрачный, что предпочел бы снять свой шикарный бордовый галстук или хотя

бы ослабить его узел», — некстати мелькнула у Тани мысль, прервавшаяся с первыми звуками хриплого низкого голоса:

— Отчет готов?

— Так ведь на завтра просили, Максим Александрович, — удивилась Света и сморщила нос.

— Планы изменились, — отрубил тот и, встретившись глазами с Таней, закашлялся.

Показалось ли ей, что в его взгляде мелькнуло что-то похожее на изумление и даже неверие? Рука его рванула галстук, но тот перекосило и, наоборот, сильнее затянуло. Когда приступ кашля улегся, Максим Александрович уточнил:

— Сколько нужно еще времени, хотя бы для чернового варианта?

— Час как минимум. Пока в таблицу новые данные внесем, пока напечатаем...

Пальцы Синицкой ожесточенно барабанили по подлокотнику стула.

— Даю полчаса, — крепыш бросил взгляд на часы, словно засекал время. — Мы подождем в конференц-зале. Пошли, Викторыч.

— Я сейчас. — Егор подошел к застывшей с пальцем во рту Тане и улыбнулся. — Как первый день? Вопросов нет?

— На каждом шагу, — наконец отмерла та и попыталась встать.

— Сидите-сидите, мы же не в школе, — удержал ее за плечо генеральный директор, и даже через ткань блузки Таня почувствовала тепло его руки.

Жест не успел перейти в неприличный: Княжев сразу же убрал пальцы, чуть скользнув ими вниз.

— Татьяна... Евгеньевна, по любым вопросам — а их будет много: сфера деятельности компании достаточно широкая — обращайтесь к Инессе Павловне, она всегда поможет. Ну, удачи!

Наверное, образ настоящего руководителя и складывается из таких вот мелочей: дать понять любому, что он важен и значим; ненавязчиво интересоваться делами и знать все о каждом своем сотруднике. Тогда и причину возможных проблем легко обнаружить. Вот только непривычно ей это, не готова она отвечать на вопросы. Не в первый же день, и не Егору!

— Ну и как им собрать все данные за полчаса? И это мода такая новая, да? Чтобы директора сами ходили к сотрудникам и сообщали об изменениях в графике? — Синицкая сделала по кабинету уже два круга. — И вообще, что это за планирование дел: то надо завтра, то сейчас! Так, Ромыч, не сидим и не мечтаем. Слышишь этот звук? Тик-тик-тик-жжик... Так головы наши полетят, если мы не успеем. Будем делить все неучтенное на куски и...

— Свет, давай я буду просто все набирать, у меня неплохо получается. — Таня размяла руки. — От меня сейчас пользы не так много, а в этом я точно преуспеваю.

— Отлично, а то вечно тыкаем по одной букве в час, — чуть сбавила обороты Света и вытащила из верхнего ящика стола кипу разномастных листов, потом забормотала, раскладывая их по одной ей известной схеме: — Мы им все скоренько забацаем. А потом всем спасибо, все свободны.

Через полчаса она заторопилась с пачкой отпечатанных листов в конференц-зал, а Таня оделась и вышла в коридор.

— Ну, как оцениваешь первый день? — вслед за ней потянулся Роман, на ходу стараясь засунуть раздутый блокнот в сумку и постоянно попадая не в то отделение. — Ожидания

оправдались?

— Вроде бы все не так уж и плохо.

Смешно, еще этим утром она боялась опоздать на работу. Наверное, теперь стоит опасаться того, что завтра голова может оказаться пустой, как будто и не читала она весь день бесконечные папки с неиссякающими диаграммами, отчетами и прогнозами.

Они подождали лифт.

— Не дрейфь, все будет нормально. Еще пару дней проваришься в этом котле и будешь тоже с ходу реагировать, как Светик. — Роман наконец пристроил записную книжку и щелкнул застежкой. — У нас ведь такие авральные ситуации, как сегодняшний отчет, постоянно. Обстановка меняется прямо на глазах. Утром руководство молчит, а после обеда ему срочно нужно все, и еще вчера. Но могу утешить: болезнь Альцгеймера нам точно не грозит.

— Спасибо на добром слове.

Напряжение дня понемногу отпускало Таню.

— Может, тебя подбросить?

Выйдя из здания, Роман остановился у ближайшего серебристого автомобиля со следами засохшей грязи на бампере.

— Да нет, спасибо, мне на автобусе минут десять ехать.

Роман не настаивал и кивнул на прощание.

Остановка была совсем рядом, надо только обогнуть здание и пройти небольшую аллею. Каштаны шумели побуревшими листьями и, недовольно отбиваясь от ветра, с каждым порывом оголялись все больше. Нога попала на коричневое ядро, полускрытое шипастой кожурой, и Таня носком туфли подбила его, стараясь попасть в бордюр. Говорят, где-то жарят и едят каштаны... Интересно, из них выйдет только закуска или полноценный обед?

На фантазию живот отозвался таким громким урчанием, что Таня испуганно оглянулась: не слышал ли кто это безобразие. Во всей суете с сегментами рынка, анализами, конкурентами и прочими вещами она забыла даже пообедать. Срочно домой и сделать бутерброд. Кажется, в холодильнике оставались сыр и вареная колбаса. А лучше добавить еще маринованный огурчик, лук... хотя какой лук на ночь? Тогда сначала намазать хлеб маслом, а уж потом выстраивать многоэтажную башню.

Нужно узнать, где ближайшая столовая, иначе желудок даст о себе знать через пару недель. Работа-работой, но и о здоровье забывать не нужно. Все-таки не девочка уже.

Эта мысль прожгла ее огнем. Не девочка... Таня переживала свой возраст очень остро, хотя пока не было никаких причин для волнений. Но ключевым в этой фразе было слово «пока». Да, сейчас она выглядела неплохо, но все могло измениться, и скоро. Тогда никакие юбки-блузки не спрячут отвисшие бока и появившиеся морщины. Нет, о бутерброде лучше забыть. Придется сделать себе салат. Легкий салат, в котором ничего не будет: ни калорий, ни насыщения, ни радости.

— Вся моя жизнь — салат, — она грустно переиначила известную фразу и, заметив огоньки автобуса, прибавила шаг.

В салоне было немного людей: час пик уже прошел, и Таня смогла сесть. Через окно виднелось здание бизнес-центра. Залитое огнями, сейчас оно походило на замысловатую корону в россыпи драгоценных камней. «Ох, Егор, ты стал таким!.. Черт, как же хочется обсудить прошедший день!»

Но Лилька, лучшая подруга еще с детства, два года назад рванула за границу в поисках

очередной любви. Последний раз, когда они разговаривали по телефону, Лилька обронила весенне-интригующее «Нашла!», после чего больше не объявлялась, и Таня искренне надеялась, что молчание непутевой и легко увлекающейся подруги не значило ничего плохого.

Остальные приятельницы перешли в разряд знакомых, вышли замуж и стали оберегать свой зыбкий покой, избегая встреч с Таней, незамужней и даже внешне несчастливой. Они словно боялись переманить к себе в дом ее неудачи и боль.

А квартира встречала ненавистной тишиной и одиночеством. Таня до одури боялась вечеров и торопилась зажечь все лампы, чтобы потом замереть перед работающим телевизором. Зачастую она засыпала, скорчившись в кресле. А рана в сердце из-за смерти мамы саднила и саднила, не давая привыкнуть к пустоте в жизни.

Следующий месяц Таня напоминала себе циркового медведя на велосипеде. Учеба, как везде и всегда, начиналась с элементарных азов, это было правильно. Но преподносили их таким замысловатым способом, что поневоле она сомневалась в умении просто ходить, не то что держать равновесие. Освоив упражнение, она раздувалась от гордости ровно до следующего дня, когда ее снова опускали с достигнутых высот на посыпанный опилками манеж. И хорошо, что не тыкали носом. А вечером она плелась в клетку и завидовала, что не могла, как волки, выть на луну от усталости и жалости к самой себе.

Да, она схватывала с ходу все нюансы и тонкости новой работы — во многом здесь использовались отработанные схемы и привычные принципы, — но от шквала информации, бесконечных цифр и разнообразных анализов в голове больше ничего не помещалось. Вообще. Она никогда не отличалась рассеянностью, но сейчас могла замереть на пороге кухни и удивленно разглядывать пустую кружку в руке, решая головоломку «Чего не хватает для чая». Телевизионные программы явно предназначались для двух категорий: тех, для кого бормотание с экрана являлось единственным и необходимым способом заполнить тишину в квартире, и тех, кто получал чуть ли не чувственное наслаждение от страданий других. Таня попадала, скорее, в первую группу, но все равно не могла вынести глупость большинства передач. От чтения покалывало глаза, и без того уставшие от офисных бумаг. Поэтому, закончив работу, Таня потуже наматывала шарф на шею, прятала волосы под смешной шапкой с огромным помпоном и неспешно брела по улицам. Она молча разглядывала освещенные витрины и встречающихся людей и ждала, когда же ветер выдует из головы все проблемы, захватившие ее на работе.

Но, несмотря на все трудности, в душе Тани медленно воцарялся покой, притупляя тоску и боль последних месяцев. Если бы не загруженность на работе, ей ничего не оставалось бы, как снова и снова пережевывать мучительные события и пугаться зеркал и фотографий. А уж знакомство с Сеницкой явилось настоящим подарком судьбы. Света с ее врожденным оптимизмом и порой легкомысленным отношением ко всему окружающему вытягивала, словно губка, негатив из Таниной жизни. На возникающие проблемы Сеницкая учила реагировать не самокопанием, не взваливать вину на себя, а просто выплескивать негодование.

— Потопай каблуками — и все пройдет, — непрерывно повторяла она и собственным примером наглядно иллюстрировала действенность призыва.

И Таня, невзирая на разницу в возрасте почти в десять лет, невольно тянулась за подругой, даже временами шутила так свободно, будто снова была студенткой. Ее радовало и то, что самой Свете их общение тоже доставляло видимое удовольствие.

А одним октябрьским утром офис встретил Таню непривычным оживлением. Любочка собрала вокруг себя целую стайку подруг, и весь холл звенел от их громкого щебетания, удвоенного легким эхом. Охранник оказался не на положенном месте у двери, а переместился ближе к лифтам. Оттуда он зорко осматривал вверенную территорию и вставлял замечания в разговор технарей, парней из отдела технической поддержки, сгрудившихся на двух диванчиках. Что заставило их выбраться из захламленной каморки на первом этаже? Неужели всего лишь желание поболтать возле разросшегося фикуса?

Едва Таня раскрыла дверь в любимый триста второй кабинет, как на пороге наткнулась на Свету Синицкую. Та как раз поднесла ко рту яблоко, но тут же его опустила, чтобы спросить:

— Танюха, ты какое платье надеваешь?

— Зеленое.

От молниеносного, но нелепого ответа Тани подруга просто взвилась и заплясала на каблуках подобие джайва.

— Да я про платье на корпоратив, деревня!

— В смысле? Какой корпоратив? Обычно они бывают по поводу чего-то. Что собираются праздновать-то?

Таня попыталась подойти к вешалке, но помешал подъехавший на стуле Роман. Ах, как же живописно смотрелась бы ее куртка у него на голове! Но, словно почувствовав нависшую над ним угрозу, Роман начал резко поворачиваться то в одну, то в другую сторону, отчего выполнение желаемого затруднялось. Света спешно дожевывала яблоко и могла говорить только глазами и перестукивающими туфлями. Насладившись очередным вращением на стуле, Роман воспользовался установившейся тишиной:

— А ничего мы не будем праздновать! Ты не в курсе, Таня, но раньше у нас каждый месяц организовывался выезд куда-то. Так сказать, для разгрузки мозгов. Попьянствуешь день-другой — и голова как новая, совершенно пустая и открытая для безумных идей. Ты попала на период «пахоты», когда работы немерено и даже один день простоя чреват последствиями. Вот и сидели все по кабинетам, как по норкам. Но хватит! — парень грозно потряс кулаком, чуть не свалившись при этом на пол. — Даешь отдых! Вот в субботу и очистимся.

— Да-а, — Света облизала губы и выбросила огрызок в мусорку, — ты чиститься умеешь. До сих пор с дрожью вспоминаю лето: работала, считай, я одна. Ты все идеи собирал... Тань, так какое платье ты надевать будешь?

— А что, нужно какое-то особенное? Да и я больше брюки люблю, — Таня проскользнула к стойке с плечиками и с наслаждением встряхнула освободившимися руками. — Лучше скажите, мы работаем сегодня? Или станем ждать, пока сначала мозги почистятся? Кстати, оригинальный способ искать новые идеи! Может, предложить его массово использовать? А что, народ поддержит. Ему только заикнись...

— Самый срочный вопрос на сегодня — это платье. — Света оттолкнула стул Романа, попавший на ее пути. — В прошлый раз... Уй, я так опозорилась... Представляешь, у Ольки из отдела сбыта был точно такой же костюм, как у меня. И неважно, что цвет у моего был красный, а ее бирюзовый, все равно это заметили. Вот я и решила на сей раз подготовиться заранее, и пусть весь мир, как говорится, подождет. А у нас вагон времени на раздумья. Целых три дня.

— Чего так?

Таня приблизилась к баррикаде папок у своего стола и скептически цокнула языком. «Застрянет — не застрянет». Ну точно как гадающий ребенок у дырки в заборе.

— Ты что, не слышала? Корпоратив в субботу, сегодня вторник. Так что вспоминай: тебе есть, что надеть?

От неугомонных каблучков Светы собранные на полу папки задрожали, и лавина сошла с места, грозя поглотить все на своем пути и в отместку пачкая обувь пылью.

— Найду что-нибудь. В шкафу всегда что-то есть.

Та еще проблема! Вот вытащить ногу и не покалечить ее о массивные регистраторы потруднее будет.

— Да ты что! Для таких случаев девчонки прикупают что-нибудь особенное.

— Так. Я давно не девчонка, это раз.

Таня решительно дернула ногой и, когда колготы весело мигнули ей россыпью дыр и затяжек, еле сдержала следующий порыв пнуть особо зарвавшиеся документы.

— Денег лишних у меня нет, это два. Вон, новые траты только что нарисовались! И вообще, работы сейчас столько, что конь не вытянет, не то что скромный маркетолог, вроде меня. Может, и не пойду еще никуда...

— Э, нет, так не выйдет, — перебил Роман, ни на секунду не прерывавший свою зарядку. — Тех, кто игнорирует подобные мероприятия, штрафуют. С формулировкой «За подрыв корпоративного духа». Так что придется отбыть нужный срок.

Наконец Таня включила компьютер и устало опустилась на стул.

— Вот еще придумали... Ладно, ладно, поищу, что надеть.

— Давай вместе искать, а?

— Хорошо, только сначала дай мне, пожалуйста, список клиентов. С утра он лежал с самого верха, а сейчас где-то здесь валяется. Вот управишься — и пойдем за платьем.

Оставшиеся дни до корпоратива работа в офисе встала, а все разговоры вертелись только вокруг грядущего мероприятия. Это так напугало Таню, что она всерьез начала вспоминать, нет ли среди ее знакомых врача — для справки. «Прямо как в школе: ищу отмазку, чтобы не пойти на контрольную».

Она уныло перебирала вещи в шкафу, прикладывая к себе то одно, то другое. Вот какой формат у вечеринки? Слышала, что предстоит выезд в какой-то пансионат за городом, а что, куда точно — не уточнила. Мучайся теперь с нарядом!

Света наверняка могла помочь разобраться во всем, если бы не умчалась по делам и не бросила дома телефон заряжаться. Об этом сообщила ее мама преувеличенно любезным голосом. Вероятно, она уже устала отвечать на несмолкаемые звонки тех, кто маялся у зеркала этим вечером.

Платье, платье... Наверное, все-таки зря она не поддавалась на уговоры Синицкой и ничего не купила себе. И Таня, вздохнув, вытащила широкие плотные брюки веселого красно-кирпичного цвета и свободную рубашку, по середине которой проходила широкая полоса похожего цвета. Сойдет. Так, теперь волосы. Покрутила пряди в разные стороны, потом загнула их в смешные рожки и в конце концов со вздохом стянула резинкой. Еще раз проверим, что расческа точно лежит в сумке. Делать какую-то прическу нет никакого смысла. Единственный вариант — просто распустить волосы, вряд ли за пару часов светлые волны превратятся в подобие шторма.

У здания «Центринвеста» сотрудников ждали заказанные автобусы, и Таня сразу же укрылась в одном из них от пронизывающего ветра. Она выглянула лишь раз, заметив подошедшую Свету, и предложила сесть вместе. Подруга бухнулась на сидение и немедленно начала здороваться с соседями, перебрасываясь словами и бодро отвечая на незлобные шутки по поводу своей особо взлохмаченной прически. В ногах она пристроила увесистую сумку, очевидно, планируя переодеться в пансионате. Отличная идея! Жаль, что она не пришла и Тани в голову. Наконец все коллеги устроились на местах, стихли болтовня и громкий смех. Пока автобусы разворачивались на узкой парковке, мимо них юркнуло несколько такси. «Конечно, начальство давно отвыкло от общественного транспорта», — Таня проводила глазами резво удаляющиеся машины и сунула зябнувшие руки в карманы.

Заказанный пансионат «Приозерный» оказался от города в получасе езды. Двухэтажное вытянутое в форме подковы здание словно пряталось в окружавших его высоких раскидистых елях, а темно-зеленые стены местами и вовсе сливались с игольчатыми лапками деревьев. Подъездная дорога странно кружила, позволяя рассмотреть то озеро, затянутое у дальнего края дымкой тумана, то опушку хвойного леса, источающего пьяноватый сладкий аромат, то огромные французские окна на первом этаже пансионата, льющие мягкий свет на пустые клумбы с засохшими стебельками цветов.

Выгрузив пассажиров, автобусы не стали задерживаться и уехали тем же объездным путем. Они будто растворились в воздухе и оставили после себя легкий запах бензина, развеявшийся через пару минут. Шумная толпа по мощенной камнями дорожке направилась к главному входу. На крыльце все на секунду останавливались, чтобы поздороваться с руководителями, а потом огибали их с двух сторон. Мешающее пройти начальство кивало в

ответ, но не прерывало свой разговор. Странно, казалось, будто они ругаются.

Привычный костюм заместителя генерального директора сменился обычными темными брюками без стрелок и кожаной курткой, выразительно подчеркнувшей его приличные мускулы. «Головин... Вроде такая у него фамилия», — вспомнила Таня. Мужчина выглядел подтянутым и собранным, будто приехал не отдохнуть на корпоративный вечер, а намеревался осуществить по меньшей мере марш-бросок. Он часто подносил к губам сигарету и нервно затягивался сразу несколько раз подряд, не замечая стремительно нарастающий столбик пепла. Лишь когда сигарета обожгла ему пальцы, Максим ожесточенно втоптал окурок ногой в дорожную плитку. Сейчас он напоминал вырвавшегося из клетки хищника перед прыжком.

Естественно, роль укротителя отводилась Княжеву. В своем сером свитере крупной вязки и темных штанах он смотрелся простовато, но лишь издалека. Вблизи становилось ясно, что за эти качественные и добротные вещи отданы немалые деньги. Он спокойно что-то втолковывал Головину, будто не видел, что грузноватая и тяжелая фигура последнего сжата, как пружина в ожидании малейшего касания.

В холле Таня не удержалась и обернулась, чтобы узнать, чем кончится это противоборство. Кровь не пролилась: Егор решил обрубить явно никуда не ведущий спор, выразительно постучав ногтем по увесистым часам на руке. Максим неодобрительно покачал головой. Он дернул на себя входную дверь и так резко ворвался в холл, что едва не сбил подсматривающую Таню. Пробурчав что-то себе под нос, Головин просто сдвинул ее на полметра вбок, как шкаф, и скрылся в коридоре. Егор же замер еще на несколько секунд на ярко освещенном крыльце и, прикрыв глаза, глубоко вдохнул прохладный воздух.

Всем предложили отнести вещи и спуститься в банкетный зал к началу мероприятия. Номера распределили накануне, разумно предложив не терять время перед банкетом на формальности. Фамилии «Вышковец» и «Синицкая» были написаны рядом.

Доставшаяся им комната оказалась небольшой и очень уютной, в голубовато-серых тонах. Одна кровать стояла у окна, другая примостилась напротив. Света сразу же заперлась в ванной, а Таня опустила свою полупустую сумку на пол. За невесомой занавеской тускло блеснуло озеро, лежавшее немного в стороне от пансионата. Надо обязательно рассмотреть его поближе.

Сняв куртку, Таня оправила пояс брюк и заглянула в небольшое зеркало на стене, потом тронула помадой губы и провела расческой по распущенным волосам. Вместо сапог Таня надела черные туфли и огорченно цокнула языком. Жаль, что она не удосужилась раньше полностью примерить наряд. Тогда сразу бы стало ясно, что цвет обуви выбивается из общей гаммы. Хотя что тут сожалеть: покупка новых туфель все равно не была запланирована...

Из ванной донесся кашель, а потом показалась картинно высунутая нога в черном чулке. Через секунду выглянула вся Света целиком и томно изогнулась.

— Ты меня собралась соблазнять? Внизу есть кандидатуры получше.

Таня довольно окинула взглядом фигуру подруги. Все-таки не зря они провели несколько часов в магазинах, отыскивая что-то подходящее: выбранный фасон платья с небольшими рукавами, прикрывающими плечи, и с чуть завышенной талией выгодно подчеркивал высокую грудь Светы и не скрывал ее длинные ноги. Непривычными были лишь гладкие короткие пряди, зачесанные назад. Интересно, сколько лака она вылила, чтобы убедить свои волосы лежать настолько ровно?

Получился эдакий образ обольстительницы, к которому решительно не подходила

цепочка на шее, и Таня ее сняла. Лучше обойтись без украшений. Света добавила туши на ресницы, ярко подвела глаза и щедро накрасила губы красной помадой.

— Да-а, подруга, вышло откровенно, — протянула Таня, пока Синицкая втискивала ступни в узкие туфли на высокой шпильке. — Остается только надеяться, что кто-то еще предпочтет открытый вариант. Тогда на тебя не будут глазеть.

Но, спустившись вниз, Таня поняла свою ошибку: ведь именно ее брюки и рубашка диссонировали с многочисленными декольте и обнаженными спинами коллег. Промашка вышла. Хотя какая разница, если ей все равно, что мужчины скользят по ней взглядом, как по паркету. Не огорчает ее это, ну ни одной капельки, ни капелюшечки!

Да, она и не подозревала, что в компании работает столько человек. Вошли последние прихорашивающиеся, и хаотично расставленные возле стен столики стали заполняться. Света потянула Романа к окну. Таня выбрала место слева от подруги и пыталась удержать в памяти имена тех, кто тоже устраивался за их столом. Бесполезно. Запомним так: двое технарей, один рекламщик... А напротив — девочки-экономисты, с которыми Света частенько болтала на кухне. Всего десять человек, включая их, маркетологов.

— А ну-ка встали и поменялись, — зычно предложил высокий, чуть сутулый сосед Тани. — Девочка — мальчик, девочка — мальчик...

Технари засмеялись и пересели, разбавив женскую часть стола.

В зале нарастал гул, который не утих, даже когда за одним из столов поднялся генеральный директор. Княжев постучал ножом о бокал, пытаясь привлечь внимание, а потом вытащил что-то из кармана. Телефон? Зачем? Внезапно аппарат пронзительно запиликал, словно сработавшая автомобильная сигнализация, и через секунду резко замолчал. В ошеломленной тишине спокойный голос директора прозвучал особенно громко:

— Еще раз здравствуйте.

Ответные нестройные приветствия не помешали Егору продолжить:

— Спасибо всем, кто променял свой законный выходной на этот вечер. Действительно важно, чтобы мы все чувствовали себя частью большой команды. Для начала не могу не поделиться последней новостью: жилой комплекс «Симфония» успешно сдан.

Раздался всеобщий вздох облегчения и аплодисменты: проект был тяжелым и потому особенно неприятным. Особенно усердные хлопки летели от столов отдела продаж, из чего Таня сделала вывод, что те считали свой вклад самым весомым.

— Все заслужили отдых, ну, или хотя бы выходные без авралов и бесконечных звонков. Тем более скоро нам предстоит еще один бой — «Элит-квартал», поэтому...

— ...да начнется пир! — громко вставил свое слово Головин и потянул Егора за рукав.

Тот занял свое место и тогда уже весело возвестил:

— Поехали!

Действительно, это чем-то напоминало пиршество. В центре каждого стола стояло большое блюдо с аппетитным мясным ассорти в окружении филигранно нарезанных овощей. Бутерброды с красной икрой уютно устроились на салатных листьях по соседству с сырной тарелкой. Мелочь, вроде маринованных грибочков и огурчиков, чуть терпких маслин или даже фаршированных рулетиков из баклажанов, не могла перетянуть на себя внимание, несмотря на свое немалое количество. Из фруктов были только апельсины и виноград. Видно, человек, занимавшийся подбором меню, посчитал это достаточным для торжества. Таня тихо вздохнула: она любила яблоки. У каждой тарелки разместились несколько миниатюрных розеток с салатами. А ведь еще не подавали горячее...

Да, сотрудники «Центринвеста» любили отдохнуть. Только как можно тратить столько денег на ежемесячные корпоративы? Или же обычно они проходили скромнее? Эх, лучше бы дали премию...

Таня убрала с тарелки свернутую трубочкой салфетку и расправила ее на коленях. Из-за всех этих переездов жутко хотелось есть. Глаза уже нацелились на темную бастурму, и голова одобрила выбор, понимая, что там точно содержится мясо. Однако скромность не позволяла Тане первой разрушить выверенную композицию на блюде. Замечательно, что далеко не все за столом так же мучались. Ее высокий сосед и здесь перехватил инициативу: он поднял вилку с общего блюда и вопросительно посмотрел на каждого за столом, предлагая переправить лакомый кусочек в тарелку.

Потом так же решительно рекламщик потянулся к пузатой коньячной бутылке, но здесь мнения разделились. Судя по всему, коньяк предпочитал лишь он один. Таня «чисто символически» согласилась на белое вино: она вообще не любила и не умела пить. Света и одна из экономистов выбрали красное вино, а остальные решили остановиться на привычной «беленькой».

После первого общего тоста «За нас и нашу компанию!», прозвучавшего своеобразным девизом, бокалы не переставали наполняться. Казалось, никого не смущало, что речи произносились почти непрерывным потоком. Причем за каждым столом свои, и никто не лез к соседям чокаться.

Рекламщик взял на себя роль развлекать Таню, но следил лишь за тем, чтобы ее бокал не оставался пустым. Приходилось пропускать мимо ушей его увещевания и одновременно не поддаваться соблазну нагрузить тарелку сверх меры. Таня слушала болтовню, смеялась над общими шутками, даже вставила пару фраз, что дало разговору новый виток, но душа ее не отдыхала и настойчиво требовала свежего воздуха.

Повод нашелся с появлением ведущего, который немедленно начал зазывать всех на конкурсы, ожидаемо глупые, избитые и пошлые. Поставив почти нетронутый бокал с вином на хрустящую скатерть, Таня выскользнула из зала и решила сходить к озеру. «Но сначала переоденем туфли и захватим из номера куртку: было бы безумием в октябре выйти на улицу в одной рубашке.»

Фонари ярко освещали мощные дорожки, поэтому половину пути Таня прошла быстрым шагом. Замедлиться пришлось, когда ноги ступили на пожухлые влажные иголки. Под шершавыми стволами сосен свет разбивался на неровные многоугольники, а наползающий с озера туман грозил поглотить причудливую мозаику.

Скоро деревья сменились сухой осокой. Она росла так густо, что, если бы не протоптанная кем-то узенькая тропинка, Таня не добралась бы до воды. Потому оказалось необычным за стеной травы увидеть узкую полоску песка с лежащим деревом. Ствол был гладким и чуть-чуть влажным. Отличная скамейка! А если брюки и испачкаются, их можно постирать.

— Вы меня опередили и заняли мое место. Поделитесь? — перед вздрогнувшей Таней мелькнул серый свитер.

— Простите, Егор Викторович, не знала, что все бревна здесь пронумерованы...

Княжев удержал приподнявшуюся Таню.

— Не обижайтесь, пожалуйста, и не уходите, — примиряюще сказал он и опустился совсем рядом. — Когда выбираюсь в пансионат, меня тоже всегда тянет к озеру. Ну, как вам здесь?

— Непосредственно здесь, — Таня слегка отодвинулась в сторону, — замечательно.

— А там? Сам праздник вам не по душе?.. К сожалению, никогда не получается угодить всем.

Ей показалось или в самом деле в голосе Егора звучало извинение? И вообще, Княжев что, специально старается отличаться от принятого стереотипа начальника? И почему от этого панибратства ей всегда настолько неудобно и неловко, что хочется наругать?

— Не в этом дело. Просто устала. В зале было душно, и захотелось на воздух.

— Да, воздух этот похож на хороший алкоголь: пьешь, пьешь и не можешь напиться, — согласился Егор и что-то протянул Тане. — Хотите попробовать мое любимое вино? Если не брезгуете выпить из моего бокала.

Она секунду помялась, но поднесла бокал к губам, после чего удивленно перевела взгляд на собеседника. Тот улыбнулся.

— Да, это вода. Здесь недалеко родник. Когда я приезжаю сюда, обязательно пью воду из него. Как-то легче становится, словно все грехи смываются. Попробуйте.

— Что, грехи смыть? Мне тогда бокала будет мало, придется идти за тазиком. Поднакопилось, знаете ли.

Егор поднялся и чуть покачался с пятки на носок.

— Нападение не лучший способ общения. Особенно с тем, кто старается избегать конфликтов. А про это место у меня есть отдельная история. Несколько лет назад мы с Максом, Максимом Александровичем, возвращались из командировки. То ли устали, то ли заболтались и свернули не туда. Пока разобрались, как вырваться на нужную дорогу... Короче, мы выехали вон там, с другой стороны озера, у огромной сломанной ели, — Княжев указал куда-то в темноту. — Жаль, ее сейчас не видно из-за тумана: настоящая красавица... Так вот, тогда здесь ничего не было, только вода и нетронутый лес. Даже удивительно, что никто не позарился на это великолепие. И я понял, что хочу, чтобы так все и осталось: мох

на деревьях, птичьи крики, блеск рыбы...

После еле заметной паузы Егор добавил:

— Я купил этот лес и построил пансионат, не срубив ни одного дерева, ничего не изменив. И один этот первозданный вид искупает все мои совершенные гадости.

Луна вынырнула из-за туч и подсветила силуэт Княжева. Теперь стало заметно, что он слегка сутулился и прятал ладони в карманах брюк. Наверняка ему холодно без куртки, у воды да еще с такой нерадушной собеседницей. Только не хотела она обидеть Егора, просто совсем не расположена к беседе. Черт, как неловко!

Таня покачала головой и заставила себя встать рядом с директором. Под ногами просел песок. И у нее в голове мелькнула нелепая мысль, что вот сейчас песчинки поползут в стороны и в земле откроется громадная воронка, такая чудовищно огромная, что с легкостью заглотит ее, Таню. Полностью, целиком, со всеми грехами и колючими мыслями. Фантазия оказалась настолько яркой, что Таня испуганно сжала бокал и пролепетала:

— А этот родник далеко? И всем ли он помогает?

— Не знаю. Максим вот, он ничему не верит. А здесь ведь главное что? Вера. Даже если тебя убеждают, что это всего лишь плацебо, пустышка.

Невозмутимость Егора успокоила ее, и еще раз хрустнувший под ногами песок больше не страшил.

— Вы, наверное, не часто с ним совпадаете во мнениях, с вашим замом? — Таня вспомнила спорящих директоров на крыльце и тут же испуганно осеклась: вряд ли у нее есть право задавать такие вопросы.

— Да нет, у нас с Максимом стопроцентное попадание во всем. — Егор наклонился и поднял что-то с земли. — Мы одинаково оцениваем людей, только он зацикливается на их недостатках, а я предпочитаю отталкиваться от достоинств.

Брошенный предмет улетел в темное озеро, которое отозвалось гулким всплеском.

— Что-то вроде наполовину пустого или полного стакана?

— Точно. — Княжев опять забросил что-то в воду. — Кому-то Головин может показаться мрачным и резким, но это один из самых надежных людей. С ним не нужно подбирать слова, вообще что-то выдумывать, чтобы — боже упаси! — случайно не обидеть или не задеть гордость. Все вещи называются своими именами, и для меня это важнее улыбчивого притворства.

Не сдержавшись, Таня почесала кончик носа. А какое же качество для нее основополагающее? Доброта? Но не всегда на доброго человека можно положиться. Честность? Ей ли не знать, как ранят излишние откровения. Заботливость? Пушистый шарф на шею, теплые носки, ромашковый чай мамы и ни слова о том, что делать, когда все это удобство закончится. Рассудительность? Ты все логически обдумываешь, взвешиваешь и становишься похожим на бесчувственного робота. Самоотречение? Но разве коврик у ног счастлив и доволен своей участью? Постоянство? Это та же верность, надежность. Выходит, что не так уж неправ Княжев, выделяя именно эту особенность характера...

Отведя от лица мешающую прядь волос, Таня выбралась из дебрей размышлений. Егор молча смотрел на нее, и под его внимательным взглядом она смутилась и сказала первое, что пришло на ум:

— Спасибо, что рассказали все это. Я рада, честно, что вы остались открытым человеком, каким и были много лет назад.

— Вы же не помните меня! — засмеялся Княжев и подбил ногой то ли шишку, то ли

камень. — Сами заявили об этом несколько недель назад.

— Да бросьте! Вы же еще тогда поняли, что я помню все.

Чтобы скрыть неловкость от неожиданного, даже для нее самой, признания, Таня потянулась собрать волосы в хвост, но мешал позабытый в руке бокал. Ладно, пусть ветер теребит пряди, зато теперь она знает, что сказать и исправить оплошность.

— Просто не верилось, что деньги и власть не испортили вас, Егор Викторович. А еще стало понятно, от какого греха мне надо срочно избавиться. — Таня отпила глоток и улыбнулась. — Вот и пригодился ваш чудодейственный нектар. Возьмите. Там еще осталось на дне, на самый легкий случай.

— Ваш грех — неверие или ложь? — Возвращенный бокал блеснул у губ Княжева. — И это значит, в дальнейшем вы всегда будете честны со мной, а я смогу положиться на вас во всем?

— Поддавливаете...

Пара шагов — и она склонилась над озером. Вода была настолько холодной, что обожгла кожу, но Таня не отдернула руку. Хотелось сложить ладонь ковшиком, зачерпнуть лунную дорожку и унести с собой дрожащий кусочек отражения.

— Почему вы незамужем?

От неожиданного вопроса она едва не намочила дрогнувшее колено и разжала пальцы, позволив воде просочиться между ними.

— Почему вы так уверены в этом?

— Мог бы сказать, что следил за вами, что вы задерживаетесь допоздна на работе и не спешите домой, но ответ банальнее: я помню ваше резюме. Так почему?

Егор подошел и протянул руку. Таня оперлась на нее и встала. На ветру мокрая ладонь стала ощутимо мерзнуть, а платка в кармане не оказалось. Таня стряхнула капли и плотнее запахнула куртку.

— Не получилось. А вы женаты?

С чего она взяла, что может спрашивать директора о его личной жизни? Вероятно, потому что весь этот разговор у озера начал смахивать на школьный вечер встреч, когда разница в статусах и богатстве стирается?

— Нет, не женат, — покачал головой Княжев и вытер руку прямо о штаны. — Сначала занимался исключительно учебой, потом бизнес-планами. Времени едва хватало на сон. Какая уж тут семья! А теперь все не так просто... Как узнать наверняка, что избранницу я интересую как человек, а не как владелец заводов, газет, пароходов?

— Ну, у вас еще уйма времени. Вы молоды, так что не переживайте, — невпопад ответила Таня, в душе соглашаясь с начальником.

— А у вас что, время закончилось? — Егор отошел к импровизированной скамейке, оставил там пустой бокал и вернулся к кромке воды. — По-моему, такой умной и красивой женщине, как вы, достаточно взмахнуть ресницами, и делов-то.

— Сколько можно уже махать, — пробормотала Таня и поежилась: с озера резко потянуло неприятной сыростью. — Я пойду, наверное. Спасибо за прекрасный вечер, за разговор, за воду.

— Благодарность, уместная в пустыне, — засмеялся Егор и тут же снова стал серьезным. — А давайте как-нибудь еще поговорим, в такой же неформальной обстановке. Я угощу вас моим по-настоящему любимым вином. Так что? И вы же помните, что не можете мне лгать. Ну, по крайней мере, сегодня.

— Тогда придется сказать, что предложение неподходящее. — Поднявшийся ветер уронил на лицо Тани несколько прядей, но она не убрала их. — Вечеринка закончится, и потянутся обычные будни с установленной субординацией и правилами. Честно, Егор Викторович, это ни к чему.

— Но ведь правила действуют только во время этих самых будней, а трудовым кодексом запрещено работать круглые сутки.

Он стоял рядом, и Тане показалось, что через секунду Княжев шагнет в ее сторону и окажется совсем близко. И что тогда?.. Разбивать всегда легче, чем создавать, и неважно что: чашку, сердце... Чтобы не допустить этого, она отступила назад. Жаль, что одним движением она не может очутиться сразу под деревьями, там, куда не достают лижущие песок языки воды.

— Не говорите ничего, о чем пожалеете завтра, Егор Викторович.

— Я жалею только о зря потерянном времени.

— В таком случае отвечу прямо: со мной вы действительно потеряете время, — тихо, но твердо произнесла Таня, словно выдохнула. — Я не завожу романов с руководством и очень надеюсь, что ваше решение о приеме меня на работу не содержало скрытые планы. Совсем не хочется, чтобы следствием нашего разговора стало мое увольнение. Так что позвольте откланяться.

— Таня, — рука Егора крепко, но при этом осторожно остановила ее, — я ценю вашу жизненную позицию. Вероятно, когда-то и где-то она была оправдана, но сейчас не нужно защищаться. Да, вы мне симпатичны, но не более, чем любая другая сотрудница. А предложение пообщаться еще — просто вежливое приглашение, не больше.

— Вы сами-то верите в то, что сейчас говорите? Еще скажите, что это я удерживаю вас, а не наоборот.

В тот же миг Таня чуть не вскрикнула: Егор ощутимо сжал ее плечо и лишь потом убрал свои пальцы.

— Так. Подведем итог, — сверкнувшие в темноте глаза Княжева обернулись двумя черными провалами. — Вечер был интересным, разговор очень познавательным, даже поучительным. На этом все, жирная точка. И оставьте ваши домыслы при себе. Все равно вы ни черта не поняли! — Егор быстро отошел в сторону.

Какое-то время Таня слышала его сдавленную ругань и хруст ломаемых веток. Усилившийся ветер скользнул под куртку, и по телу пробежала крупная дрожь, от которой Таня очнулась. Действительно, почему такой замечательный вечер свернул неизвестно куда? Да давно известно, просто... просто... Она зажмурилась, поверх куртки дотронулась до живота, а потом с усилием выдохнула. Рука повисла плетью. Просто «это» никуда не денется. И не надо стоять здесь, в ожидании его. Не надо портить ему жизнь.

Оставленная за спиной осока прошуршала последний раз. Ее сменило сонное поскрипывание стволов, сквозь которое прорывались отголоски музыки. Где же эта дорожка к пансионату? Едва под ногой оказались прямоугольники твердой брусчатки, Таня ускорила шаг.

Звучавшая мелодия стала отчетливей, а вместе с ней и желание потанцевать. «Так и поступлю: не думать ни о чем, а только бездумно шевелить телом. Наперекор всему, наперекор себе». Наверное, это была единственная страсть Тани, не пропавшая даже в последние тяжелые месяцы. В неторопливых, плавных движениях забывались свалившиеся трудности и возвращалось легкое состояние беззаботной юности. При всем этом Таня умела

танцевать: она быстро подстраивалась под любого партнера, не смущалась ошибок, а в совсем критической ситуации могла перехватить инициативу и стать ведущей.

Торопливо бросив куртку на пустующий стул в холле, Таня устремилась в банкетный зал. На пороге она наткнулась на парня из отдела охраны, общение с которым до этого вечера ограничивалось вежливыми приветствиями. Он и сейчас дружелюбно кивнул, в ответ Таня протянула руку и увлекла его на стихийный танцпол. Все, с этой минуты мир для нее перестал существовать. Исполняемые композиции слились в одну бесконечную фантазию, и вряд ли Таня смогла бы ответить, как долго танцевала и менялись ли за это время ее партнеры.

Она пришла в себя внезапно, будто некая пружина внутри развернулась до упора и вытолкнула воздух. Заболела голова, а прояснившиеся глаза отметили то, что виднелось на их уровне: крепкий подбородок с едва видимой ямочкой. И потом накрыло осознание: с ней танцевал Максим Головин. При всей своей грузности он на удивление легко двигался, не зажимал ее ладонь и ловко огибал другие пары. Почему же она чувствует себя деревянным манекеном и постоянно сбивается с ритма?

Максим перехватил выскальзывающую руку Тани и плотнее сжал пальцы.

— Вы замечательно выглядите, Татьяна, без этих лохматых рюшечек и безумных разрезов до пупа. Наряд настоящей женщины не должен отвлекать от нее самой.

Таня неопределенно тряхнула головой и мысленно не согласилась с Головиным. Декольте с роскошной грудью всегда смотрелось притягательно, и не было ничего крамольного в желании хозяйки продемонстрировать свое природное богатство. Вон как изгибающаяся рядом красотка с шикарным бюстом. Наверное, думает, что танцует жаркое танго. Да и мачо ей под стать, такой же пылкий. И хотя выходят неумелые кривляния обоих, но им хорошо, ну и ладно. Почему же музыка все не заканчивается?..

Темпераментная парочка совершила очередной пируэт. Девушка вонзила свой локоть прямо между лопаток Тани и мгновенно умчалась, подхваченная партнером. Таня пошатнулась и ойкнула: то ли от неожиданности, то ли от боли, то ли от губ Максима, столкнувшихся с ее виском.

Она не стала больше ждать окончания песни и отстранилась от замершего Головина.

— Простите, мне что-то нехорошо...

Восемь шагов, чтобы выйти из зала. Еще пятнадцать в холле. Два лестничных пролета по одиннадцать ступенек. Четыре шага в коридоре, прежде чем она развернулась и пошла в нужную сторону. Только у порога комнаты счет в голове утих.

Таня вытащила ключ из кармана брюк, открыла дверь и тут же придержала ее рукой. Черт, куртка осталась в холле!

— Ну и пусть, — упрямо шагнула в комнату. — Кому она нужна, старая и немодная. Завтра заберу.

Как была, в одежде и с несмытой косметикой, Таня рухнула на постель и через секунду завернулась в одеяло. Если бы она умела отматывать время назад, то ни за что бы не поехала в этот пансионат.

Корпоративный вечер разбавил выверенную жизнь компании, но ненадолго, и снова потянулись монотонные будни.

Небо все чаще затягивали тучи, и в души прокралась осенняя тоска. По утрам будильники протяжно звонили, убеждая хозяев вылезти из уютной постели; чашка дымящегося кофе стала самым желанным приветствием, а в углах кабинетов пестрели разноцветные зонтики, единственные яркие пятна в нахлынувшей серости.

Накануне дверь в кабинет маркетологов почти не закрывалась: нескончаемый поток посетителей к концу дня превратился в настоящее паломничество. Напоминания, задания, предложения... Все записки и документы свалили на Танин стол, и теперь ей отчаянно хотелось избавиться от сортировки бумаг. Она даже подбросила пару листов вверх, но тут же со вздохом поймала мегаснежинки и, взглянув, отложила: эти просьбы могут подождать. А в бумажных развалах предстояло найти то, что стоило выполнить в первую очередь.

В кабинете было прохладно, несмотря на работающую батарею.

Пару дней назад у Романа неожиданно обнаружилась непереносимость кондиционера. Сначала он гнусавил заложенным носом и отмахивался от предложенного Таней нетрадиционного метода лечения простуды в виде теплого молока с медом. Прослушав очередной пассаж из чихания, кашля и шмыгания, Света невозмутимо озвучила свой вариант — свежая коровья лепешка на грудь. Все посмеялись, но потом произошел нешуточный астматический приступ.

Вернувшись от врача, Роман огласил вердикт — никаких цветов и приборов с воздушными фильтрами. Растения в кабинете отсутствовали и так, поэтому попрощаться пришлось лишь с кондиционером, а заодно и с теплом. Теперь приходилось греться чаем и выдумывать предлоги, чтобы забежать в другие, хорошо отапливаемые отделы, которым повезло не иметь в составе аллергика.

Света выворачивала все ящики на пол, бездумно сбрасывала папки и книги с полок вниз и без конца ворчала под нос. Таня уже знала, что это значит: Синицкая потеряла какую-то важную бумагу. И сейчас самое верное — тихо сидеть и ждать, пока все закончится, иначе можно попасть под горячую руку и язык.

Дверь кабинета распахнулась, и стремительно вошел заместитель генерального директора.

После корпоратива Таня сталкивалась с ним буквально пару раз, в коридоре или у лифта, и Головин ограничивался лишь кивком в ответ на приветствие. Таня и раньше его побаивалась, прослышав про угрюмость, хваткость в работе и непомерную требовательность. Теперь же ей было еще и неловко из-за пансионата, как если бы она получила то, что предназначалось другому человеку. Лишь в одном Таня была уверена: напускная мрачность Головина служила защитной реакцией, скорлупой, в которую он прятался от чего-то тяжелого. Как нахлынувшая на нее сама депрессия после смерти мамы.

Сказанное «Здравствуйте» повисло в воздухе, а потом заместитель пророкотал:

— У вас тут что, Мамай прошел?

Света так тяжело задышала, что Тане стало ясно: подруга сдерживается, чтобы не ляпнуть что-то неподходящее. Пришлось ответить самой:

— Да, и даже потоптался.

— Ладно, если вам комфортно находиться на помойке, дело ваше.

Синицкая стала напоминать чайник, из которого пар уже вырывается наружу. Максим переступил пару раз, пытаясь отыскать свободное место на полу, куда можно еще поставить ноги.

— Татьяна, через полчаса жду наработки по продвижению «Элит-квартала». Будьте любезны принести их в мой кабинет. А чего это у вас так холодно? — он поежился. — Экономите?

— Нет, заботимся о ближнем, — процедила сквозь зубы Света. — У Романа аллергия.

Головин сделал жест, будто отмахнулся от назойливой мухи, и повторил, глядя на Таню:

— Так я жду вас через полчаса.

Она согласно кивнула, но это могла увидеть разве что спина выходящего начальника. Едва дверь закрылась, Света плашмя хлопнула папкой по столу и тут же отшвырнула ее в сторону.

— Нет, посмотрите! Не нравится ему наша рабочая обстановка, — прошипела Синицкая, не заботясь, что ее могут услышать. — Кроме него, никто не жалуется...

— Тебя бояться, — вставил Роман и пригнулся, чтобы в него не попал брошенный ластик.

— ...не жалуется, говорю, никто... Чего он бродит, отвлекает? У них что, дежурство по этажу? Или только нам так везет? Черт, и куда я засунула эту газету?! Ребята, все, мне крышка...

Света частенько перескакивала с одной мысли на другую, и поэтому Таня без труда поняла, что последние фразы никак не относились к теме «Максим Головин».

— Что за газета?

— Да в пятницу пришла, я ее только просмотрела. Наткнулась на тендер, который может быть нам интересен. Но летела домой, вот и бросила куда-то. Кто знает, где же это «куда-то»?

Роман по привычке оттолкнулся от стола, а, когда колеса его стула застопорились о разбросанные вещи, огорченно цокнул языком.

— Ну, Павловна заходила сегодня утром. Может, она видела ее?

— Вы лучше скажите, зачем меня Максим зовет. Я вообще не занимаюсь кварталом. Это же твой кусок, Свет. — Недоумевающая Таня села на край стола, прямо на неразобранные бумаги, из-за чего их рельеф с горного сменился на равнинный.

— Ну нет, я к Максиму сейчас ни ногой, — замахала двумя руками Синицкая и ухом прижала трубку телефона. — Ты же не хочешь, чтобы у вас появился новый маркетолог? А я еще не успокоилась, брякну что-нибудь и все — вперед, ищи новую работу. Это тебе не Егор, который все понимает и прощает. Макс, он такой, ух!

— Ладно. Давай, что сделала по объекту. Надо будет объяснить Максиму Александровичу, что это твои мысли.

— Хотела бы я посмотреть, как ты будешь объяснять.

Не выпуская телефон, Света перекопала бумаги на столе и вытащила тонкую голубую папку.

— Хочешь — пошли, и все увидишь, — проворчала Таня, мельком проглядывая листы.

Она закрывала дверь, когда услышала за спиной грохот: стул Романа все-таки подчинился хозяину, но не сумел преодолеть брошенных на полу книг и показательно

опрокинулся.

Таня действительно не занималась последним крупным проектом «Центринвеста». Она вообще предпочитала множество мелких задач одной глобальной, считая, что так узнает сразу больше о разном. А сейчас ей предстояло не ударить в грязь лицом и одновременно не подставить Свету.

Кабинеты руководителей располагались на четвертом этаже. Таня была здесь всего лишь раз, когда разыскивала по срочному вопросу Инессу Павловну, но помнила, что у лифта посетителей встречают два секретаря, Маргарита и Юля. Вообще удивительно, почему любое начальство неизменно выбирало в референты ярких девушек, с отличной фигурой и чуть ли не модельной внешностью. Будто они служили дополнительной визитной карточкой компании, говорившей о благополучии и процветании. При этом секретари «Центринвеста» были совсем неглупы, на удивление неболтливы и с легкостью справлялись со своими обязанностями, чем разрушали стереотип недалеких помощниц.

Стойка референтов делила пространство на две симметричные части. Умышленная соразмерность прослеживалась и в одинаковых внушительных дверях из темного дерева. У лифта примостились небольшой кожаный диванчик, вероятно для посетителей, и такой крохотный столик, что его назначение было скорее декоративным. В торцах стен за неяркими жалюзи угадывались громадные окна.

— Доброе утро. Меня вызывал Максим Александрович.

Темноволосая Маргарита, непосредственная помощница заместителя генерального директора, кивнула головой в сторону диванчика.

— Присядьте. Сейчас он освободится.

Заняв место с краю, Таня незаметно погладила кожу. Мягкая, но холодная. Пальцы, вцепившиеся в папку, начало покалывать, как в нагретом помещении после долгой прогулки по морозу без перчаток. Таня помялась, но в конце концов выговорила:

— А можно мне чая, пожалуйста?

От нее не ускользнуло переглядывание секретарей, и Таня запоздало сообразила, что подобные просьбы на четвертом этаже, вероятно, относились к разряду редкостных одолжений, ведь именно с таким лицом Маргарита прошествовала к окну, где на аккуратной тумбе примостились чайник и кофе-машина.

Глядя на ее подчеркнуто любезные движения, у Тани пропало мелькнувшее желание рассказать про аллергию Романа, выключенный кондиционер и прохладный кабинет маркетологов. Чай пить тоже расхотелось. Маргарита молча выставила на столик белое блюдо с тонкой ажурной каймой и так же без слов опустила на него чашку, похожую на полураскрытую кувшинку.

Едва секретарь вернулась за стойку, дверь левого кабинета распахнулась, выпуская Егора.

— Значит, надо это выяснить до подписания контракта, а не после. И Юлечка...

Княжев оборвал свою же фразу посередине и направился к Тане. Она лихорадочно подтянула чашку ближе и попутно чуть не перевернула ее себе на колени. Черт, не хватает еще залить папку со злосчастным отчетом! И почему для приемной пожалели денег и купили малюсенький диван, на котором с трудом можно разместиться вдвоем? Во всяком случае, она бы предпочла, чтобы севший Егор оказался не так близко. Хотя зачем врать-то

самой себе? Хотела она совсем другого: чтобы разделяющее их пространство стало еще меньше, как на узком кресле...

— Юля, подтвердите, пожалуйста, на завтра столик в «Орфее» на час дня. Да, и нас будет не трое, а четверо, — Княжев закончил с указаниями секретарю и переключился на Таню: — Здравствуйте, Татьяна Евгеньевна. Вы ко мне?

И почему она молчит и может только смотреть на длинные пальцы Егора, лежащие на его колене? Даже не смотреть, а как-то... любоваться. Со стороны помощниц донесся сдавленный кашель, и Таня отмерла.

— Н-нет, меня вызвал Максим Александрович.

Угловатым движением она подхватила чашку и торопливо сделала большой глоток. Горячий напиток обжег нёбо и наждаком прошелся по горлу. Черт, какая же она неуклюжая! Да и вообще думает не о работе, не о предстоящем отчете, а о каких-то глупостях. Ну да, красивые у Княжева пальцы, очень теплые и нежные, она помнит... Черт, черт!

Блюдце обиженно звякнуло, когда Таня почти уронила чашку на него. О, как же вовремя в приемную выглянул Головин! Сказали бы Тане еще полчаса назад, что при виде Максима она будет готова от радости вскочить и улыбаться, никогда бы не поверила.

— Да вы пейте, пейте чай, не торопитесь, — мягко осадил ее пыл заместитель генерального директора и обратился к поднявшемуся Егору: — Ты представляешь, у них, маркетологов, такой холод собачий...

— В смысле? Что, отопление не работает? — переспросил Княжев и окинул внимательным взглядом Таню.

Ой, она совсем забыла снять цветастую шаль, в которую куталась в ледяном триста втором кабинете. Да уж, ну и видок у нее! Вылитая старушка, страдающая ревматизмом.

— Работает, — не согласилась Таня и поморщилась: неприятное чувство на саднящем языке усилилось. — Просто батареи мало для помещения, а кондиционер мы не включаем, чтобы не угробить Романа с его аллергией. Максим Александрович, я принесла вам наработки по кварталу, как вы и просили. Будете смотреть сейчас или... мне оставить папку?

— Конечно, посмотрим сейчас, — привычно буркнул Головин, чем прогнал появившееся обаяние. — Проходите в кабинет.

Таня обреченно подцепила голубую папку с дивана и тут же чуть не уронила ее, едва услышала предложение Княжева:

— Может, мне тоже послушать...

Нет, нет, только не это! Она сейчас и слова дельного не выдавит, вот опозорится-то. Хватит с нее и одного критикующего. Что, у них других дел нет? Давайте обойдемся без присутствия самого директора, надо же что-то поручать и своим сотрудникам.

— Викторыч, иди уже, у тебя совещание через десять минут, — незлобно напомнил Головин, и сердце Тани благодарно ускорилося. — Сейчас тут нужен свежий взгляд, потом все обсудим. Дело-то нешуточное.

— Так ведь и я не клоун, Макс, да и не в игрушки предлагаю играть.

Голос Княжева по сухости мог соперничать с пергаментом, но Головин качнул головой и шагнул в кабинет. Они словно поменялись своими должностями, и последнее слово оказалось за Максимом. Надо же, какой решительный! Но, раз не побоялся возразить начальству, ее-то он точно разделает по полной. Крохотное спокойствие Тани уменьшалось с каждым выдохом, и она плелась к двери, как на эшафот, ощущая спиной сверлящий взгляд

Егора.

Все десять минут, пока Головин медленно переворачивал листы, в кабинете стояла напряженная тишина. Таня примостилась напротив на крае стула и наблюдала за выражением лица начальника, гадая, что последует дальше: похвала или выволочка.

Она так волновалась, что видела лишь темный широкий стол перед собой, который почему-то напоминал ей снятую с петель дверь, и хмуращегося Головина. Поговаривали, что он владел огромным объемом информации и удерживал в голове даже то, что напрямую не относилось к нему. Но даже если это было правдой лишь наполовину, Таня уже знала, что этот неприветливый человек не давал спуска никому и всерьез полагал, что сотрудники должны делать больше, чем от них требуется по инструкции. Гробовщик, ей-богу, и сейчас он явно подбрасывает в руке молоток, прикидывая, как получше забить в нее гвозди.

— Ну, все ясно. — Максим откинулся в кресле и скрестил пальцы рук в замок. — Работа проделана большая, качественная...

— Извините, можно я поясню: этот объект веду не я, а Света Синицкая, заместитель главного маркетолога, — брякнула Таня в приливе честности и скомкала бахромую платка.

— ...но неполная, — завершил фразу Головин. Вот он, первый удар. — Конечно, я в курсе, кто чем занимается. Или полагаете, что вы приглашены сюда по ошибке?

Он подался вперед, словно намеревался заглянуть в глаза Тане, но та предпочла мгновенно опустить их и продолжила наматывать нитки на палец.

— И с этого момента ответственным за продвижение «Элит-квартала» назначаю вас, Татьяна Евгеньевна. — Пальцы Головина отбили такой бравурный марш на столешнице, что Таня невольно покосилась. — Попрошу вас детально проанализировать торговые площади в жилых кварталах за последние три-пять лет: что предпочитают размещать, на какого потребителя нацелены.

— Да я сейчас могу ответить. — Вырвавшееся бурчание было не лучшим поведением, но она никак не могла справиться с досадой: вот как объяснить Свете произошедшее? — Чаще всего в нежилых помещениях размещают аптеки, мелкие магазинчики. В их профильность не буду сейчас углубляться, но продовольственные преобладают. Ну, и объекты сферы услуг: парикмахерские, фитнес-залы, отделения банков опять же.

— Процентное соотношение? — Головин черкнул что-то в блокноте.

— Посчитаю...

Карандаш заместителя директора оторвался от бумаги и улегся на указательный палец, чуть покачиваясь из стороны в сторону. Найдя баланс, Максим тотчас его разрушил, и карандаш покатился к краю стола. Проследив глазами за его движением, Таня чуть не пропустила следующее указание:

— И раз уж первое задание у вас фактически готово, посмотрите, какие категории людей предпочитают элитное жилье. Пол, возраст, социальный статус, возможный доход. Одним словом, составьте портрет нашего потенциального клиента. Да, и запланируйте каждую неделю отчитываться лично мне.

Замечательно, только этого ей не хватало! Головин взял трубку телефона и задумчиво перевел глаза на Таню. Что, сомневается, выгонять ее или придумать еще что-нибудь напоследок? Мало ему озвученных заданий! Но Максим больше ничего не произнес и попрощался. Покидая приемную, Таня старательно сдерживала шаги, чтобы уход не стал похож на бегство.

После строгого кабинета заместителя генерального директора комната триста два

показалась до боли родной и уютной. Даже несмотря на царивший беспорядок: бумаги все еще густым слоем покрывали пол. Таня прислонилась к косяку и на секунду закрыла глаза. Что сказать Свете, чтобы объяснить ситуацию с кварталом? Какие слова подыскать, чтобы стало ясно, что это не ее инициатива, а навязанное решение руководства?

В этот момент дверь комнаты снова открылась, и ввалился какой-то невысокий мужичок в спецовке с огромным калорифером в руках.

— Куда ставить-то? Решайте быстрее, мне других дел хватает.

Весь его недовольный вид говорил о том, что рабочий готов шмякнуть прибор об стену, но из-за тяжести затея срывается. Никто, даже Света, не успел и рта раскрыть, чтобы достойно ответить хаму, как вплыла Инесса Павловна. Она распорядилась разместить обогреватель между столами Тани и Светы и сдержанно заметила:

— Девочки, надеюсь, в дальнейшем любые недовольства сначала будут высказываться мне и лишь потом выше.

— Да не жаловались мы никому! Все и так знают про то, какую нам Роман свинью подложил со своей аллергией. — Света растопырила пальцы над обогревателем и одновременно отталкивала бедрами бедолагу Романа, тоже пытавшегося погреться.

— Почему же тогда сам генеральный звонил мне с просьбой помочь замерзающим маркетологам?

Коростылева возмущенно хлопнула ладошкой по столу, а потом зябко повела плечами.

— Извините, что невольно вас подставила, Инесса Павловна, — покаянно склонила голову Таня. — Меня просто увидели в таком роскошном оренбургском — или какой это? — платке. Я все и выложила, как-то не задумываясь.

— А стоило бы думать! Хоть изредка, — начальница выпускала последние колечки пара. — Это же твоя работа, Танечка.

— Кстати, о работе, — Таня повернулась к Синицкой, блаженно замершей у обогревателя в томной позе. — Ты меня тоже извини, Свет: твой квартал Головин передал мне.

— Ура! — неожиданно весело отреагировала та и милостиво сдвинулась в сторону, освобождая место у калорифера шмыгающему Роману. — Просто здорово! Ненавижу такие бредовые проекты. Ломаешь-ломаешь голову, а отдачи ноль. Так что спасибо Максу! Не думала, что он такой добрый.

— Да уж, удружил... Ты газету-то хоть нашла?

— А, такие мелочи...

— Я ее принесла пять минут назад, — пояснила Инесса Павловна, выходя за порог. — А вы прибрались бы здесь, девочки: чистый свинарник. Неудивительно, что документы пропадают.

— Приберем.

Синицкая даже не сдвинулась с места. Таня перешагнула через завалы на полу и проворчала:

— Мелочи, говоришь... Что ж ты с этими мелочами весь офис на уши поставила?

К концу дня Таня поняла, почему так радовалась Света: информации по строительству было море, но какой-то пустой. Совсем новые идеи по продвижению дорогого жилья приходили туго, постоянно приходилось убирать возникающую шелуху и снова, раз за разом, пересматривать данные. А для стандартного отчета по торговым площадям Таня обложила справочниками с перечнями предприятий и безостановочно искала-выписывала-сверялась, все больше с каждым часом ощущая тупую боль в виске. Конца же работе видно не было.

Наконец решив, что никому не станет легче, если она умрет на рабочем месте, Таня отчаянным жестом захлопнула все [книги](#). Голова болела уже так, что страшно было просто моргать. Что ж она не послушалась Романа со Светой и не ушла вместе с ними пару часов назад? Лежала бы сейчас в кровати, пила чай с лимоном... А так домой еще добраться надо. Таня сняла с вешалки пальто, выключила обогреватель и свет и побрела к лифту. Она долго не могла попасть в рукава, а когда это получилось, вздохнула так довольно, словно получила первый приз на соревнованиях.

Из-за дождя улицу заливала тусклая серая пелена. На крыльце Таня вытащила из сумки зонт и только нажала на его кнопку, как входная дверь резко распахнулась и хлопнула по открывающемуся плащовому куполу. От удара тот свернулся набок и беспомощно повис. Нет, ну надо же! Опять эта дверь! Вот только зачем поворачиваться к выходящему человеку? Неужели с надеждой, что пословица про невозможность попадания в одну и ту же реку все-таки лжет? Нет, все верно, это не мог быть снова он...

— Добрый вечер, Максим Александрович.

— Полагаю, вы считаете, что он был добрым только до нашей встречи, — сдержанно произнес Головин и посмотрел на то, что еще пару секунд назад называлось зонтиком, а потом решительно схватил Таню за локоть. — Пойдемте!

Высвободить руку из сильных мужских пальцев не было никакой возможности, поэтому пришлось тащиться по лужам и морщиться от дождевых капель, затекающих за воротник.

— Куда вы меня ведете?

— Надо же вам как-то попасть домой и не промокнуть. Другого зонта у меня нет, зато есть кое-что не менее полезное. — Максим пересек всю парковку и распахнул дверь громадной черной машины. — Садитесь!

В сгущающемся тумане мрачный автомобиль показался Тане чуть ли не катафалком, и она медленно попятилась.

— Спасибо, я лучше на автобусе.

Ее слова проигнорировали.

Когда же Таню бесцеремонно запихнули на переднее сидение, в голове ее взорвались тысячи звезд, а их осколки впились в висок. Чтобы не застонать, она стиснула зубы и закрыла глаза.

— Где вы живете? Куда ехать? Эй, вы меня слышите? — раздался рядом громкий голос, в котором через секунду послышалось беспокойство: — Таня, что с вами? Вам нехорошо?

— Простите, у меня небольшая мигрень...

— Небольшая?! Не смешите меня. Вы бледная как смерть. Может, вам таблетку дать? Или воды? Или к врачу надо? Воздуха хватает?

С каждым звуком в голову все глубже и глубже вгрызалась невидимая дрель, и Таня не сдержалась:

— Да помолчите же!

Наступила тишина, лишь дождевые капли безостановочно стучали по крыше и «дворники» ритмично шуршали, смахивая влагу со стекла. Таня будто сама видела пульсирующую венку на своем виске, от движения которой зависело сейчас все. К ее руке осторожно прикоснулись.

— Скажите ваш адрес.

— Сталелитейная, пять... — выдавила Таня и уткнулась виском в подголовник, чтобы хоть как-то облегчить боль.

Машина тронулась. Даже через полузабытье, в котором она пребывала, Таня ощущала, как аккуратно ехал Максим, переползая неровности, чтобы уменьшить тряску, и медленно разгоняясь после светофоров. Наконец он плавно остановился.

— Какая квартира? Я вас провожу.

Головин взял с Таниных колен сумку. По металлическому звяканью стало ясно, что он нашел то, что искал, — ключи. Выйдя из машины, Головин открыл пассажирскую дверь, но Таня даже не двинулась, с ужасом чувствуя подступающую тошноту. Казалось, пошевелись она — и сдержаться уже не получится.

И, когда Максим одной рукой обнял ее за талию и слегка потянул на себя, боль резко ударила в висок. Одновременно с ней в животе поднялся вихрь, заставивший Таню из последних сил дернуться в сторону. Она еле успела отбежать от машины на пару шагов, как ее тело скрутило в жгут и вывернуло, а потом еще и еще.

Спустя мгновение Таня выпрямилась, держа руку у рта, и увидела молча протянутый Максимом платок. Так же без слов она взяла его, вытерла губы и потом сунула в карман пальто. Не отдавать же обратно. Сейчас самое главное, что стало чуть легче, боль ушла куда-то вглубь и не ощущается так остро. Надо не терять времени и добраться до постели раньше, чем все может повториться.

Головин поднял сумку, упавшую на пол машины, крепко обхватил женский локоть и отрывисто уточнил:

— Подъезд? Этаж? Квартира?

Таня указала глазами на нужный подъезд. Максим осторожно довел ее до квартиры, помогая подниматься на каждую ступеньку, открыл дверь и тихо спросил:

— До кровати доберетесь сами?

— Да...

Она прикрыла дверь и, не раздеваясь, побрела в ванную прополоскать рот. Все, теперь только доползти до дивана. Так, шаг, еще один... Какое счастье! Таня свернулась комочком, спрятала ноющий висок в подушку и, как в мутный омут, провалилась в сон.

Она открыла глаза, когда левая нога затекла настолько сильно, что неприятное ощущение прорвалось даже сквозь тяжелый сон. Таня с трудом выпрямилась и поморгала ресницами: надо же, вчера даже не выключила свет в коридоре. Из кухни тянуло: наверняка форточка опять не закрыта. И от сквозняка лампочка еле заметно покачивалась. Давно надо было купить абажур и наконец спрятать ее. Но сама она вряд ли повесит стеклянный плафон, да и вообще любой, а просить некого. Разве только Романа...

Таня отвела взгляд от неприятного яркого света и не сразу поняла, почему мебель в комнате перестала быть черной. На двери шкафа, на ручке кресла и кое-где на ковре появились цветные кусочки, словно кто-то медленно разбрасывал нарезанные лоскуты ткани. Вот и на обоях над диваном добавился такой же. Ответ на загадку дало окно: светало. Ночь пролетела в один миг, а ватная усталость как была с вечера, так и осталась.

Заставив себя залезть в душ, Таня долго стояла под теплыми струями — веки закрыты, щека у кафельной стены. После фена волосы, как всегда, распушились и превратились в непослушное светлое облако. Она убрала их в хвост, но вид тут же стал занудный, как у училки. Ладно, и у висков Таня выпустила пару прядей. О тяжелом вечере напоминали небольшие тени под глазами и сухие губы, которые Таня тронула розовой помадой: сегодня макияж был ей не по силам.

Надо бы прикрыть в кухне окно, но от одной мысли, что она увидит еду, Таню стало мутить. Пусть форточка остается открытой. Неудивительно, что цветы никак не могут прижиться в этой квартире: разве можно цвести и зеленеть на подоконнике, если постоянно что-то дует и капает сверху. Все же они комнатные растения, а не уличные.

На полу у дивана лежало вчерашнее пальто. Повесив его на плечики, Таня разгладила влажноватую ткань и вытащила из шкафа куртку.

Офис встретил Таню непривычной тишиной и пустынностью. Да, рановато она пришла, другие, наверное, еще только едут... Охранник на входе приветственно кивнул головой. Интересно, видел ли он, как вчера Головин уводил ее к своей машине? И если да, то что подумал? По лицу его ничего не поймешь, вот и не стоит голову ломать. Да и ей все равно.

Щелкнув выключателем в кабинете, она в привычном беспорядке мгновенно выделила то, чего не было вчера. На ее столе поверх всех бумаг и справочников лежал... голубой зонт. Новый, этикетка еще не сорвана. Странно. Таня отложила его в сторону. Это еще не все. Малюсенькая записка приклеена к какой-то коробочке. Спазмолитики. Зачем-то Таня потрясла лекарства, хотя по опыту знала, что внутри будут блистеры, которые не гремят. «Дверь приносит извинения». Глаза прочитали текст раза три, но продолжали бегать по написанному и цеплялись за детали. Несерьезный цвет листика, розовый. Хорошо хоть, что без цветочков. Возле первых букв слова «дверь» белесые следы: видно, ручка капризничала и писавшему пришлось повозиться. Почерк с сильным нажимом и небольшим хвостиком на конце «я». Слишком знакомый почерк.

Таня включила обогреватель и протянула к нему ладони. Удивительно, ей совсем не стыдно из-за случившегося вчера. Да и что было-то? Человеку стало плохо, все. Разве позорны болезнь и слабость? Тогда почему она сейчас сидит и размышляет о том, что не заслуживает внимания? Значит, все же переживает...

Медленно отвернувшись от зонта сначала направо, потом налево, Таня улыбнулась: слабость начала понемногу уходить, мысли прояснялись. Надо занять себя чем-то, добить вчерашний анализ, выпить чаю, в конце концов. Черт, в тумбочке остался только зеленый чай. Таня не любила его за слабый вкус, подозревая, что просто не умеет правильно заваривать. Но сейчас у нее не было настроения убеждать себя, что зеленый чай ароматный и полезный. Что ж, может, хоть в закуске, отданном под кухню, найдется что-то другое.

Коридор наполнялся проходящими людьми: кто-то зевал, поеживался, кто-то смаковал кофе. Большинство же просто здоровались и проскальзывали в кабинеты.

Черный чай, но ароматизированный. Почти стопроцентная химия. Ну и что. Сейчас это лучше, чем совсем ничего. И с парой пакетиков Таня вернулась в комнату.

У порога Света настойчиво трясла пальто, стараясь хоть как-то разгладить помятый низ.

— Привет. Ну и толкучка была сегодня в метро! Думала, оторвут рукав у пальто, но повезло: его только пожевали боками. А ты чего такая тихая? Заболела?

Таня как раз успела пробраться за стол и окунуть чайную пирамидку в кипяток. Она не любила крепкий чай, поэтому почти сразу вытащила пакетик на блюдце. Напиток получился светло-коричневого цвета, естественно, без всякого намека на запах обещанной клубники.

— Нет, вчера был ужасный день, вот и спала плохо, — выдала Таня часть правды и сделала маленький глоток. Нет, и во вкусе не найти ничего ягодного. — В следующий раз послушаю вас и уйду с работы по первому зову, а не буду сидеть до петухов.

— Это точно, себя надо беречь. Ой, а откуда у тебя такой зонт? — Света подхватила подарок и повертела во все стороны. — Это же настоящий Пазотти!

— И что значит появившееся придыхание в твоем голосе?

Снисходительный взгляд Синицкой ясно дал понять, что разница в возрасте между подругами лет двадцать, причем старшинство присуждается Свете.

— Да моей зарплаты хватит на три-четыре таких экземпляра, если не меньше!

— Не преувеличивай...

Теперь уже Таня недоверчиво рассматривала вещь: обыкновенный зонт с элегантной ручкой-петлей такого же небесного цвета.

— Точно, говорю тебе, — не унималась Света. — Вот не веришь мне, спроси у Любы с ресепшена. Ухажеры водят ее в хорошие магазины, она много чего видела. Пусть хоть и на витрине. Так откуда сие чудо у тебя?

Таня неопределенно пожала плечами и вернулась к чашке. Света продолжила стоять у ее стола и торопливо постукивала носком сапога. Она делала это так успешно и раздражающе, что желание чаевничать у Тани прошло.

— Ну хорошо, слушай. Вчера Максим Александрович Головин умудрился сломать мой зонт и, видно, не спал всю ночь из-за мучивших его угрызений совести. Та грызла его так сильно, что он решил загладить свою вину вот этой милой вещицей. Вопросы еще есть?

— Да. Ну ты и даешь! — и Света чуть не села мимо стула. — Я, конечно, многое могу представить, но не это. Думаешь, если я, к примеру, порву сумку, стоит подойти к нему с просьбой о замене? Что-то ты темнишь, подруга. — Сапог Синицкой возобновил размеренную барабанную дробь. — Может, еще покопаясь в своей памяти и дополнишь рассказ пикантными подробностями?

— Какими пикантными подробностями?! У меня вчера была такая жуткая мигрень, что я едва не умерла. А знаешь, чем чреваты мигрени? — Таня изобразила рвотный позыв. — И самое ужасное, что Максим при этом действе присутствовал. Это все детали романтического

вечера.

Света притянула к себе забытую кружку с чаем, а Таня задумчиво призналась:

— Я, честно, не понимаю, зачем он принес его.

— Может, ты ему нравишься? — Синицкая одарила подругу томным взглядом. — И причина только в этом, а?

— Да, и, чтобы чаще видеть, завалил работой — твоей, между прочим, — съязвила Таня и улыбнулась: Синицкая фыркнула прямо в чай, а тот ответил ей фонтаном из брызг. — Спасибо, что отвлекла от переживаний. Знаешь, я частенько завидую твоему оптимизму и безудержной энергии. Где мои двадцать семь лет?..

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— А может, дело вовсе не в возрасте? — неожиданно серьезно ответила Света, промакивая лицо бумажным платком, и с сожалением отставила пустую кружку. — Ты слишком заморачиваешься, принимаешь все близко к сердцу, а при неудачах просто казнишь себя. Но так неправильно. Нельзя заикливаться на трудностях. Важно их отпускать, тогда они остаются в прошлом.

— А если... не остаются?

— Значит, плохо стараешься. Запомни: вперед можно идти только без гирь на ногах.

В кабинете стало тихо. Спустя пару секунд Света потянулась, словно сбрасывая усталость, и уже с привычной бодростью сказала:

— Ладно. Пора и в планы заглянуть. А в таком тепле работать одно удовольствие! Все же здорово, что Егор осчастливил нас этим обогревателем. Буду знать, кого засылать парламентаром, если еще что-то нужно будет выпросить. Танюха, ты определенно полезный кадр в нашем отделе.

— Надеюсь, ты ценишь не только мои способности к добыванию тепла, — со вздохом Таня вытащила листы с незаконченным вчера анализом торговых площадей.

Несколько часов стояла умиротворенная тишина, прерываемая едкими замечаниями Синицкой в адрес компьютера. Они повторялись с завидной точностью каждые пятнадцать минут: видно, лишь столько времени Света могла оставаться спокойной, а потом ее энергия начинала искать любые лазейки вырваться наружу. Роман прислал сообщение, что заболел, и Света, безуспешно поискав какие-то документы в его столе, тут же упомянула имя коллеги в связке с крепкими выражениями.

Проголодавшись, Таня отправилась на кухню. Может, там еще есть обычный черный чай: ей хватило тонкого, неуловимого вкуса клубники в утреннем пакетике.

В конце коридора мелькнула плотная коренастая фигура, и Таня замерла. Головин. Невозможно перепутать с кем-либо того единственного человека в «Центринвесте», кто носит деловой костюм как неприятную униформу. И сейчас ей нужно догнать его, чтобы поставить точку во вчерашней истории.

— Максим Александрович, подождите! — громко позвала Таня и побежала вслед за заместителем генерального директора.

Тот придержал открывшуюся дверь лифта.

— Здравствуйте. Мне нужно с вами поговорить, — влетевшая в кабину Таня перевела сбившееся дыхание.

— Здравствуйте. Я вас слушаю, — сухо произнес Максим и нажал кнопку.

Он выглядел угрюмым и сосредоточенным, каким был всегда, и именно эта неизменность придала Тане уверенности.

— Прошлым вечером вы стали свидетелем... неприятности со мной. Я хотела извиниться за это, — она заложила прядь за ухо, а потом снова высвободила ее, — и поблагодарить за новый зонт. Спасибо, только не надо ничего. Вчерашней помощи вполне достаточно.

Брови Головина приподнялись:

— Вам он не понравился?

— Понравился, но... Спасибо, не надо.

— Таблетки вы тоже вернете? — чуть саркастично уточнил Головин и зачем-то поправил идеальный узел на галстук.

— Нет, почему? Я уже подумала: их можно положить на кухню в общее пользование. Думаю, не одну меня мучают мигрени. А после обеда я принесу зонт.

Таня дернулась в сторону открывающихся дверей лифта, но Максим остановил ее за руку и ткнул в кнопку первого этажа, хотя они только что приехали наверх.

— Если с посторонними вопросами мы разобрались, то плавно перейдем непосредственно к работе. Вы уже что-то можете сказать, как я просил, об особенностях нашего клиента?

— Да, но пока только в общих чертах...

На раздвижных дверях лифта почти у самого пола виднелась царапина. Бугорок с завитком на конце. Таня мысленно пририсовала к царапине ножки-палочки, голову с отвисшими ушками, наметила глазки и нос — получился славный объевшийся песик. Ее взгляд скользнул ниже и споткнулся о блестящие мужские туфли. Черт, она же что-то начала говорить и умолкла прямо на середине фразы!

— Итак, наш клиент — это мужчина тридцати пяти — сорока пяти лет, чаще всего семейный, с одним ребенком. Профессии достаточно предсказуемые: финансисты, чиновники, топ-менеджеры, представители IT-сферы, шоу-бизнеса и вообще мира искусства, юристы... — Она замолчала на секунду, проверяя саму себя, и покрутила сережку. — Такой тип покупателей уже имеет собственную недвижимость и всего лишь улучшает свои жилищные условия, для чего и выбирает более престижное жилье. Платить предпочитает сам, не ввязываясь в кредиты и ипотеки. Что еще? Иностранцы сдали свои позиции: сейчас они чаще продают. Зато среди чиновников стало модным владеть именно отечественным жильем.

— Хороши же общие черты! — из голоса Максима пропал холодок. — Я рад, что не ошибся, доверив вам этот объект, а вы не просто сидите у компьютера.

Таня не знала, как отреагировать на этот сомнительный комплимент своей работе, и снова покосилась на царапину. Песик. Или поросенок.

— Тогда к концу недели, — предложил Головин стене за правым ухом Тани, — принесете все в напечатанном виде, с цифрами.

Он вышел в холл и внезапно задержал рукой дернувшиеся двери лифта.

— А зонт оставьте себе. В качестве премии, — и, скривившись, как от резкой боли, Максим шагнул в сторону начальника охраны.

Лифт снова закрылся, но не сдвинулся с места: Таня бестолково смотрела на панель с кнопками и приводила мысли в порядок. Те сейчас напоминали блох: суетливо прыгали во все стороны и совершенно не хотели успокаиваться. Почему, ну почему ей приходится общаться с Головиным, да еще каждую неделю? Вроде бы все в рамках, все вежливо, но так неприятливо и хмуро, что постоянно думаешь, в чем же ты провинилась. Наконец

вспомнив, куда она шла до встречи с Максимом, Таня нажала на цифру три и упрямо поджала губы: а зонт ей все равно не нужен. Пусть это будет выглядеть по-детски, взбалмошно и где-то несерьезно, но принимать его в качестве вознаграждения она не собирается. Ну вот так воспитана, извините.

Вместо кухни Таня заглянула в триста второй кабинет, взяла непрощеный подарок и таблетки. Последние тут же передала коллеге с пояснением, куда положить, а сама побежала на этаж руководства. Зонт послушно лег на стойку секретарей, а объяснения Тани превратили Маргариту в подобие рыбки: глаза моргают, рот беззвучно открывается, одно сплошное недоумение.

— Верните, пожалуйста, это Максиму Александровичу: он случайно оставил внизу. До свидания.

На лестнице Таня облегченно вздохнула: последствия вчерашней мигрени отступили, в голове установилась ясность. Теперь можно подумать и о еде. Обеденный перерыв заканчивался, а ее живот не хотел довольствоваться единственной чашкой чая с утра и недвусмысленно намекал на это роскошным бурчанием.

Света тоже обитала на кухне, причем прописалась там давно, судя по горе пустых тарелок перед собой и нескольким чашкам со следами помады по краю.

— Лопнуть не боишься? — Таня нырнула в тумбочку и обрадовалась пакетику простого черного чая не меньше, чем старому знакомому.

— Нет, сегодня вечером от всего избавлюсь. Ты, между прочим, тоже готовься, — предупредила Синицкая с полным ртом, но тем не менее запихнула в себя очередной кусок яблока и протянула подруге пакет с пирожками.

— В смысле?

Таня беспомощно посмотрела на сидящую рядом светловолосую Оксану, экономиста лет тридцати.

— Мы отправляемся в «Парадиз», ю-ху! — Света сделала жест рукой, будто нажала на гудок паровоза. — Да-да, я в курсе, что ты не любишь сборища, все уже знают. Но... — последовала многозначительная пауза, прерванная смехом Оксаны, — ...мы идем танцевать! И от этого никак не отвертеться: начинаем программу по сбрасыванию груза с ног. Тебе это жизненно необходимо, да и мне что-то последнее время тяжело бегать. А танцы... Их все любят. Вон и ты как зажигала в пансионате. Ни за что не поверю ни единому возражению, что танцы тебя не интересуют.

— Интересуют... — вздохнула Таня, а потом энергично встряхнула кудрями. — А пошли! Выспаться можно и на выходных, верно? Действительно, надо отвлечься от этого безумного «Элит-квартала».

— Не ты одна проклинаешь его. — Света пристально изучала содержимое пакета перед собой. Неужели прикидывает, влезет еще один пирожок в нее или нет? — И как там будут жить люди с той аурой, что уже сейчас окутывает этот объект!

— Так, девчонки, с вами хорошо, но я уже использовала все отмазки для своих опозданий с обеда. — Оксана поднялась и пригладила волосы. — До вечера. В восемь у входа. И не задерживайтесь.

— Не бойсь, — кивнула головой Света и, бросив взгляд на часы, поморщилась. — Ну что, закусили — пора и поработать.

— Это ты называешь «закусили»? — не удержалась от поддразнивания Таня, пока Синицкая выстраивала башню из тарелок. — Мыть не перемыть... Точно по шапке получим.

— Да ладно тебе, в кои-то веки оставим все в мойке. — Света с лучезарной улыбкой погладила свой плоский, несмотря на обилие съеденного, живот. — Отпрашиваться пораньше с работы не будем: лимит доверия Павловны у меня исчерпан. А сбегать и злить начальство по такому скромному поводу, как танцы, не стоит: думаю, еще найдутся более достойные мероприятия. Близится же Новый год. Пошли, сделаем вид, что все в работе. Тогда и время быстрее пройдет.

— Мне и вида делать не надо: работы просто завались.

Они вернулись в кабинет, и Таня вновь уткнулась в неприятный отчет.

Предстоявшее развлечение настолько захватило все мысли Тани, что ей стоило немалого труда сконцентрироваться на работе. Пальцы, что-то набирая, летали по клавиатуре, а Таня замороженно смотрела сквозь экран и ничего не видела перед собой. Ничего. Гулкая пустота в голове потеснила воспоминания о произошедших событиях и приберегала место для будущих впечатлений. Да и какие события происходили в ее жизни! Она давно нигде не была, проводила вечера и выходные дома у телевизора или за книгой, а то и просто не вылезала из кровати и часами изучала потолок. Порой Тане казалось, что она со стороны наблюдает за своей тягучей, как карамель, жизнью и что это вовсе не жизнь, а какой-то фильм, причем из разряда второсортных.

Развлекательный комплекс «Парадиз» был одним из самых крупных в городе. Хозяева явно постарались пойти навстречу разнообразным пожеланиям посетителей и собрали под одной крышей несколько танцполов с музыкой на любой вкус; длинные столы для сторонников шумных застолий; уютные закутки, вызывающие в памяти образованных людей слово «кабинеты», причем с интимным смыслом; бильярдный зал, боулинг, небольшой кинотеатр... Поговаривали, что позже появится и мини-каток.

Одним словом, это было замечательное место для любителей отдохнуть. Света оценила предусмотрительность Оксаны: та не поленилась заранее забронировать места подальше от входа и многочисленной звуковой аппаратуры на стенах помещения. Оставленный им столик оказался чуть с краю, недалеко от круглого танцпола. Чистый цирк: танцевальное представление на арене в центре зала, зрители пьют шампанское за столами и рукоплещут.

Подруги заказали коктейли и, не дожидаясь их, решили сразу пойти танцевать. Света обтянула коротковатое синее платье, которое постоянно приподнималось вверх, и который раз посетовала, что в магазине не было размера побольше, но «не могла же я упустить такую красоту!». Оксана очень эффектно смотрелась в коротком топе и таких же коротких шортах. Таня чуть не спросила, как она шла по улице в таком наряде, потом сравнила фигуру экономиста со своей и украдкой вздохнула. Эх, зря она выбрала для вечера облегающие брюки! А в ультрафиолетовом свете дискотеки кофточка ее стала полупрозрачной, да и жарковато.

Вечер только начинался, и на танцполе было не так много человек. Девизом вечера подруги дружно избрали сакраментальную фразу «Это энергичный танец!» из классики советского кинематографа. Сначала Таня робела, боялась показаться смешной, но всеобщая атмосфера расслабленности и безбашенности в конце концов захватила и ее. Она с удовольствием принимала все предложения на медленные танцы и с еще большим наслаждением танцевала сама, чувствуя, как постепенно отогревается ее душа.

Прошло несколько часов после прихода, и отвыкшие ноги начали гудеть. Таня села отдышаться за столик и потянулась к своему молочному коктейлю. Так и есть: взбитые сливки. Уже осевшие. Как же она забыла про эту «красоту»! И куда их теперь вытащить: нет даже блюдца... Таня отстраненно потыкала в бокале трубочкой и отпила глоток. Фу!

— Добрый вечер, Татьяна... Евгеньевна. — От звуков такого знакомого голоса она едва не расплескала коктейль. — Можно присесть?

— Здравствуйте, Егор Викторович. Располагайтесь, конечно.

Хотя напротив места было более чем достаточно, Княжев опустился на край диванчика рядом с ней.

— Не ожидал встретить вас здесь.

— А уж как я не ожидала...

Как он ее увидел? Как вообще можно разглядеть кого-либо в толпе при постоянно меняющихся огнях и лучах дискотеки?!

Повторная попытка выпить коктейль с ненавистными сливками не улучшила его вкус, и Таня отодвинула стакан.

— Вы здесь одна?

— Нет, с подругами.

Княжев ослабил галстук, оставив висеть его неаккуратным узлом, и тяжело откинулся на спинку сидения. Через пару секунд он продолжил:

— Я не люблю такие заведения, по-моему, в них всегда слишком громко.

— Так зачем пришли?

Прямая спина Тани начала ныть, пришлось отодвинуться чуть в сторону и опереться на отставленную вбок руку. Теперь лицо Егора было видно очень хорошо. От скользнувшего фиолетового лазера на его скулах и под глазами залегли причудливые тени. Через секунду цвет сменился болезненным желтым оттенком, а потом бордовым.

— Приятель попросил, Олег Рыжов, — наконец ответил Княжев на вопрос Тани, прс который она уже и забыла. — Мы учились вместе до девятого класса. Потом он переехал, но связь мы не потеряли и иногда общались. Хороший такой парень был. Вы, наверное, его не помните...

Егор снова замолчал, потом вдруг подвинул к себе бокал Тани и торопливо сделал несколько глотков. Она же взяла салфетку и стала медленно протирать вспотевшие ладони, палец за пальцем.

— Так вот, Олег Рыжов... — Рука Княжева наклоняла уже пустой коктейльный стакан из стороны в сторону, и по стенкам скользили снежно-молочные язычки. — Он предложил здесь встретиться, поговорить. Но, к его чести, не стал долго тянуть, что-то выдумывать, а сразу попросил денег. Всего лишь.

— И вы отказали? — она не удержалась от вопроса.

На стол упала белесая капля.

— Нет, дал. — Егор отставил бокал. — Когда увидел его глаза, сразу дал. Он ведь не для себя просил, а для жены... Знаете, странно чувствовать себя чуть ли не богом. От одного несложного движения, — он сделал жест, будто вытаскивает что-то из внутреннего кармана пиджака, — зависит жизнь человека... Не много не мало, а «кошелек или жизнь». И ведь сколько раз уже слышал подобные просьбы, а вот до сих пор не могу привыкнуть. И не у всех же настоящая беда, например, болезнь, от которой никуда не деться. Кто-то попадает в истории по собственной глупости, а разругивание почему-то сбрасывают на меня, по сути совершенно постороннего человека. Они вляпались, а мне разгребать. И никому нет дела, что, пока со всем разберешься, часть боли, грязи перейдет на тебя. Мерзко...

Привычный и уютный образ уверенного в себе шутника исчез.

— Ну, так, может, лучше не встречаться больше ни с кем?

— Пробовал. Тогда еще хуже. Осознавать, что мог помочь, а не захотел. А он умер. Или повесился. Пришел домой и повесился. На крюке от люстры из-за того, что ты не оплатил его карточный долг. Вот так просто.

Егор вздохнул и закрыл глаза, словно вместе с монологом ушли последние силы. От него расходились почти осязаемые обреченность и тоска. Срочно, надо его срочно выдернуть из этих переживаний, сказать что-то ободряющее.

Но вместо этого у Тани вырвалось:

— Моя мама умерла от онкологии. Она всегда скрывала от меня, когда что-то болело, тихо пила какие-то таблетки и молчала, чтобы не расстраивать. А потом за пару месяцев... И все... — Мятая бумажная салфетка спланировала под стол. — Больше всего я жалею, что не ходила ни к кому на поклон, не попыталась ей помочь. Да я даже ничего не замечала!.. — и Таня шумно задышала ртом.

— Давно? — Егор моментально поднял голову и накрыл своей рукой ее пальцы, безостановочно чертившие на столе круги.

Таня правильно поняла его обрубленный вопрос и облизнула пересохшие губы.

— Полгода...

«Полгода. Шесть месяцев. Сто восемьдесят три дня. А до этого несколько сотен мучительных часов, когда понимаешь, что можно только смотреть на запавшие тусклые глаза, на тонюсенькую кожу с выпирающими венками. Только смотреть и мысленно просить не оставлять тебя. Трусливо, эгоистично просить, хотя лежащий перед тобой самый дорогой человек непрерывно стонет от боли, и ты знаешь, что уход станет для него избавлением. Для него, но не для тебя».

Вдруг Таня ясно осознала, что, несмотря на попытки дистанцироваться, они с Княжевым все равно сидят, касаясь плечами и бедрами, совсем близко друг к другу. Вероятно, чтобы слова не потерялись в грохочущей назойливой музыке. И впервые при мысли о маме ее не поглотило привычное отчаяние.

Она вытянула свою руку из-под широкой теплой ладони Княжева, кашлянула и вернулась к предыдущей теме разговора:

— А то, что к вам приходят и просят денег, — всего лишь обратная сторона состоятельности. С этим ничего не поделаешь. Но, может, вас утешит то, что очень многие люди совсем не нацелены на деньги других. Правда, они не афишируют это, а молчание всегда не так заметно в общем хоре голосов. — Таня вытащила из-под стола спрятанную сумочку. — Извините, я пойду. Завтра рано вставать.

— Я вас провожу. — Егор тоже встал и застегнул пиджак на одну пуговицу. — И не возражайте. Уже поздно, вы же сами сказали. Не стоит ходить одной, мало ли что.

Таня не успела ничего возразить, как он подхватил ее под локоть и решительно увлек за собой в сторону гардероба.

На улице похолодало. Воздух стал настолько ледяным, что, казалось, взмахни молотком — и на асфальт посыплются мелкие льдистые кусочки. Хорошо еще, что не было ветра, иначе в своем нарядном, но тонком пальто она замерзла бы сразу на крыльце развлекательного центра.

Зубы Тани начали выбивать стыдливую дробь, которая усилилась, едва Егор потянул ее к припаркованной недалеко машине цвета графит. Немного дуговые формы и решетка между хищноватых фар, словно приоткрытый акулий рот, вызвали в памяти красивое слово «Мазерати» и завистливые стоны многих офисных работников. Но Таня не разбиралась в машинах, ей было все равно, на чем передвигаться. Однако откуда-то появившаяся напористость Княжева смущала, и она покачала головой на приглашение сесть. Не то чтобы ее никогда не подвозили. Глупости. Конечно, подвозили, тот же Ромка, например. Но одно

дело друзья и совсем другое Егор Княжев. Она боялась, что в салоне автомобиля сотрется очередная граница между некой Татьяной Вышковец и владельцем крупной компании. Боялась и одновременно желала этого.

— Татьяна... Евгеньевна, — чуть насмешливо произнес Егор и оперся на свою открытую дверь, — неужели вы думали, что мы поедем на такси или на автобусе? Поверьте, так быстрее и дешевле. Особенно в такую «душевную» погоду.

Автобусная остановка была за спиной. Интересно, сможет ли она туда добраться и не подхватить воспаление легких? Таня невольно дернулась. Заметив движение, Егор вздохнул и обошел автомобиль.

— Не знаю, что вас так пугает. — Взгляд Княжева уперся в ее сумку, и Таня ощутила, что сжимает пальцы с такой силой, что чуть потяни за ручки — и они оторвутся без малейшего усилия. — Временами мне кажется, что вы так и не вышли из подросткового возраста. Вот тогда стоило опасаться мужчин и не садиться в чужие машины. А сейчас это смешно, ей-богу, тем более со мной. Я просто отвезу вас домой. — Егор медленно перевел глаза на Таню, и лишь после этого она смогла ослабить хватку рук. — Вы выйдете и пойдете в квартиру. Одна. Надеюсь, это вас успокоило?

На порог развлекательного центра вывалилась шумная компания, и Таня обернулась. То ли студенты, то ли подростки-акселераты пустили две зажженные сигареты по кругу. Кто-то вспомнил один из последних шлягеров, и тут же все заголосили, сдабривая откровенную фальшь петушиными трелями в духе «Слышь, а я могу и третью октаву!».

Когда Таня снова посмотрела на Егора, его глаза утратили излишнюю решительность, а настойчивость перестала быть угрожающе агрессивной. Что ж, она честно попыталась отказать. Дальше упираться глупо. И Таня, кивнув, заняла место в автомобиле. Княжев тут же сел за руль и завел мотор.

— Итак, куда ехать?

— Домой, — обреченно выдохнула она и засунула руки в карманы.

— Тогда могу завезти вас только к себе домой, потому что свой адрес вы пока так и не назвали...

— А из резюме вы его не почерпнули? Там же была масса полезной информации... Что ж вы так?

— Я забыл, — Егор обезоруживающе улыбнулся.

— Сталелитейная, пять.

Что, ну что же так злит и раздражает ее в этой ситуации? Ведь вроде бы отношения с Егором сводятся к простому обмену новостями, любезностями. К работе, в конце концов. Но почему же ее подсознание нашептывает, что она была права, что каждая общая минута меняет отстраненность любой их встречи, меняет на что-то, пока не носящее названия? И от этой затянувшейся неясности ей неимоверно тяжело.

— Напишите эсэмэску подругам о том, что вы ушли. Наверняка они волнуются.

Точно. А она даже не подумала о такой мелочи. Вытащенный телефон сонно мигнул и все же согласился поработать. Останется только набрать удобочитаемый текст на аппарате с парочкой неработающих клавиш. Ну ничего, Света привычная разбирать ребусы. Мобильник бульканьем отрапортовал о выполненном задании, и Таня спрятала его в сумку.

В салоне стало тихо. Почему Егор не включит радио, чтобы заполнить хоть какими-то звуками липкое молчание? Но вместо этого Княжев заговорил:

— Хотите, расскажу одну историю? Она мне частенько приходит на ум, когда я за

рулем. Одно из моих первых детских воспоминаний. — И, не дожидаясь одобрения, Княжев продолжил: — Как-то мы приехали в деревню к бабушке. Поздно приехали, вечером. Вокруг темнота, только впереди что-то светлое подрагивает, как горящий глаз. Я жутко испугался, в голову полезли всякие страшилки. Мне ведь тогда года три было...

Почему он замолчал? Забыл, что дальше, или намеренно сделал паузу, чтобы она мысленно нарисовала вихрастого мальчика на узкой тропинке, прижавшегося ко взрослым и следящего за ярким кругом?

— А оказалось, что это бабушка встречала нас с фонариком. Я потом шел за этим пятнышком, как котенок за бантиком: куда оно, туда и я. И с тех пор, когда думаю о бабушке, она почему-то всегда представляется окутанной легким светом. — Егор кашлянул. — После той поездки я долго радовался настоящим большим фонарям. Помните, дороги тогда не так освещались, как сейчас: то ли сэкономили, то ли просто не умели. И вот эти редкие фонари были для меня будто старыми друзьями, передающими привет от бабули. Теми, с кем и поговорить можно про что угодно, и помолчать удобно.

— А я боялась свою бабушку, просто до кишечных колик, — призналась Таня, сама от себя не ожидая подобной откровенности. — Она всегда держала себя генералом, ждала от нас беспрекословного повиновения и зычно покрикивала по любому поводу. Я вспоминаю ее очень редко и с неохотой.

Егор понимающе кивнул. Автомобиль притормозил на светофоре, и на дороге появилась хохочущая парочка. Парень обнимал подругу за плечи и одновременно что-то изображал, а потом и вовсе остановился чуть ли не посередине перехода. Девушка потянула его за рукав и кивнула на стоящую машину, но шутник опустил на одно колено и галантным жестом рыцаря предложил спутнице руку. Из невидимых ножен был извлечен призрачный меч, и воин поскакал на другую сторону дороги. Прекрасная дама держалась рядом, вероятно, оседлав второго скакуна. Разыгранная пантомима вызвала улыбку у Тани, Егор же весело мигнул фарами и выжал газ.

— Молодцы, ловят каждый момент и не боятся оказаться забавными, — спустя пару секунд добавил Княжев. — Люди вообще опасаются выглядеть смешно, словно это показатель слабости характера, мягкотелости, поэтому защищаются, кто как умеет: наглеют, хамят, громко хохочут.

— Вы тоже?

— Очень редко, и последнее время только с вами, — признался он. — Видите, рот не закрывается. Забалтываю смущение. Смешно сказать: взрослый мужик, генеральный директор, а рядом с вами как пацан.

— Школьник...

Усмешка Егора подтвердила, что он принимает определение. Машина повернула в Танин двор и ткнулась колесами в полуразвалившийся бордюр возле одного из подъездов. Щелкнул замок ремня безопасности, и Таня повернулась к Княжеву.

— Спасибо, что подвезли. В такую промозглую погоду на самом деле мало радости мерзнуть на остановке.

— И вам спасибо за вечер. С вами просто и очень уютно, к вам хочется возвращаться. — В тусклом свете салона глаза Егора неожиданно стали бездонными. — Знаете что? А давайте завтра поужинаем вместе.

Сердце Тани ухнуло куда-то вниз и, несмотря на сидение, докатилось до пяток. Неужели... неужели он в самом деле хочет?.. Возвращаясь на свое положенное место, сердце

радостно толкало все подряд: колени, бедра, живот — ура, ура! Их восторженное дрожание прервала резкая мысль: «Забыла?! Ты забыла о своей ущербности?! Ну так я тебе напоминаю». И Таня тут же сникла, схватилась за ручку двери и лихорадочно дернула ее несколько раз.

— Извините, мне пора идти.

Наконец та распахнулась, и тут же ночной холод залез противными пальцами под ткань пальто.

— Хорошо, не завтра. В другой день. — Княжев тенью вырос перед торопящейся ускользнуть Таней.

— Егор Викторович, спокойной ночи.

Но, вопреки своим словам, она не ушла, а опустила голову. Под ногами на асфальте вилась, высвеченная яркими фарами, кривая трещина.

— Когда вы подниметесь в квартиру, пожалуйста, включите сразу свет. Вы ведь не захотите, чтобы я проводил вас, верно? А так буду хотя бы знать, что вы добрались без происшествий. Или у вас окна на другую сторону? Ну что вы молчите, Таня? Или может?.. — Егор шагнул ближе.

Она неопределенно качнула головой и ринулась в подъезд.

Еще толком не проснувшись, она почувствовала влагу на щеке. Из-за моргнувших глаз слеза покатилась быстрее и скользнула к уху, неприятно пощекотав его. Значит, сегодня первое декабря. Этот безумный сон всегда начинал ей сниться с наступлением зимы, словно какой-то внутренний календарь переворачивал в ожидании листы и мгновенно оживлялся, прочитав заветные и страшные буквы. Декабрь... Надо не забыть проверить, осталось ли еще выписанное врачом снотворное. Тогда можно будет просто проваливаться в спасительную пустоту вместо того, чтобы бесконечно плакать во сне и отмахиваться от кружащихся детских лиц, падающих хлопьев снега, укрывающих все вокруг саваном...

Таня сжала виски и, подскочив к шкафу, судорожно перевернула фотографию на полке лицом к стене. «Прости, мама, но лучше это сделать сейчас, пока не навалились мысли еще и о тебе. Тогда я точно не справлюсь с болью». Так, а теперь распахнуть настежь балкон: пусть настоящий холод покроет сердце коркой льда и удержит страдания. Хотя бы до вечера...

Дрожа на сквозняке, Таня заставляла себя следить за пропархивающими на улице снежинками. Еще пять минут — и она закроет окно, умоется, оденется и выпьет чай. Во-от. Теперь надо потерпеть всего лишь три минуты, и будет не страшно заглянуть в зеркало, а день пройдет спокойно. Одна минута. Зачем она поджигает босые пальцы ног, как будто мысленно убегает отсюда? От самой себя не убежишь. Все, можно отвести взгляд от снега. Если бы она могла растопить его вообще...

Качнувшись, Таня захлопнула балконную дверь и побрела в ванную. Надо делать все то, что и обычно. А боль в глазах... ее можно спрятать под густым слоем туши.

И как замечательно, что по утрам в автобусе идут настоящие сражения, в которых ежесекундно стараешься удержать равновесие, не выпустить поручень, отклониться от бесцеремонного толчка в спину. Почему-то именно в такой боевой атмосфере Таня лучше всего настраивалась на рабочий лад. Вот и сейчас она вспомнила, что, несмотря на середину недели, у нее откуда-то собралась приличная коллекция недоработок и «хвостов». Ими и стоило заняться сразу же, с раннего утра, и не думать больше ни о чем.

Но не успела она войти в офис, как ее встретил визг Светы:

— А-а, какая красота! И-и-и!

Все эти пiski относились к великолепной белой розе на длинном черенке, лежащей на столе Синицкой. Таня невольно перевела взгляд на свое место и удивленно заметила и там цветок, на этот раз бордовый.

— Привет, Танюха! Полюбуйся на это чудо. Да-а, знает руководство, как нас подбить на новые свершения в работе.

Таня начала снимать куртку, но после последней фразы замерла с рукой, наполовину вытащенной из рукава.

— Не поняла, при чем тут руководство.

— Так ведь эти цветы от компании, — пояснила Синицкая и поглубже засунула нос в середину розы, а потом блаженно выдохнула. — Всем женщинам, прикинь, и не в Восьмое марта. Наверное, как признание наших заслуг.

— А мужчинам что, водка? — хмыкнула Таня и продолжила раздеваться.

— Ну при чем тут водка? Но признай, отличный ход для поощрения. Всем розы, правда, разных цветов. Надо будет попросить, чтобы в следующий раз подарили вазу, а то куда теперь цветочек ставить? — Света покрутила головой по сторонам. — Так он до вечера и завянуть может. Бутылку, что ли, раздобыть какую?

— Ага, у мужиков. Как свою водку выпьют.

Роза пахла сладковато, как ванильный сахар. Таня погладила пальцем лепестки и переложила цветок на подоконник. Какая разница, почему его подарили, если от этого жеста на душе по-весеннему потеплело? А еще замечательно, что в голове потеснились плохие мысли и стало чуть легче дышать. Может, и получится сегодня обойтись без успокоительного.

Руки начали привычную работу, вовлекая мозг, и к обеду утренние переживания притупились. Таня даже встревала в привычную перепалку между Светой и Ромой. Строго по очереди, для чего и завела особую табличку, где ставила палочки, чтобы не забыть, чью сторону нужно принять в следующий раз. Света шутку не поняла и неприкрыто возмущалась предательству подруги.

Потом компьютер Синицкой неожиданно завис, и ее недовольство стало таким яростным, что звонок по внутреннему телефону Таня расценила как помощь свыше. Секретарь Юля, как всегда, сдержанным и отстраненным голосом сообщила, что Вышковец Татьяну ждет Егор Викторович вместе с материалами по «Элит-кварталу».

— Черт, сговорились они там, что ли, с этим объектом? — бормотала Таня, пока распечатывала документы с последними изменениями. — Мало вызовов к Максиму на ковер, сейчас и Егор возьмется за выволочку.

— Чего там выволакивать? — не согласилась Света; она подбрасывала в руке степлер и угрожающе поглядывала на неменяющийся экран своего компьютера. — У тебя столько сделано, так что хвалить должны. Просто проект громадный, деньги большие светят, вот и не хотят упустить ни одной детали.

— Думаешь? Ладно, держите за меня кулаки.

— Подержу, а потом как тресну ими эту машину! — взвилась Синицкая и швырнула степлер в ящик стола. — Рома, позвони техподдержке, не то прокляну!

— Жаль, что Княжев и меня не звал, — тихо выговорил Роман понимающе улыбнувшейся Тане и обреченно взял трубку телефона.

В дирекции было тихо. На стойке секретарей возвышались две розы, желтая и кремовая, каждая в аккуратной узкой вазочке. Юля нажала кнопку на телефоне, чтобы оповестить генерального директора о приходе Тани, но Егор сам распахнул дверь со своей стороны, словно ждал. Он был без галстука, в светлой рубашке с привычно расстегнутым воротником и в темных брюках. «Очень непринужденно и эффектно», — некстати подумала Таня и негромко поздоровалась, переступая порог кабинета.

Закрывающаяся дверь подействовала на нее странным образом: безумно захотелось пить, наверное, от волнения. Горло буквально начало саднить, и Таня тоскливо обвела глазами огромную комнату, натываясь взглядом на полупустой массивный стол с одним лишь ноутбуком на нем, добротное кожаное кресло, шкафы с какими-то документами и книгами.

— Проходите, Татьяна... Евгеньевна, садитесь.

Интересно, пауза между именем и отчеством только ей кажется искусственной?

Егор любезно отодвинул стул с высокой спинкой у стола и сам сел на такой же рядом, а

не в кресло через стол. Вряд ли будет прорабатывать, иначе бы так не сглаживал разницу в их должностных положениях. Стул оказался очень удобным, и Таня, успокаиваясь, положила папку с материалами на край стола.

— Перед тем, как отчитаться о проделанной работе, я бы хотела от лица всех женщин нашего коллектива поблагодарить вас как руководителя за подаренные нам цветы, — произнесла Таня заранее заготовленную фразу и тут же ощутила всю убогость и топорность сказанного.

Егор тоже не упустил возможность добавить:

— Отлично сказано. Как на партсобрании. И все равно спасибо. Тем более, что все женщины нашего коллектива получением своих цветов обязаны именно вам.

— В смысле?

— А в смысле, что мне хотелось подарить цветы только вам. Но, подозревая вашу возможную реакцию на этот жест, я одарил розами и других. Так сказать, на общем фоне ваш цветок не выделился. Если только цветом. Красный был только у вас.

— Бордовый, — механически поправила Таня и покрутила сережку в ухе. — Я все-таки не поняла. Зачем вообще было дарить цветы, даже лично мне?

Княжев чуть склонил голову набок.

— Да, спать вам нужно явно не шесть часов в сутки, как вчера. Зачем дарят цветы, если не чтобы сделать приятное? Мне казалось, все женщины их любят. Вы нет?

— Я нет... Простите, что вы сказали?

Егор облокотился на свою руку, лежащую на столе, и без тени насмешки повторил:

— Я спросил, любите ли вы цветы. Если нет, что лучше подарить в следующий раз?

— Какой следующий раз? — наконец Таня вытряхнула из себя сознание идиота и пересела на стуле чуть глубже. — Я пришла с материалами по «Элит-кварталу»...

— Я в курсе всего, что наработано по этому объекту, и искренне восхищаюсь вашей результативностью за такой короткий срок. Но звал я вас по другому поводу. Папка о квартале была лишь предлогом.

— Для чего?

Опять эта сухость во рту!

Егор медленно встал и отошел к окну. Он словно намеренно создавал между собой и Таней расстояние, и это успокоило ее. Ровно до последовавших слов:

— Знаете, Таня... Можно мне называть вас так, по имени, без отчества? Очень хочется, и уже давно. — Княжев оперся ладонями о подоконник. — Вероятно, в это трудно поверить, но я ужасно закрытый человек. Шутить и улыбаться — одно, а открывать душу, пусть это и звучит нелепо и пафосно, — совсем другое. Во всяком случае, для меня.

Он сделал паузу, на лбу появились продольные морщинки, из-за чего его лицо стало каким-то незащищенным и очень искренним. И Таня опять невпопад подумала: «Вот и сбылось то, что пророчили школьнику Егору: очаровывать всех в радиусе десяти метров. А это доверительное выражение наверняка помогает разрешать любые трудности».

А Егор сделал небольшой шаг от окна и заговорил снова:

— То, что я вчера смог рассказать вам что-то про себя, много значит. И пусть вы почти не делаете того же в ответ. Важно другое... — После паузы Егор опять шагнул вперед. — Забудьте, что я ваш начальник. Поужинаем вместе. Один вечер. Просто еда. Просто разговор. Ведь вы боитесь, что может быть что-то еще, так?

— Ничего я не боюсь, — внятно ответила Таня своим рукам, ведь именно на них она

смотрела последние секунды.

Волнение ее стремительно нарастало, сердце убыстрялось, а в животе («В том самом животе!») началось неприятное жжение. Черт, только бы справиться!

— Если помните, я предпочитаю быть честным, всегда, и прежде всего с самим собой. Принимая вас на работу несколько месяцев назад, я думал только о том, что моя команда дополнится нужным специалистом, к тому же хорошим человеком. Да, я был рад, не более того. Но теперь...

Еще один шаг вперед.

— Что теперь? — сдавленным голосом уточнила Таня и зажала ноющий висок. — Что изменилось за это время? Кажется, я не давала повода думать обо мне по-другому.

— И все-таки невольно дали. Это ваше умение слушать, сопереживать; ваш огонь, который вы почему-то сдерживаете, но он горит у вас внутри, несмотря ни на что; ваши милые иголки и колючки в виде защиты; ваши светлые кудряшки и такая же солнечная улыбка, которая вам так идет, хотя вы и редко сейчас улыбаетесь; ваша стойкость, жизненная сила...

— Какая, к черту, стойкость, какая сила?! Посмотрите на меня! Разве так выглядит человек, довольный своей жизнью? — Утреннее отчаяние накатило резко и с такой силой, что Таня вскочила и судорожно сцепила пальцы рук в замок.

Только бы не сорваться на крик! Еще пара секунд — и истерика может захватить ее прямо здесь, в кабинете.

— Таня, я не хотел вас обидеть...

Княжев внимательно и одновременно обеспокоенно окинул глазами ее лицо, а она безуспешно пыталась унять дрожь в ногах.

— Обидеть? Что вы знаете о том, что может меня обидеть? Вы вообще ничего не знаете обо мне, о том, как я жила эти годы! — лихорадочные слова выплескивались как из переполненного стакана. — Я не та беззаботная учительница, которую вы помните. И пусть ваши выдумки останутся красивыми словами, они не имеют ко мне ровно никакого отношения. Извините, я лучше уйду, а папку оставляю для изучения.

Таня качнулась в сторону двери, но Егор опередил ее и схватил за руку.

— Подожди...

Она отчаянно дернулась пару раз, но, вместо того чтобы окончательно вырваться, уткнулась лицом в грудь Егора. И накатили спасительные слезы. Они вымывали из глаз появившуюся горечь, сожаления, сомнения. Как же она устала бежать от самой себя, в пустоту, где ее никто не ждал! А здесь и сейчас ей спокойно... Душившие горло спазмы постепенно исчезали. Наконец всхлипы стали реже и тише, а потом и вовсе прекратились.

Таня стояла уже просто так в кольце рук Егора, а он крепко держал ее запястья одной рукой, а другой прижимал ее плечи к себе. От него пахло свежестью, кофе и мятой. Она никогда не любила ментол, но сейчас вдохнула аромат и подалась вперед, еще ближе к теплу мужского тела. Ну и пусть, хуже уже не будет.

Хватка Егора ослабла. Нехотя отстранившись, Таня с ужасом поняла, что хуже очень даже может быть: на рубашке генерального директора красовались черные потеки от ее туши. Черт! Черт! Черт!!!

— Так, все нормально, — невозмутимо произнес Княжев, проследив за ее взглядом. — Рубашка — это мелочи, просто пиджак не буду расстегивать. А вот то, что у тебя все прошло, — это главное.

— Это ж надо так уметь вляпываться, — Таня обреченно закрыла лицо руками. — Один директор наблюдает мою истерику, другой и того хуже...

— Истерика — это, я понимаю, про меня. А вот про другого — это что?

Егор потянул ее за руку, заставляя взглянуть на себя.

— А вы у своего зама спросите, в чем он участвовал. То еще зрелище!

— У Максима? При чем здесь он?.. — ошеломленно уточнил Княжев, и глаза его едва заметно потемнели. — Значит, Головина ты начальником не считаешь, его ухаживания принимаешь, а мои нет?

— Какие, к черту, ухаживания?! — закричала Таня, на этот раз от злости и жалости к себе. — Он мне платок подал после того, как меня чуть не вывернуло прямо на него...

Егор оторопел на миг, а потом громко засмеялся и вновь притянул Таню к себе. Та успела выставить ладонь в самый последний момент. Хватит уже разукрашивать рубашку! Сквозь тонкую прохладную ткань под пальцами приятно ощущались мускулы и стук сердца Егора. Макушкой она ощутила легкое дыхание Княжева. Какая она все-таки невысокая! Или же это он наклонился к ее волосам? Почему в ее жизни все так нелепо: и тогда, много лет назад, и сейчас?..

— Так, сейчас ты приводишь себя в порядок, я имею в виду этот шикарный готический макияж, — Егор так и не изменил позы. — Ничего не имею против него, но лучше все вернуть, как было. Думаю, у Юли найдется то, что нужно в таких случаях.

— Полагаете, она не сделает никаких ненужных выводов? — Таня осмелилась поднять глаза, стараясь не думать, как выглядит ее лицо с размазанной тушью.

— Уверен.

Егор медленно потянулся к женской щеке, но едва коснулся ее тыльной стороной ладони, как сразу же убрал руку и отстранился. «Ну же, дыши, Таня, дыши».

— Так нормально?

Надетый пиджак был застегнут на все пуговицы.

— Да, мое преступление незаметно.

Ну все, сказка закончилась, так и не начавшись. Таня сделала крохотный шаг в сторону двери, когда ее настиг вопрос:

— Так я закажу столик сегодня на семь? Или на восемь?

Почему так трудно изобразить возмущение? И отчего дыхание ее прерывается, едва стоит Егору подойти ближе? Между ними осталось не больше метра, и Таня снова, несмотря на расстояние, словно ощутила кончиками пальцев биение мужского сердца.

— Поужинай со мной. И вовсе не из-за испорченной рубашки. Скажи «да». Пожалуйста.

Княжев замер в ожидании ответа, и Таня увидела, как его зрачки расширились и снова, будто пружинки, сжались, отчего рыжеватые пятнышки на карей радужке стали более заметными. И она выдохнула:

— Да...

Егор на ощупь взял папку по проекту со стола и подал Тане.

— В семь я буду у твоего дома. И... расскажи все о себе, чтобы больше не плакать.

Невозмутимости и выдержке Юли мог бы позавидовать английский дворецкий. Когда Таня появилась перед секретарем с основательно поплывшим макияжем и смущенно попросила хоть как-нибудь помочь, лицо той даже не дрогнуло. Она бесстрастно сняла свою огромную сумку со спинки стула и выудила оттуда сначала зеркальце, потом средство для снятия макияжа, пару ватных дисков и завершила все флаконом с тушью. Передав все пострадавшей, Юля вернулась к длинному списку с пометками на полях и поставила очередной плюсик в крайней колонке.

Таня же присела на диванчик и заглянула в зеркало. Да-а, таких эффектных полосок нет и у барсука!

— Начинаю сожалеть, что люблю маленькие сумки и ношу с собой только помаду, да и то в лучшем случае, — пробормотала она, когда начала чистить лицо.

— А я предпочитаю быть во всеоружии, — неожиданно подхватила секретарь, чем выдала скрытую заинтересованность в произошедшем. — В моей сумке нет разве только кровати. Да и ее запихнула, если бы та была настолько складной. Может, стоит сменить тушь, если она дает такие осечки?

— Вероятно, лучше сменить голову, чтобы вообще не было осечек, — хмыкнула Таня и услышала звук открывающегося лифта.

Появились умопомрачительные женские ноги на таких тонких высоченных каблуках, что можно было позавидовать поистине акробатической способности их хозяйки не падать с высоты. А потом чувство зависти Тани распространилось и на другие части тела вошедшей: тонюсенькую талию, туго затянутую кожаным пояском и казавшуюся еще стройнее; крутые бедра, вызывающе обрисованные тканью короткой юбки; пышную грудь, вроде бы и спрятанную пиджаком, но чуть ли не рвущую эту непрочную упаковку. Длинные светлые волосы, натуральные или же очень профессионально осветленные, струились каскадом на кокетливую шубку из какого-то сероватого меха. Из совершенного образа выбивался лишь рот: верхняя губа была узковатой, даже чересчур.

Неужели за доли секунды можно увидеть столько всего? Юля подняла голову и широко улыбнулась.

— Доброе утро, Элеонора Степановна. Вам чай, кофе?

— Доброе-доброе, девочки, — пропела красotka и грациозно покачала головой. — Ничего не нужно, я ненадолго.

Таня уткнулась в зеркальце, лихорадочно докрашивая глаз. Черт, и почему она не ушла в туалет приводить себя в порядок! Хотя до него еще нужно было дойти, и желательно не с такой боевой раскраской.

А блондинка уверенно направилась к кабинету справа от стойки и легонько постучала.

— Приветик, дорогой. А я мимо проезжала и решила заскочить.

Дверь захлопнулась до ответной реплики Княжева, и Таня перевела недоуменный взгляд на снова невозмутимую Юлю.

— Это кто был?

— Вы сколько здесь работаете? Явно же не первый день. Пора было бы и знать свою хозяйку, — секретарь укоризненно посмотрела на замершую Таню. — Это Эля, Элеонора

Степановна. Невеста Егора Викторовича.

— Невеста?.. — эхом повторила Таня. Сердце отгрохотало раз шесть, прежде чем она отмерла и невидяще положила тушь на диванчик. — Спасибо за все. Я лучше пойду.

— Эй, вы глаз второй не накрасили!

Ватные ноги еле двигались. Таня глупо помотала головой из стороны в сторону, как будто это могло встряхнуть слова про невесту. Вот так, в один миг, разбилось ощущение покоя и стало больно, до колючего комка в горле. И воды... она так и не выпила воды...

Таня спустилась по лестнице на самый первый этаж, постояла в дверях холла, потом вернулась к себе в кабинет и прислонилась к стене.

— Ну, как все прошло? — вскинула голову Света и тут же подскочила к сползающей вниз подруге. — Таня, что случилось? Тебе плохо? Рома...

Таня села прямо на пол и обняла колени руками. Роман торопливо схватил первую попавшуюся чашку, плеснул в нее воды из чайника и молча подал Свете. Та решительно выставила его за дверь, а сама опустилась напротив Тани и поставила чашку рядом.

— Что случилось? Тебя же не уволили? Тебя не за что увольнять... — голос Светы дрожал. — У всех бывают ошибки. Может, и ты что-то проглядела, спешим же вечно. Ничего, все можно исправить. Сейчас мы сядем и вместе посмотрим твой анализ, да? И все будет хорошо. Таня, ну что ты молчишь?!

— Света, — медленно заговорила Таня и перевела взгляд на забытую на полу чашку, — я похожа на дуру?

— Чего?

— Да, точно, я дура. Идиотка, которая всему верит.

— Да объясни ты нормально, что произошло!

— Ничего не произошло. — В секунду с Тани спало оцепенение, и она встала. — Так, утраченные иллюзии... Знаешь, на сегодня мои трудовые подвиги закончены. Поеду домой.

— Ты что? Еще же и двенадцати нет! Да и среда, середина недели.

— И все равно поеду. Будут спрашивать — скажи, что заболела. Или нет, правду скажи. Что сбежала. Пусть увольняют, если хотят. — Таня надела куртку и рывком потянула «молнию» до верха. — Да, выброси мой цветок: у меня аллергия на розы.

Вопреки своим словам, Таня не поехала домой. Она бесцельно шла по улице и все поправляла и поправляла длинный шарф на шее. Как, ну как человек, заявляющий о своей честности и искренности, так легко может обманывать?! Да и его глаза в ожидании ее ответа... Ласковые пальцы, касающиеся щеки... Цветок, подаренный так затейливо и скромно... Ведь она поверила ему. Потому что важно верить хоть кому-то. Нет, не кому-то, а именно ему!

Но как же тогда Эля? Что с ней? Уж слишком свободно она вела себя на этаже руководителей. Явно уже не раз и не два забежала вот так, мимоходом пожелать Егору доброго утра. И, наверное, одними словами пожелание не ограничивалось...

В ушах зазвенел мелодичный голос блондинки, и Таня поглубже натянула шапку. Почему она вообще вообразила что-то? Смешно даже сравнивать себя с этой утонченной красоткой. Вон, кто отражается в витринах магазинов: гном, настоящий гном с глупым помпоном на уродливой шапке...

Она резко сорвала шапку с головы и с размаху швырнула в ближайшую урну. Вот так, к

черту! И неважно, что это последний подарок мамы. На углу дома Таня всхлипнула и побежала обратно. У мусорки топтался пожилой мужчина в старомодном тулупе с торчащими из рукава нитками. Молча потеснив его, Таня наклонила бачок и запустила руку по локоть внутрь. При виде вытащенной шапки старичок удивленно хмыкнул, затушил окурок вместо урны о металлический заборчик и пошел вниз по улице.

С помпона слетел прилипший фантик от конфеты и желтым клубком завертелся на тротуаре. Таня проводила его глазами и бережно завернула шапку в пакет. Просто спрячем в шкафу подальше от посторонних глаз. Смешную и нелепую, как и все, что вязала мама. Несуразную, как и жизнь Тани. Но представить ее на помойке... Уж лучше сразу зарыть.

Мелькнувшая мысль про землю подстегнула Таню положить пакет в сумку и поискать глазами остановку. Теперь она знала, куда поехать, и там ей всегда будут рады.

Северное кладбище встретило ее привычным запустением. Тихо шумели на ветру высокие сосны. Вероятно, они выросли в этом месте задолго до того, как под них решили прятать людей, и их милостиво оставили доживать свой век. Из-за удаленности от города здесь редко хоронили и еще реже приходили навещать, поэтому странным оказалось увидеть слева от калитки темную машину. Огромную, мрачную, точно могильный камень.

Ноги привычно отмеряли шаги и сами сворачивали в нужные ряды. Ну, вот и пришла. Таня погладила простой железный крест и опустилась на покосившуюся лавочку. Ее установил сосед, но за шесть месяцев Таня ни разу не столкнулась с ним. Вряд ли бы он был против того, что она посидит. Жаль, откладываемых денег все еще не хватает на памятник и красивую оградку. Она бы выкрасила ее в красный или даже оранжевый цвет. Маме наверняка бы понравилось. Ну, до весны, когда пройдет год и земля больше не осядет, еще есть время. А тогда можно будет посадить анютины глазки и не опасаться, что их вытопчут, как ромашки этим летом...

На могиле матери Таня неизменно молчала. Зачем слова, если мама всегда умела читать у нее в душе? Даже пока была жива. И для этих бесед вовсе не надо приезжать на кладбище. Отсюда мама давно ушла, если она вообще была здесь. Но неожиданно оказалось, что приводить в порядок мысли Тане легче всего на этой лавочке под редкие крики суетливых галок, устроивших колонию в ветках деревьев. А сейчас ей ой как нужно было подумать...

Желаемое спокойствие пришло ближе к вечеру. Таня очнулась и с трудом разогнула задервеневшие пальцы рук. Ее куртка, край скамейки, земля под ногами — все было обильно усыпано белым пеплом. Снег... Отряхнув волосы, Таня очистила буквы на табличке и еще раз погладила холодное железо.

— До свидания, мамочка. Не волнуйся, у меня уже все хорошо.

За воротами кладбища было так же пустынно. Все так же у забора стояла машина, теперь сменившая цвет на белый. Все так же скрипела несмазанная калитка. Неожиданными оказались хлопок автомобильной двери и громкий мужской голос:

— Татьяна, не уходите.

Несмотря на усилившийся снег, ошибиться в приближающемся человеке было невозможно: слишком уж своеобразная была его фигура. Максим Головин.

— Простите, если напугал вас. — На темно-синюю куртку заместителя генерального директора оседали слипшиеся в комки снежинки. — Здравствуйте.

— Здравствуйте.

— Я вас подвезу?

— Зачем?

На ресницы Максима упал кристаллик снега, и Головин широко вытер лицо ладонью.

— Хотя бы потому, что вы замерзли. И не придумывайте ничего такого: я появился тут задолго до вас. — Он помедлил и глухо добавил: — Моя жена похоронена здесь.

Ждет ли он в ответ слова сочувствия или участия? Нужно ли ему вообще соболезнование постороннего человека, кем является она, Таня? Нет, он просто объяснил причину своего приезда сюда, хотя и не должен был. А сейчас отступил назад, словно предлагал ей сделать выбор: идти в сторону машины или же отказаться.

Порыв ветра толкнул Таню в спину, и она шагнула к автомобилю.

Внутри было холодно, но заработавший двигатель быстро начал нагонять тепло. Сидение неожиданно тоже стало нагреваться, и по телу Тани пробежала волна дрожи. Ох, как же она замерзла! А еще эта детская привычка постоянно терять перчатки... Лишь у решетки кондиционера пальцы перестали казаться чужими. Таня начала расслабляться и чихнула.

— Будьте здоровы, — насыщенный голос Головина заполнял собой весь салон. — Пока зима, я бы не советовал так долго сидеть на лавочке.

— Вы меня видели? — Таня некрасиво шмыгнула носом.

— Трудно не заметить одинокую фигуру на пустынном кладбище. Но было бы нетактичным подойти к вам там, поэтому я ждал снаружи. Держите.

На протянутой ладони Максима лежал аккуратно сложенный квадрат носового платка. Опять...

— Спасибо. — Она промокнула нос и, чтобы скрыть смущение, спросила первое, что пришло в голову: — Долго ждали?

— Понятие времени такое странное. Особенно если с чем-то сравнивать, — медленно ответил Головин. — Моя жена умерла семь лет назад, и все равно это было словно позавчера. Так что нет, я недолго вас ждал.

Остаток пути они не проронили ни слова. Таня запихнула платок в карман и начала массировать пальцы, один за другим. Снег сменился льдистой моросью, из-за чего «дворники» ползали по стеклу с противным скрежетом, а Максим изредка барабанил по рулю. У него были удивительно широкие кисти рук, с мелкими темными волосками.

У дома Головин помог Тане выбраться из высокой машины, а потом неожиданно придержал ее локоть.

— Таня, чтобы прийти в себя, нужно время. Всем. Просто вам его надо больше. Берегите себя.

Она кивнула в ответ и скрылась в подъезде. Дома первым делом налила горячую ванну и забралась в нее. Долго сидела с прижатыми к груди коленями, меняла остывающую воду, нехотя терлась мочалкой и бесцельно снимала пальцем капли с кафельной стены. Наконец потянулась за полотенцем, тщательно вытерлась и напялила безразмерные штаны и такой же растянутый свитер.

Свист чайника из кухни совпал со звонком мобильного телефона. Номер неизвестный. А на часах уже семь часов. Значит, это Егор. Вот только ужинать и вообще встречаться с ним она не собирается.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем мелодия умолкла, а через мгновение въедливый звук телефона раздался вновь. Таня метнулась к шкафу и стала перебирать корешки книг, а в стеклянной дверце отчетливо отражался ползущий к краю стола вибрирующий мобильник. Он не переживет еще одного падения, а на новый аппарат денег

все еще нет. Черт, но ведь совсем не поэтому, не из жалости к какому-то куску пластика, она все-таки подхватила телефон и нажала зеленую кнопку приема. Тане нужно было услышать его голос, пусть и обманывающий ее.

— Таня, это Егор Княжев. Добрый вечер. Я внизу, как и обещал.

Что можно ему сказать? Упрекать в несбывшихся мечтах? Плакать из-за обмана и проклинать свою доверчивость? Разве в состоянии она вообще вымолвить хоть слово?!

— Ты передумала? Можно мне подняться, и мы поговорим?

Глаза наполнились слезами. Лишь бы получилось сдержать всхлип!

— Таня, что случилось за это время? Утром же все закончилось хорошо...

Черт, черт! Ну почему так дрожит рука?..

— Пожалуйста, не молчи. Та-а-ня-я...

Почему она не может просто опустить трубку и позволяет рвать свое сердце на куски?!

— Ладно. Если ты так хочешь... Спокойной ночи.

В телефоне раздались гудки, и Таня осторожно положила его на столик. Хлынули долго сдерживаемые слезы. Сначала Таня не вытирала их, а лишь громко дышала, через рот. Она сможет. Не сорвется на истерику. Рука привычно нащупала в мебельной стенке пузырек с таблетками, и Таня проглотила сразу две штуки. Горькие...

Скоро слезы остановились, и щеки стало неприятно стягивать. Таня вытерла кожу, нарочно сильно нажимая ладонью. И этот жест неожиданно отрезвил ее.

Все, поплакала и хватит. Это не дешевое женское кино, в котором герой не смирится с отказом, будет звонить еще и еще, а потом влезет в окно или выбьет дверь и пылко прижмет тебя к груди. Пора бы уже понять, что в жизни нет места сказке. Не принцесса она, потому и не может у нее быть принца. Чудеса не случаются с обычными людьми. Поэтому надо взять себя в руки и выбросить все из головы. А с завтрашнего дня Егор Викторович Княжев должен быть только тем, кто он и есть на самом деле, — генеральным директором компании «Центринвест». Она же — рядовой сотрудник, как десятки других. А мечты... они забудутся.

На следующее утро будильник привычно зазвенел в начале восьмого. Таня опустила рычажок, чем прервала назойливое дребезжание, и перевернулась на другой бок. Нет, сегодня она не пойдет на работу. И вовсе не из-за боязни столкнуться с Княжевым. Просто пора приступить к важному делу, она и так слишком долго тянула с ним.

Она потянулась к телефону на полу и нашла в записной книжке нужный номер. Бросив еще раз взгляд на часы — не рано ли, нажала кнопку вызова.

— Доброе утро, Инесса Павловна. Это Таня Вышковец. Надеюсь, я вас не разбудила. Звоню предупредить, что пару дней меня не будет.

Она натянула на подмерзающие плечи одеяло и подняла глаза к потолку. Сейчас начальница будет искать причины отказать. Ну точно.

— Да, понимаю, что у нас много работы. Вы правы, но я должна уладить некоторые свои срочные дела. Нет, отложить их нельзя, извините. — Взгляд выхватил сереющую в углу паутину, и Таня поерзала. — Я возьму пару дней за свой счет, а заявление напишу потом, «задним числом», если вы не против. Хорошо, если нужно, я выйду на работу в субботу.

Она вытащила ногу из-под одеяла и начала постукивать ею по полу, постепенно убыстряя ритм. В голосе Коростылевой проскальзывали нервные нотки. Понятно, что она не просто так сопротивляется незапланированным отгулам: в конце года каждый сотрудник на счету. Но вежливые укоры Павловны постепенно скатились в невнятные жалобы и высказывались, скорее, по привычке. Наконец Коростылева произнесла долгожданные слова согласия, и Таня поспешила попрощаться.

После разговора она смела паутину веником и принялась за рутинные утренние дела: умыться, одеться, перекусить.

А вот и то, над чем она думала всю ночь. Ящик в старомодной мебели горке. Из-за скопившихся документов и бумаг он давно перекосялся. Таня смогла вытащить его лишь до половины и бесцельно дергала несколько секунд, пока не заметила попавший в паз лист. Потянула — в руках оказалась лишь половина. Какой-то давний список, вероятно, покупок. Она запустила руки в ящик и горстями стала просто вычерпывать оттуда бумаги. На пол, все на пол. Теперь откроем еще и эту дверцу. Наверняка и за ней свалено немало ненужного и бесполезного. А на этой полке что?..

Без колебаний Таня выворачивала все на ковер, распахла отделение с одеждой и легко опустошила и его. Шкаф ощерился деревянными стенками, а Таня удовлетворенно отступила назад: красота! — и тут же чуть не упала, зацепившись ногой за вешалку. Нет, еще слишком рано отдыхать, предстоит тщательно все рассортировать.

Уже вечерело, когда Таня рассеянно подняла голову из-за вибрации мобильного телефона. С прошлого вечера она все мелодии сменила на безликое жужжание. На треснувшем экране высветилось имя Светы Синицкой.

— Привет. Куда ты пропала? Звоню, звоню, — то ли звук был настроен плохо, то ли в самом деле подруга почти кричала, но Тане пришлось отвести телефон от уха, чтобы не оглохнуть. — Как дела, настроение?

— Привет. Тржусь, — лаконично ответила она и отложила очередную записку налево — к «выбросить».

— Тогда сделай паузу и открой дверь. Думаю, пирожные никому не мешали в работе.

Таня щелкнула замком и широко улыбнулась: казалось, в гости к ней пришли два огромных воздушных шара на ножках. Они неуклюже протопали за порог, и из-за них вынырнула Света.

— Удалось проскользнуть в подъезд с соседом. На, это все тебе, — Синицкая бесцеремонно всунула в руку Тане веревочки и большущий пакет, а сама стала раздеваться, по обыкновению не закрывая рот: — Предлагаю обратить внимание на шары. При хорошем настроении они замечательно оживят комнату, при плохом их чудесно можно лопнуть и этим сбросить напряжение.

— Пусть остаются, — милостиво пропыхтела Таня, пока тащила неподъемную сумку в кухню. — Что за пирожные ты выбрала? С кирпичами?

— Нет, с шоколадом. Но много. И разных. И вино. Тоже в широком ассортименте.

Света замешкалась в прихожей, и хозяйка квартиры высунула голову за угол и посоветовала:

— Проходи в кухню, там посвободнее.

От увиденного беспорядка в комнате улыбка Синицкой стала в лучших традициях Чеширского кота: широкой, многозначительной, разве что не такой зубастой.

— Вижу, ты взяла себе на заметку мой элегантный стиль поиска? Могу подбросить еще парочку креативных идей, как целенаправленно и планомерно устроить хаос в своем доме всего за пару минут. Даже организовать мастер-класс. Инструктор прилагается.

— Да нет, просто решила навести порядок и выбросить весь хлам. Как говорится, начинаю новую жизнь и избавляюсь от призраков прошлого.

Таня выгружала принесенное угощение и мысленно постанывала от предвкушения.

— Правильно, хотя я всегда думала, что женщина начинает новую жизнь с парикмахерской. — Света без спроса взяла чайник и подставила его под водопроводный кран.

— Вряд ли мои волосы переживут вмешательство в их независимое существование, поэтому трогать их не решусь. Светик, вообще-то я не пью, но сегодня... Эх, отложим чай на другой день, — Таня остановила подругу, когда та хотела зажечь конфорку, и кивнула на уставленный стол. — Полностью переходим на вино. Надеюсь, мы сможем его открыть. Садись, я безумно тебе рада.

Света выбрала стул у стены и несколько секунд наблюдала за неумелыми попытками Тани вкрутить штопор в бутылку. Потом взяла инициативу в свои руки, решительно вгрызлась острием в пробочное дерево, потянула наверх и удовлетворенно кивнула на раздавшийся хлопок.

— Надо же было тебя развеять, — продолжила она прерванный разговор. — Вчера я просто не знала, что сказать, как растормошить тебя. Сидишь белая вся, смотришь в одну точку. Как будто по голове ударили пыльным мешком и вышибли дух.

Света откинула крышку коробки с пирожными и не заметила или сделала вид, что не заметила, как Таня скривилась от ее слов.

— А сегодня, когда Павловна заявила, что ты взяла пару дней за свой счет, я вообще осела. Ну, думаю, все, крышка Таньке, жизнь ее окончательно прибила. Пойду помогу отмахаться от проблем. Так что случилось? — и Света одним махом откусила половину пирожного «картошка».

— Ну, моя вера в людей основательно поколебалась, — негромко выговорила Таня и на

секунду прикрыла глаза, — в который раз. Но ты же видишь, все уже отлично.

Она преувеличенно весело пощелкала пальцами, делая трудный выбор среди множества пирожных, и вовремя вспомнила про бокалы для вина. Теперь можно спокойно отвернуться, чтобы собраться с духом.

— Нет, — Света зашуршала салфеткой, — не отлично. Конечно, можешь ответить, что это не мое дело, но я уверена, что сейчас тебе нужно поговорить. А вот и бесплатный психолог, та-дам! — Синицкая хлопнула невидимыми литаврами. — И перестань уже делать вид, что ищешь бокалы! Вон они, на нижней полке.

Таня наконец вытащила из шкафа пару запывлившихся бокалов, протерла их полотенцем и налила красное вино. Протянутый фужер Света поставила нетронутым на стол и без намека на иронию спросила:

— Так что случилось? Тебя же Егор вызывал. Это ты с ним так крупно поцапалась?

— Мы не цапались, а довольно мило беседовали. — Таня отпила небольшой глоток. — Вот только беседа наша получилась какая-то глупая. — Она старательно начала счищать ногтем невидимое пятнышко с хрустала. — Знаешь, Свет, в моей жизни постоянно все как-то не туда сворачивает. Вроде идешь, идешь, впереди развилка. Выбираешь дорожку красивую, проторенную, всеми хоженную, а выходит, что это совсем не то, что нужно. Другие идут и не морщатся, а я заплетаюсь за каждый корешок и камешек. Наверное, что-то со мной не так, какая-то я ущербная.

— Самоеда ты, а не ущербная! Что-то выдумываешь себе, усложняешь. Вот скажи прямо, из-за чего все эти копания в себе, пустые взгляды вчера и сиденье на полу? В нашем кабинете достаточно стульев. Могла бы на них поплакать, если так хотелось.

— Да я уже отревела в кабинете Егора. И достаточно эффектно, полагаю. Кто зашел бы — сам прослезился: боевая раскраска панды, сопли до пола... Как Княжева не отвратило?

— Да он же глаз с тебя не сводит. — Света внимательно изучала содержимое своего бокала и не торопилась переводить взгляд на вмиг онемевшую Таню. — Я давно заметила. Полагаю, и не я одна. Только все тактично молчат или же шепчутся очень тихо, чтобы не вылететь с работы. В «Центринвесте» сплетники не задерживаются, давно известно.

Таня подавила желание разом допить все вино из бокала, чтобы осадить поднимающееся волнение. Да что из бокала — из бутылки!

— С чего бы им шептаться?

Какой у нее странный сиплый голос...

— Так ведь после твоих эффектных танцев в пансионате на тебя посматривают многие. Смотрят многие, а удочку забрасывают единицы, вон Княжев, например. Ну, или Макс. И не надо удивляться так, — Света наконец оторвалась от вина. — Ни за что не поверю, что зонт тебе Головин презентовал за глубокий и всесторонний анализ «Элит-квартала». Я же с ним не один месяц работаю, даже не один год. Сколько было таких анализов сделано — не сосчитать. А больше «спасибо» от него никто и не слышал.

— Послушать тебя, так я роковая красotka, волшебным образом зачаровавшая всех мужчин танцами. Эй, глянь на меня! Где ты видишь женщину-вамп? Мне покрутиться, чтобы было лучше видно?

Только бы в голосе не была слышна горечь! Чтобы чем-то занять руки, Таня перевернула чайную ложечку, непонятно откуда взявшуюся на столе, круглой стороной вверх, а потом вернула ее в прежнее положение.

— Ну, не вамп, но вполне ничего. Есть в тебе что-то. Разобраться бы еще что, и я бы

взяла пару уроков по этому самому непонятному. А то столько времени строю глазки Ромке, и все зря.

— А ты попробуй не глазки строить, а свой язык придержать.

— Ты на меня стрелки-то не переводи. Про тебя разговор. А Егор... Если бы хоть изредка мужчина на меня так смотрел...

— Как смотрел, как?! — Таня непроизвольно закрыла лицо руками и явственно услышала, как трещат все бастионы, возведенные за вчерашний вечер. — Он просто вежливый, интеллигентный человек. Да мы с ним знакомы кучу лет! Знаешь, я ведь учила его в школе...

— А-а, ну понятно, чего ты так тупишь. Ты же в нем до сих пор видишь ребенка, а не состоявшегося мужчину.

Света перегнулась через стол и беззастенчиво потянула Таню за руку.

— Подруга, глаза открой и перестань копать в себе. Если он что-то нашел в тебе, не надо переубеждать ни его, ни себя, что ты плохая, какая-то недостойная. Посмотри, тебе нравится, как ты живешь?

Синицкая широким жестом обвела небольшую кухню. А Таня будто первый раз увидела потускневший кухонный гарнитур с кое-где вздувшимся покрытием, плиту, с которой она забывала вытирать постоянно выкипающий суп, выцветающие занавески, давно молящие о стирке, чахлые цветочки на подоконнике, разведенные еще мамой и теперь из последних сил цепляющиеся за жизнь.

— Я говорю не про материальные блага, а всего лишь про то, давно ли рядом с тобой было надежное плечо. Человек, который понимает без слов, который не обидит и не осудит. Вряд ли жизнь тебя по головке гладила, а сейчас она, между прочим, готова убрать камешки с твоей тропинки, даже веничком подмести. Подумай, долго ли это будут тебе давать или опять набросают шишек.

Все верно, все так. И... совсем не так, стоит вспомнить умопомрачительную Элю, разгуливающую по этажу руководителей, как у себя дома. Разве нормальный мужчина может остаться равнодушным к ее прелестям?

Таня не дала воображению перейти грань, за которой остановиться почти невозможно, и, сжав кулаки, выдавила:

— Предлагаю в этой перепалке поставить точку. Обсуждать нечего. Я — это просто я, без всякой загадки и таинственности, и заморочек в моей жизни хватает и так, без шпабелей мужчин. Вот с квартирой надо разобраться, оформить имущественное право. Все как-то руки не доходили.

— Так зашла бы к нашим юристам, — Света согласилась принять новую тему разговора и вернулась к поеданию пирожных. — Они бы все за пять минут сделали.

— Лучше я сама. Не хочу, чтобы чужие копались в моей жизни.

— Вот это и есть главная причина всего, — указательный палец Синицкой нацелился на нос подруги. — Ты не доверяешь другим, все тащишь на себе, просто привыкла никого не впускать в свою жизнь. И в дверь. Уверена, что, если бы я не заявила, ты и не подумала бы позвонить.

Таня разжала пальцы и потерла отпечатавшиеся следы ногтей.

— Да, не позвонила бы, потому что разгребала завалы в шкафу, обеспечивая барахолку товаром на года вперед. Но это не значит, что я не рада твоему приходу. Светик, ты настоящая служба спасения. За тебя!

— И за тебя, — ответно подняла бокал Света, но едва успела отпить, как раздался звонок в дверь. — О, еще спасатели явились! Интересно, кто?

— А мне уж как интересно.

Вот не зря детей учат предварительно заглядывать в глазок, а уж потом открывать дверь: так можно избежать многих нежелательных гостей. Жаль, что эта полезная привычка у нее так и не выработалась, и сейчас приходится кусать губы и, судорожно дыша, смотреть на стоящего на лестничной площадке Егора Княжева.

Весь его облик просто дышал спокойствием. Лишь подрагивающие крылья носа выдавали легкое нетерпение и тревогу, но и они медленно сглаживались. На рукавах и плечах пальто блестели малюсенькие капельки воды. Странно, где он мог попасть под снег, если наверняка приехал на машине?

— Здравствуй. Мне одному показалось, что по телефону у нас не получается общаться? Поэтому я восполнил пробел в знаниях и зашел в твою анкету, откуда и узнал точный адрес. Подъезд был открыт, и я решил сразу подняться. Это тебе, — Княжев протянул Тане огромные белые розы. — Подумал, что в прошлый раз с цветами нехорошо вышло.

Она машинально отметила цвет манжета его рубашки — темно-синий, но даже не изменила позы, чтобы взять цветы, и держалась за ручку двери, готовая захлопнуть ее в любой момент.

— У меня на них аллергия.

— А-а, — Егор спокойно разжал пальцы и позволил шикарным цветам упасть к ногам, — тогда пусть полежат.

— Ага, как у памятника.

Или ее глупые слова и вправду его не задели, или же Княжеву действительно было все равно, но он только улыбнулся и предложил:

— Если по ним еще потоптаться, будет отличный ковер из лепестков... Мы будем и дальше говорить на пороге, или я все же могу войти?

— Егор Викторович, рабочие моменты лучше обсуждать в офисе. — Влажные пальцы соскальзывали с дверной ручки, и Таня перехватила ее получше.

— Согласен. А что делать с нерабочими моментами? Поделиться с соседями? Тогда могу говорить погромче.

— Зачем вы так себя ведете?

Как она ни старалась, не удалось избавиться от укора в голосе. Под ногой Княжева хрустнули цветочные стебли, а сам он грубо схватил Таню за плечи.

— А мне этот вопрос хочется переадресовать тебе! Хватит недосказанностей. Объясни, что происходит, что случилось вчера, черт побери! Или мы будем, как дети, обижаться и устраивать бойкот? Давай просто скажем все друг другу в лицо, разберемся и успокоимся! Что, я не прав?

Куда подевались его пресловутые сдержанность и невозмутимость? Он смотрел на Таню сузившимися потемневшими глазами, шумно выпускал воздух через нос и явно ждал ответ.

Горячо, как горячо внутри! Наверняка стоит она вся алая. Руки вон и те покраснели из-за прилившей крови. И непонятно отчего. То ли от возмущения, что придется опять ворошить все, что немного улеглось в душе. То ли от стыда за свое действительно подростковое поведение, ведь все в жизни она просто делила на белое и черное и не была

готова к компромиссам. То ли от мужских пальцев, тисками сжимающих ее плечи. На мгновение Тане показалось, что они сейчас скользнут по ее рукам, дойдут до талии, бедер и потом опустятся еще ниже... Страшнее всего, что мелькнувшая фантазия была ей приятна.

«Нет уж! Забыла про Элю?!» Таня с силой вырвалась и широко распахнула дверь.

— И в самом деле, заходите! Давайте все выскажем. Все, что думаем. И вы отстанете, наконец, от меня!

— Посмотрим! — расплывчато заверил Княжев и, отстранив Таню, вошел в квартиру.

Из-под резинки выбились волосы. Таня раздраженно сдула их со лба, а потом прокричала:

— Светик, на наш огонек пожаловал Егор Викторович. Ты же знаешь такого? У тебя есть к нему невысказанные претензии? Может, когда премии лишил? Вспоминай. Сейчас отличный шанс сказать все, что наболело, и при этом не получить по шее.

Синицкая выглянула в коридор и мгновенно потянулась к своей куртке.

— Тань, я лучше пойду. Поздно уже.

— Какое поздно?! Мы же еще не разобрались ни в чем.

— И в самом деле, Света, — вклинился в беседу Княжев, — называйте все мои перегибы, недогибы и иже с ними. Сегодня в этой квартире вечер откровений.

Он вольготно расположился у зеркала: пальто нараспашку, руки картинно сложены на груди, ступни ног перекрещены. Он тут что, на отдыхе?!

— Вот я и говорю откровенно, что мне пора. — Света в расстегнутых сапогах протиснулась мимо подруги и захлопнула за собой дверь.

Взбешенная Таня повернулась к Егору, и он тут же сменил непринужденную позу на стойку боксера, только без кулаков впереди.

— Это вы ее выгнали! В кои-то веки ко мне пришла подруга. — Под напором Тани Княжев начал пятиться в сторону кухни и чуть не наступил на лежавший на полу зеленый воздушный шар. — Мы отлично сидели, болтали...

— ...пили.

— Да, пили! Между прочим, неплохое вино. Не хотите ли попробовать? — резким движением она схватила за горлышко стоявшую на столе бутылку и замахнулась.

— Стоп! — произнес Егор совсем другим голосом, очень жестким и внушительным. Он шагнул навстречу и задержал руку Тани за ее же спиной. — Не надо делать того, о чем потом пожалеешь. Я об отмывании стен от красного вина. Пятна, видишь ли, все равно останутся, а я не знаю, как клеить обои.

Твердость ли голоса подействовала на нее или просто эмоции успели выплеснуться, но Таня притихла. Что с ней случилось? Она же всегда избегала споров и ссор, сглаживала нарастающее напряжение одной лишь искренней улыбкой. Почему сейчас, забыв обо всем, позволила себе гадости? Нервы ни к черту...

Егор медленно вытянул бутылку из пальцев Тани и аккуратно поставил на стол.

— Я знаю другое, — сказал он уже обычным тоном. — Например, сейчас я точно уверен, что вот эти последние пять минут тут бушевала не ты, а какая-то твоя обида на меня. Ты злишься, но не хочешь сказать почему.

Он перевернул стул спинкой вперед, сел и выжидающе посмотрел на замершую у кухонной двери Таню.

— Давай ты тоже сядешь. Мы употребим так ярко разрекламированное вино по назначению и попробуем начать разговор сначала. Без криков, без колкостей. Как взрослые

люди, кем и являемся.

После длинной паузы, в течение которой Княжев не сводил с Тани глаз, она выговорила:

— Ладно, давайте будем цивилизованными людьми. Тогда снимите пальто. Туфли можете оставить. Мужчина глупо выглядит в строгом костюме и без обуви. Все равно вы уже здесь натоптали.

Егор с заметным облегчением улыбнулся и прошел в коридор. Когда он вернулся оттуда без пальто и пиджака, Таня успела опуститься на второй стул у стены.

— Налейте, пожалуйста, вина. Оно и в самом деле мне понравилось.

Княжев молча поставил перед ней наполненный бокал и остался стоять. Таня отпила совсем чуть-чуть, будто смочила губы, и посмотрела на директора. Глубокий синий цвет его рубашки успокаивал, расслаблял, и она неожиданно для себя произнесла:

— Я кажусь вам истеричкой, да? Сначала у вас в кабинете, потом здесь...

— Нет, не кажешься.

— А что тогда?

— Ты мне нравишься. Очень.

Внезапно воздух в кухне стал таким плотным, что его можно было разрезать ножом. Только вряд ли бы пальцы Тани удержали даже спичку: их начала бить мелкая противная дрожь.

Княжев взял второй бокал со стола, не обращая внимания, что из него уже пили, плеснул в него немного вина и отошел к окну.

— Знаешь, вся моя жизнь так поменялась за эту осень. Планов была куча: думал, отгрохаю дом, женюсь, прикуплю долю в новом бизнесе. А на выходе — ничего не нужно, все не то. Дом заброшен, с невестой разошлись, в бизнесе проблемы. И ты... бутылками швыряешься.

— Подождите. Как «с невестой разошлись»? — из всей речи Таня слышала только эти слова.

— Так. Она дочь человека, который помог мне на самом старте, банально дал денег, а потом стал и соучредителем компании... Мы расстались две недели назад.

— Почему?

Сжатый Таней бокал жалобно хрустел.

— Я не уверен, что Эля — тот человек, с кем хочется состариться, — отчетливо ответил Егор и повернулся.

От его прямолинейного взгляда Тане безумно захотелось стукнуться лбом об стол.

— Почему же ваша Юля, секретарь, называет ее хозяйкой?

— Вероятно, потому что я не считаю необходимым сообщать всем и каждому об изменениях в моей личной жизни, — пожал плечами Княжев. — Я никогда не представлял в офисе Элю как хозяйку, даже не подозревал об этом прозвище. Не думал, что должен был объявлять и о нашем разрыве. Подожди... А ты откуда знаешь о ней?

— Так... столкнулась... у вас в приемной.

— Так вот почему ты обиделась, — Егор щелкнул пальцами, как будто поймал решение давней задачи. — Вы встретились. Ты решила, что я подкатываю к тебе и одновременно серьезно встречаюсь с ней, верно? Вот не зря я против бабских сплетен... — Княжев присел на корточки перед Таней. — Глупенькая ты моя...

Как же хочется спрятаться! Просто закрыть глаза и, как в детстве, думать, что тебя

никто не видит, если и перед тобой темнота. А для верности еще и вот так руками прикрыться.

— Эй, хватит самоистязаний! Мое предложение начать вечер заново все еще в силе. Пора бы чокнуться наконец за встречу. И раз уж мы не попали в ресторан, то корми меня сама.

Таня никак не реагировала на его слова. Тогда Егор взял ее запястья и с усилием потянул вниз.

— Ты боишься отравить меня своей готовкой?

Не дождавшись и теперь даже легкого качания головой, он подул на руки Тани, словно согревая их.

— Давай перестанем изображать скульптурную группу, подойдем к холодильнику и решим, чем будем ужинать. Или просто выпьем чаю, вот с этими пирожными. Ну же, очнись, забудь все глупости...

Стыдно и просто невыносимо посмотреть ему в глаза.

— Таня, предупреждаю: моя фантазия паникует, меня уже заносит. Ладно, пойдем на крайние меры...

Княжев без усилий поднялся и выпустил женские руки. Наступила тишина, прерываемая непонятным шуршанием. Именно этот звук и заставил Таню поднять глаза и обомлеть: Егор неторопливо расстегивал пуговицы на рубашке и оголял мускулистую безволосую грудь. При виде его плоского живота Таня гулко сглотнула. А когда Княжев стал медленно вытаскивать сорочку из брюк, внутри Тани поползло предательское тепло, которое она и попыталась прогнать срывающимся сиплым голосом:

— Что... что вы себе позволяете?

— Нам давно пора перейти на «ты», — ухмыльнулся Егор и игриво стянул рубашку сначала с одного плеча, а потом с другого.

Хорошо, что она сидит, иначе подкосившиеся ноги просто бы не удержали. А Княжев выразительно изогнул бровь и... надел рубашку обратно.

— Вы издеваетесь? — собралась с духом Таня и напомнила себе смотреть директору в лицо, а не на загорелую кожу живота.

— Надеюсь, что не очень. Я ведь предупреждал, что моя фантазия уже дает сбой, а тебя надо было вывести из ступора.

— И потому вы выбрали такое средство, как стриптиз?!

— Но помогло же, разве нет?

Егор застегнул пару пуговиц и оставил рубашку навывпуск. Ему явно нравилось видеть смущение Тани, иначе зачем было добавлять:

— И я не понял, ты сейчас злишься из-за начала представления или его неожиданного финала?

Как же хочется этого Княжева треснуть чем-нибудь по голове! Чтобы стереть с его лица насмешливую улыбку. Чтобы в ее животе распутался наконец тугой клубок. Чтобы не краснеть от одного вида его полуобнаженного тела. Но если она так сделает, получится точно по-детски.

Таня нервно передернула плечами, стряхивая наваждение, и подошла к посудному шкафу. Так, он просил чай... И почему посуда из единственного приличного сервиза спрятана именно там, на самой верхней полке, куда нужно тянуться на цыпочках? В этот момент Егор осторожно отстранил Таню и с легкостью сам начал выставлять чашки и

блюдца по одному вниз на столешницу.

— У меня только черный чай.

— Если можно, кофе. И покрепче.

Из нижнего шкафа Таня вытащила жестяную баночку и турку, куда насыпала две чайные ложки молотого кофе. Подумала и добавила еще половинку ложечки, долила воды и поставила все на плиту. Краем глаза она заметила, как Егор взял банку кофе и начал покручивать крышку туда-сюда, не давая слететь с резьбы. Вероятно, не одной ей неуютно в тишине, тягучей и душной. Таня сняла со стенок турки прилипшие крупинки и окунула ложку в воду. Скоро закипит. Надо не пропустить момент. И разбить это невозможное напряжение.

— Я тоже любила кофе, — голос прозвучал глухо, и Таня поспешила откашляться. — Раньше пила его, а теперь нельзя, поэтому просто нюхаю. Говорят, запах кофе один из немногих, которые невозможно вызвать в памяти... В зернах один аромат, в чашке другой... Иногда вот приготовлю, налью на доньшко, нанюхаюсь и выливаю... Глупо, наверное.

Княжев отставил банку в сторону.

— Почему глупо? Надо доставлять себе маленькие радости любым способом. А мы слишком беспокоимся, как будем выглядеть со стороны, что подумают окружающие. Так что замечательно, что ты не такая.

— Почему не такая? Я ведь нюхаю кофе, только когда одна.

Поверхность напитка запузырилась, но Таня не дала закипеть напитку и наполнила одну чашку. Егор потянул носом воздух и поинтересовался:

— Будешь? Я никому не расскажу, что ты делаешь с кофе.

Она медленно кивнула. Они держали блюдце каждый со своей стороны и почти соприкасались лбами над поднимающимся вверх паром. А потом Княжев сказал:

— Обещай не ругаться.

Смысл фразы стал понятен секундой позже, после того как Егор потянул чашку на себя. Он сделал большой глоток и осторожно коснулся своими губами, покрытыми кофейной пенкой, губ Тани. М-м, подзабытый вкус, со скрытыми нотками корицы и миндаля. А поверх всего — терпкая мята. Его запах. Таня так и не успела ничего сказать, когда губы накрыла новая порция кофе, смешанного с дыханием Егора.

Через мгновение Княжев отстранился, с легким стуком поставил чашку на столешницу и поднял глаза на Таню. Он смотрел без всякой насмешки или лукавства, просто смотрел и ждал, но подрагивающие ресницы выдавали то, что так тщательно скрывалось и сейчас неудержимо рвалось наружу. Как же хотелось прикоснуться к его щеке, скользнуть по скуле, дотронуться до бровей, потом спуститься по линии носа и обрисовать губы...

Горьковатые капли еще дрожали на Таниных губах, и Егор медленно вытер их пальцами. Когда же она непроизвольно облизнулась, то ее язык захватил и кончики пальцев Княжева. Его рука немедленно стала смелее и, широким жестом погладив щеку, устремилась к резинке в волосах Тани, стянула ее и погрузилась в золотистый поток.

Таня сделала лишь одно нерешительное движение навстречу, как Егор продолжил его, и их губы встретились на полпути. Ее давно никто не целовал, так давно, что голова начала кружиться от бережных касаний. Губы Егора порхали по Таниному лицу: то еле ощутимо дотрагивались до губ, то прочерчивали дорожки из поцелуев на щеках, лбу, то снова неспешно возвращались к губам. Как легко, тонко, без напора и резкости... Так сладко...

Неприметно тело отяжелело и начало ныть от подступившего желания. Острого,

мнящего, путающего рассудок.

Таня едва помнила, как они шли по коридору, ударяясь об стены и при этом не отпуская друг друга; как ее пальцы боролись с мелкими пуговичками на рубашке Княжева; как добрались до комнаты и сбросили с дивана на пол уже рассортированные и разложенные по разным стопкам документы, а после туда же полетела и их одежда. Все было как в тумане, воспринималось будто со стороны: ласковые и умелые руки Егора, его хрипловатое дыхание, пружины старого дивана, певшие в такт их движениям... А потом ее накрыло забытое ощущение полета. Мир сжался до размеров этой маленькой квартиры, звуки пропали. Все перестало иметь значение, кроме мужчины рядом. Она сама почувствовала себя лишь частью его, чем-то крохотным и очень зависимым, и осознание этого испугало ее до дрожи.

Лишь поздно вечером к Тане вернулась способность трезво мыслить. Обнаженная, она лежала на груди Егора и пальцем рисовала бесконечные волны. Княжев гладил ее по волосам и время от времени зарывался в них губами и носом, точно не мог надышаться. Потом он приподнялся на локте и внимательно посмотрел на Таню. Она тотчас откинулась на спину, нашарила покрывало и натянула его до подбородка.

— Все в порядке? — Егор проследил за ее действиями, и уголки его губ дрогнули.

— Да...

— Замерзла?

— Чуть-чуть.

Егор поднырнул под покрывало и за талию притянул ее к себе.

— Ты очень красивая...

— Ты тоже, — машинально ответила Таня.

— Рад, что нравлюсь тебе, — фыркнул Княжев и поцеловал ее в плечо. — Прости, мне нужно уйти. Завтра важная встреча, а днем поработать не получилось: не давала покоя наша ссора. Придется сейчас наверстать потерянные часы.

— Да, конечно...

Таня сжала пальцы, будто только так могла не выпустить наружу что-то гадкое. Егор ткнулся носом в ямку у ее ключицы и стал медленно спускаться поцелуями вниз по руке.

— Поверь, ты очень важна в моей жизни. Но работа никогда никуда не денется, это надо просто принять. И не злиться.

На последнем слове он погладил ее стиснутый кулак и по одному раскрыл все пальцы, а спустя секунду вылез из-под покрывала и начал одеваться.

Да, он прав. Через пару минут дверь закроется за ним, а до этого мгновения надо запомнить его резко очерченный силуэт на сероватом фоне окна. У нее есть всего несколько минут — так мало... и одновременно достаточно для того, кто отвык от ласки и нежности.

В темноте тускло белела разбросанная вокруг бумага, и найти одежду было не так просто. Егор щелкнул выключателем и прищурил глаза, привыкая к свету, а потом шагнул к висящим на ручке кресла брюкам. Рубашка тоже отыскалась довольно быстро, а потом он замер и только обшаривал взглядом все вокруг.

— Послушай, а почему здесь такой тарарам? Решила помочь деревоперерабатывающей промышленности и сдать макулатуру?

Один носок Княжев нашел у двери и теперь пытался разглядеть второй. Пока безуспешно.

— Просто давно не разбирала свою жизнь, не раскладывала ее по полочкам. Всегда думала, что достаточно спрятать вещь, чтобы прошедшее событие забылось. А надо все

выбрасывать, и сразу.

Егор нагнулся и выудил носок из-под кипы бумаг, а потом поднял какой-то документ и заинтересованно приподнял брови.

— Тогда, может, перед тем, как выбросишь вот это свидетельство о браке, расскажешь, как и когда это было? Это же твое?

Таня медленно взяла протянутую бумагу, разгладила рукой и откашлялась, как перед выступлением.

— Мое, но только оно о разводе. Извольте ознакомиться. Вышковец Татьяна Евгеньевна вышла замуж девять лет назад, получила фамилию Семенова — довольно благозвучно, не правда ли? — а спустя год вернула себе одинокое положение. Муж был, в сущности, обычным человеком, без особых претензий — иначе зачем ему было жениться на упомянутой особе? Но данный брак совместил в себе две беды русского края: дурака и дороги. Другими словами, муж был не прочь погулять, ну а душой оказалась жена...

— Подожди, — Княжев присел рядом в одном носке и кивнул на лист в руках Тани. — Только одно: ты еще думаешь о нем?

Она сложила самолетик из свидетельства и запустила его по комнате. Тот неуклюже ткнулся носом в ближайший угол.

— Я ответила на твой вопрос?

Егор ласково притянул Таню к себе.

— Я хочу, чтобы ты знала, что можешь рассказать мне все. Что было давно и недавно. Я никогда тебя ни в чем не упрекну. Но... только, пожалуйста, не обманывай меня, никогда. И я буду честен с тобой. Обещаю.

Крепко сжав ее, Егор чмокнул макушку и поднялся.

— Кстати, если ты думаешь, что обещание поужинать со мной выполнено, то должен тебя разочаровать. — Он балансировал на одной ноге, а на другую натягивал носок. — Так что, если у тебя нет особых планов на вечер, в семь я буду у тебя. И не надейся за это время найти причину отказаться.

Когда, закутанная в покрывало, она вышла в коридор, Княжев уже оделся и просто стоял. Почему не ушел, ведь они успели попрощаться? Ждал ее? Обдумывал что-то невысказанное? Или надеялся на какие-то Танины слова? И кто первым щелкнет замком и разорвет очарование этого вечера, впустит в квартиру декабрьский холод?

Княжев молча прижал Таню к груди, и она уткнулась в жесткую ткань пальто. Он уходит. Несмотря ни на что, он все-таки уходит. То есть для него этот вечер ничего не значит?..

Дверь закрылась.

Под ноги Тане подкатился воздушный шарик.

Таня открыла глаза. Сквозь сон она почувствовала чье-то касание. Нет, померещилось. С чего бы ему возвращаться, если сам сказал про накопившиеся дела? Наверняка это солнечный зайчик, редкий зимний гость, пробрался в комнату сквозь незакрытые шторы и щекотал ее нос. Вон как шустро сейчас перепрыгнул на потолок и стал качаться на хрусталиках старомодной люстры.

Постель хранила запах кофе с легкой ноткой мяты. Его запах. И Таня глубже закуталась в покрывало: хотя бы так можно представить, что Егор не ушел.

В кухне все оставалось, как было брошено вечером. Масляные пирожные поплыли в коробке, и Таня без сожалений отправила их в мусорку. Света бы точно обозвала ее поступок варварством. А вот вино, выпитое лишь наполовину, можно поставить в холодильник, надо только пробку отыскать. Хотя, скорее всего, и его придется вылить или добавить в соус: все-таки гости приходят к ней не часто.

Выставляя бокалы в мойку, Таня задумчиво побарабанила пальцами по хрусталу. Тот отозвался тусклым звоном, и она повертела фужеры в руках в поисках возможной трещинки, а потом подавила желание прижаться губами к краю одного из стаканов.

Как же все могло так повернуться? Чем привлекла она внимание обаятельного и элегантного генерального директора «Центринвеста»? Да, она мечтала об изменениях в жизни, но отражение в зеркале напрочь отрицало ее способность нравиться. Ведь не зря же все робкие попытки отношений с мужчинами, до замужества и после, оборачивались жалкой пародией. Может, во всем виновато ее воспитание, чужая идея, что отношения могут быть серьезными или не быть вовсе? В Таню так настойчиво вколачивали эту мысль, что она затвердилась, как аксиома. А много ли сейчас мужчин готовы вот так, с первой встречи, к ответственности? Да и с чего она решила, что Княжев настроен серьезно? Вон и не остался он до утра. И что делать, если женщина в зеркале видит не цветущую красоту среднего возраста, а лишь намек на будущее старение? Да и проблема ее никуда не делась. И не денется никогда.

Таня озабоченно потерла лоб и покачала головой в такт мыслям. До вчерашнего вечера все казалось таким логичным, вот только Егор одним махом перечеркнул заботливо выстроенную линию защиты. И как вести себя с ним? Что вообще будет дальше?

Все, в душ. Может, там вернется покой и она хоть на время забудет о переживаниях. Под теплыми струями тело начало опять погружаться в дрему, и Таня решительно понизила температуру воды: расслабляться не стоило, за сегодняшний день нужно было покончить с делами.

В объятиях теплого маминого халата Таня вернулась в комнату и в завалах раскопала бумагу с мрачным названием «Завещание». Внизу листа был напечатан телефонный номер.

— Здравствуйте. Это нотариальная контора? Могу я поговорить с Зеньковым?

На другом конце провода что-то щелкнуло, видно, звонок переводили на другую линию, и почти сразу раздался приятный низковатый баритон:

— Нотариус Зеньков слушает.

— Петр Сергеевич, здравствуйте. Меня зовут Татьяна Вышковец. Около полутора лет назад вы оформляли бумаги по поручению моей матери, Вышковец Ольги Михайловны. —

Таня забралась с ногами в кресло. — Могу я подъехать к вам в ближайшее время, чтобы вы закончили оставшиеся формальности и помогли мне вступить в наследственные права?

— Как я понимаю из вашей речи, Ольга Михайловна умерла... Давно?

— Почти полгода назад.

— И чего вы ждали? Почему не обратились к нам сразу после смерти? На вступление в наследство выделяется всего шесть месяцев...

Таня замялась, но, к счастью, Зеньков сам все понял.

— Обстоятельства не позволили?

— Да, не все благополучно было со здоровьем. Так что, я могу на вас рассчитывать? Было бы замечательно, если бы вы нашли время встретиться сегодня.

— Ну хорошо, — в трубке зашуршали бумагой. — Подъезжайте в контору часам к одиннадцати, выкрою для вас полчаса. Не забудьте все документы и паспорт.

Последние фразы разговора еще звучали в ушах Тани, когда она положила трубку и перевела взгляд на фотографию на полке мебельной горки. Мама была заснята у какой-то ограды: рука сжимает металлические прутья, голова повернута в профиль. Несмотря на прошедшие с того момента годы, ее одежда не смотрелась мешковатой или старомодной, может быть, из-за черно-белого изображения. Мама выглядела решительной и собранной, какой никогда не была в жизни, очень молодой, а главное, здоровой... Таня подошла ближе и со вздохом погладила фотографию.

Надо использовать оставшееся время с толком и наконец навести порядок в зале. А ведь все было почти готово вчера, до появления Егора...

Таня улыбнулась и заново принялась раскладывать документы в разные стопки. Оставить, обязательно оставить, выбросить, положить отдельно. Так, это куда? Стоп, только ничего не читать, не будоражить себя воспоминаниями. Просмотреть и отложить. Оставить, выбросить, выбросить, выбросить...

Минуты летели так стремительно, что она чуть не пропустила десять часов, намеченные отправной точкой для сборов. Черт, почему она заранее не нашла приличную одежду: все-таки какой-никакой официальный момент! Придется вытаскивать из шкафа первые попавшиеся джинсы и кофту. Путаясь в рукавах куртки, Таня застегнула ее уже на лестнице. Ой, она так и не успела подыскать другую шапку вместо той, маминой, со смешным помпоном. Наверное, правы те, кто покупает куртки с капюшоном. Ей же придется опять мерзнуть.

Слава богу, нотариальная контора была всего в паре кварталов от дома, и Таня влетела туда без двух минут одиннадцать. Нотариус Зеньков оказался излишне полным мужчиной с тщательно выбритым лицом и гладко обтянутым свитером животом. Вероятно, адвокаты лишь в кино похожи на дореволюционных профессоров с аккуратной бородкой и усами. Этот напоминал небольшой пузырь, весь прилизанный и какой-то скользкий.

После приветствия Зеньков крутанулся в кресле и вытащил из шкафа за спиной увесистую папку. Оттуда он выудил пару листов, положил их перед собой, а потом укоризненно покачал головой.

— Ну-с, Татьяна Евгеньевна, что ж вы так затянули с оформлением? Осталась всего пара-тройка недель до окончания шести месяцев, предоставленных государством на вступление в наследство. Потом бы пришлось обращаться в суд, доказывать свои права на... квартиру, я правильно понимаю? Долгая и неприятная, знаете ли, канитель.

Зеньков протянул вперед пухлую ручку с блестящим ногтем на большом пальце,

смаживающем на недоваренную сардельку.

— Давайте-ка сначала проверим, все ли бумаги у вас в порядке, а потом вы напишете заявление о принятии наследства.

Последовала пауза, во время которой нотариус раскладывал протянутые документы в нужной ему последовательности, точно карты пасьянса.

— Вот образец, — сарделька пододвинула Тане один из листов. — Через шесть полных месяцев с момента смерти Вышковец О.М. (Он так и сказал: «О Эм») будет выданс свидетельство, подтверждающее ваше право на квартиру, и вы сможете распоряжаться указанной собственностью по своему усмотрению.

Едва Таня поставила последнюю точку, Зеньков выхватил исписанный лист, пробежал глазами по строкам и откинулся на спинку стула. Его свитер натянулся еще больше.

— Та-ак. Теперь сходите оплатить составление заявления, а я пока внесу его в реестр.

Он бросил еле заметный взгляд на часы. Прозрачный намек поторопиться. Таня встала.

Когда через полчаса она вышла на улицу, из мыслей не выходила мама. Таня вообще плохо помнила других родственников. Самого отца она не знала. Тот появился в жизни матери до рождения девочки и так же исчез, не дожидаясь появления ребенка, может, даже и не подозревая о нем. Естественно, ни о каких бабушках-дедушках с его стороны и речи не шло. А вот бабушку Веру, мамину маму, Таня видела пару раз в детстве. От ее имени в памяти сразу же всплыли строгая прямая спина, букля из седоватых волос и брезгливо поджатые губы, в сердце же ничего не дрогнуло.

Настоящую любовь дарила только мама. Для нее не существовало мелких или глупых событий в жизни дочери. Таня знала, что она придет домой — и мама отложит все свои дела и поспешит ей навстречу, с утешением или поздравлением. Каждый день. Из года в год. Стоит только открыться входной двери. Казалось, мама помнила все: страшные сны, утренники, слезы из-за больного котенка, грядущую контрольную, выпускной в школе, предстоящее свидание, собеседования, проверки на работе... — помнила и обязательно интересовалась результатом, ненавязчиво помогала советом или просто целовала в щеку.

Даже сейчас, спустя столько месяцев после ухода мамы, горло Тани мучительно сжалось. Она остановилась прямо посреди тротуара, чтобы заставить себя размеренно дышать через нос и удержать подступившие слезы.

После долгого блуждания по улицам ноги сами привели Таню к зданию «Центринвеста». К тому времени она порядком окоченела, а потому решила заскочить погреться и поболтать со Светой, тем более приближался перерыв на обед.

Таня не успела подняться на крыльцо, когда стеклянные двери здания выпустили целую делегацию во главе с Максимом Головиным. Тот выступал впереди, как будто случайно отделился от остальных. Осторожная уловка человека, предпочитающего одиночество или же очень избранное общество.

Егор тоже был среди вышедших. Ветер взлохматил его челку и распахнул полы незастегнутого пальто. Таня автоматически отметила, что Княжев сменил рубашку на светло-голубую, а костюм оставил тот же, что был вчера. Высокий, улыбающийся, такой красивый... К его локтю прямо-таки льнула девушка. Эля. Шикарное кремовое полупальто не скрывало ее длинные стройные ноги, изящные сапоги на рискованных шпильках, юбка-карандаш чуть ниже колена, на шее замысловато закручен шарф... И как невыносимо красиво смотрятся они вместе с Егором!

Княжев что-то объяснял идущему рядом с ним невысокому человеку с простоватой

внешностью жителя средней полосы России. На Элины замечания незнакомец отвечал писклявым подхихикиванием со странным бульканьем в конце. Вероятно, это и был тот важный гость, из-за которого среди ночи ушел Егор. Если и были остальные, то они слились в неясную массу.

Когда Таня очнулась и начала пятиться с нижней ступеньки, было поздно: Головин уже поровнялся с ней. Вот и попыталась убраться с дороги незамеченной! От досады и холода она начала подпрыгивать на месте.

— Здравствуйте, Максим Александрович.

— Здравствуйте, здравствуйте, Таня, — тот покосился на ее танцующие ноги. — Неужели по работе соскучились?

— Нет, просто была рядом по своим делам. Вот и забежала. Хотя и соскучилась тоже. Чего уж лукавить?

— Завтра же будете? Очень хорошо. Тогда встретимся сразу с утра. И я очень надеюсь, — в голосе Головина отчетливо прозвучала злость, — что после сегодняшнего совещания по этому многострадальному «Элит-кварталу» ваша папка пополнится новыми идеями и цифрами.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Он хлестнул себя несколько раз по ладони перчаткой. И Таня опять подумала, что постоянное раздражение заместителя генерального директора есть не что иное, как приглушенное отчаяние человека, который привык быть сильным, но все равно ничего не смог изменить тогда, семь лет назад.

Интересно, если она сейчас спросит Максима о причине недовольства этим проектом, он ответит или же грубо осадит? Таня так и не успела ничего решить, когда подошли Егор с Элей, а с ними подкатился и круглолицый гость. Глаза Княжева полыхнули радостным изумлением. Он бесцеременно переложил руку Эли со своего локтя на пальто Максима и чуть подтолкнул их в сторону машин у тротуара.

— Прошу прощения. Мне нужна одна минута, а вы пока занимайте места.

Егор потянул Таню за собой, но сделал лишь шаг в сторону от лестницы. Никакой конспирации. И, конечно же, никто не променял место в партере, идеальное, чтобы слышать и видеть все, на теплый салон автомобиля. Неужели Княжева это совсем не заботит? Единственное, что сейчас волнует ее, — это радость Егора. Значит, все же не интрижка, а что-то большее?..

— Привет. Не ожидал тебя увидеть здесь, — Егор улыбался.

— Здравствуй. Я тоже не собиралась сюда.

Как же гулко бьется сердце! А дыхание перехватывает, видно, от мороза.

— Черт, я опять должен бежать. Но вечер не отменяется.

Княжев качнулся вперед, быстро коснулся губами Таниной щеки и еле слышно произнес:

— Пожелай мне удачи.

Она заставила себя не обернуться ему вслед, а начать подниматься ко входу. Ступенька — «Удачи», ступенька — «Удачи», ступенька... Лишь у двери выдержка изменила Тане, и она проводила взглядом отъезжающие от здания машины. Тонированные стекла мешали понять, кто же смотрит на нее взглядом, от которого жжет и выворачивает все в груди.

В холле зажужжал мобильный телефон: пришло сообщение. «Одевайся теплее: щеки совсем холодные». Егор. Надо наконец внести его номер в список контактов, но сначала она напишет ответ. Если только придумает, как избежать нажатия на западающую кнопку с цифрой «четыре», там же и буква «и», столь нужная в пожелании «Удачи». Так, выкрутилась. «Успеха». Жаль, смайлик не поставит: этот телефон родился явно до изобретения эмоциональных «колобков».

Хохот из триста второго кабинета разносился по всему коридору. Открытую Таней дверь маркетингологи проигнорировали. На полу показательно лежали диаграммы и схемы со щедро рассыпанными стрелками и жирными знаками вопроса. Сами же весельчаки что-то увлеченно обсуждали. Таня замерла у стены и обвела глазами кабинет, ставший за эти месяцы таким родным и уютным. Даже горы «нужных и полезных документов», а попросту хлама, что сваливали в угол за Романом, казались привлекательной частью интерьера, несмотря на постоянную угрозу в виде схода лавины.

— Какое счастье! Кто к нам пришел! — наконец Света заметила подругу и ринулась к ней прямо по бумагам, от чего нарушился их выверенный беспорядок.

— Привет. Решила вот забежать на чаек. Совсем без вас не могу.

— А уж нам как тяжело, — взвешенно ответил Роман и нагнулся подровнять ряды на полу. — Так я пошел? За чаем? Десяти минут вам хватит на болтовню?

— Ромочка, ты самый лучший, — Света оделила его своим ликованием и беззастенчиво дернула за руку удивленную Таню. — Не смотри так и подними челюсть с пола: я отрабатываю новую линию поведения, основанную на поощрении. Знаешь, как при дрессировке. Хорошо, что ты пришла: хоть расслаблюсь немного.

Синицкая смахнула невидимый пот со лба и заговорщицки понизила голос:

— А что у вас? Я Егора видела с утра. Выглядит обычным, без синяков. Значит, не подрались. Так?

— Не подрались.

Таня оттягивала признание и намеренно замешкалась с курткой.

— Ну же, колись!

— Мы переспали.

— Ух!

— Это все, что ты можешь сказать? Только «ух»?

— Подожди, пусть мысли вернуться в голову. Пока там остались только возгласы «Ну ты даешь!», «Ничего себе!», «Ух!» и нецензурные. Я выбрала самый короткий и благопристойный. Наверное, зря: он и самый неинформативный.

Света закурила по кабинету. Интересно, чувствовала бы себя сама Таня шокированной, расскажи ей кто-то о своем романе с начальником? Хотя о каком романе? Одна ночь его не делает. Или делает?.. Синицкая завершила круг и приблизилась к ожидающей подруге.

— Так, вроде отпустило... Знаешь, я, конечно, рада, что ты последовала моим пожеланиям принять все, как есть. Но все же... Черт, что врать-то?! Не была я готова к такому стремительному развитию событий. Хотя... он же столько лет ждал.

— Я сейчас в тебя чем-нибудь брошу.

— За что? Я правду сказала. В нем всколыхнулись ощущения первой любви и разожгли огонь страсти с новой силой, — патетически произнесла Света с рукой где-то у желудка, а потом приняла обычный вид. — Ладно, план по издевательствам выполнен. Теперь серьезно. Что будешь делать дальше? Общаться же как обычные коллеги вряд ли получится.

— И это меня пугает. — Таня отодвинула папки с края стола и села. — Сегодня мы столкнулись на улице, и я совсем не знала, как быть. Как даже смотреть на него. И еще эта Эля...

— Та еще кошка. Глаза выщарапает и не поморщится.

К лицу Тани метнулись растопыренные пальцы Светы с аккуратным французским маникюром.

— Егор говорит, что они расстались, но сегодня мне так не показалось. Не хочу сказать, что он ее поощряет или что-то в этом роде, но Эля явно не приняла всерьез его решение.

Появившийся Роман потряс пакетиком с пирожками, Света восторженно пискнула, и пришлось закончить разговор. Они пили чай и обсуждали нейтральные темы и последние офисные новости, а потом Таня нехотя попрощалась. Домой совсем не тянуло, но еще больше не хотелось подводить друзей: а вдруг их застанут за пустой болтовней?

На улице она потуже замотала шарф и поежилась: все-таки зябковато для прогулок. Через дорогу приветливо сверкал теплыми огнями огромный торговый центр, и ноги Тани сами сделали выбор и свернули туда.

Нет, она не планировала ничего покупать, да и вообще перебирать милые безделушки и примерять одежду всегда приятнее с деньгами в кармане.

Но можно сесть с горячим чаем где-нибудь в стороне и смотреть на проходящих людей. Один поток на каждую новую картину. Вон молодой человек с букетом в руке. Он ждет ту, которая явно не собирается прийти. Даже цветы это поняли и склонили подвывшие головы... А вот у витрины обувного магазина замерла девица. Она плотоядно облизывает губы, не сводя глаз с вызывающих алых туфель на высоком каблуке. Неужели купит и сегодня же на ком-то опробует их магию?.. Рядом на скамейке пристроилась старушка и принялась выгружать нехитрое содержимое своей сумки. Ищет что-то? Расческа, носовой платок, перетянутые резиночкой таблетки, скомканные бумажки, футляр от очков... А нужна-то была помада! Алая, режущая глаз и чье-то сердце. Вот тебе и бабуля...

Таня отпила еще чаю. Вокруг нее текла жизнь, закручивалась в замысловатые узлы, устраивала искусные головоломки. Люди обсуждали покупки, ругались, что-то толковывали друг другу, жалели потраченные деньги, улыбались... Она тоже была частью этой реки. Хотя бы тем незаметным течением, что движется отдельно и временами бесцельно. Молчаливый ручеек, хотя еще вчера была всего лишь болотом...

В сумке приглушенно заворчал телефон, и Таня отставила стаканчик, чтобы двумя руками расстегнуть заедающую молнию.

— Привет. Ты где пропала?

Слова заглушил звук проехавшей машины: Егор определенно был на улице.

— Я не пропала, просто не слышала звонок. А ваша встреча уже закончилась?

— Слава богу, да. А ты дома? Я заскочу?

— Я не дома, — она покачала головой, словно он мог это видеть. — Я в «Гринвиче», торговом центре.

— Тогда выходи на улицу, мы за углом.

— Хорошо.

Хм, что значит «мы»?

Через пару минут уже знакомая ей «Мазерати» вырулила на парковку. Дверца заднего пассажирского сидения приглашающе распахнулась, и Таня села. Прямо в объятия Егора. Кто же тогда за рулем? Какой-то незнакомый парень. Ну и где тот непомерно развитый инстинкт собственника, что просыпается в мужчине, когда дело касается его любимого автомобиля, особенно такого дорогущего?

— Ты не против, если мы сегодня не поедem в ресторан? — Княжев поцеловал Таню в губы, и она явственно ощутила легкий запах алкоголя.

Теперь ясно, почему за рулем посторонний.

— Конечно. Я даже и не собиралась в ресторан, — заверила она и чуть не хлопнула себя по лбу от получившейся двусмысленности.

Но, вопреки обыкновению, Егор не подхватил шутку. Он что-то негромко сказал водителю, а потом откинулся на сидение и сжал руку Тани. Всю дорогу он молчал.

Район, куда они приехали, считался престижным. В нем не было и намека на типовые блочные дома. А пара высоток с замысловатой архитектурой навевала мысли о постоянно менявшихся творческих замыслах проектировщика, который так и не сумел выбрать какую-то одну из осенивших его идей и использовал все сразу. Сквозь высокий металлический забор хорошо просматривались тщательно выверенные дорожки из плитки, приземистые туи и несколько солидных автомобилей недалеко от неплохо оборудованной детской площадки. В Танином детстве таких площадок не было. Да-а, детишкам повезло. Она и сама бы не отказалась покататься на роскошных качелях или съехать с изогнутой горки, но реакция окружающих на ее порыв вполне предсказуема: крутящийся палец у виска.

«Мазерати» неспешно притормозила у ближайшего подъезда, и Егор придержал пассажирскую дверь, пока отдавал последние распоряжения водителю:

— Вова, загони машину в гараж и отдыхай. Завтра ты не понадобишься: я поеду сам, как обычно. Ну все, пока.

Автомобиль начал разворачиваться, а Княжев провел Таню в подъезд и кивнул консьержу. Тот в ответ приподнялся с диванчика у окна и изогнулся в легком поклоне, чтобы потом вернуться к потрепанной книге в своей руке.

От шагов в холле разнеслось эхо, и Таня невольно сглотнула: ей еще не приходилось бывать в подъезде, больше напоминающем вход в дорогой ресторан. Как же тяжело не крутить головой по сторонам, когда так хочется рассмотреть все мелочи! Стены покрашены в ненавязчивый бежевый цвет, местами разбавленный персиковыми и даже розоватыми вставками. Марко, но глаз отдыхает. На полу — крупная плитка с редким геометрическим узором. Такая же отделка по контуру дверей лифта. По всем углам кадки с цветами. Оранжевая, а не холл! Это не ее чахлые фиалки. Вон, как загадочно блестят крупные мясистые листья. С потолка, как перекрученные лианы, свешиваются мудреные светильники. Да-а...

Княжев вызвал лифт. Тот примчался откуда-то снизу, вероятно, из подземного гаража, подождал, пока в него зайдут и нажмут нужную кнопку, и так же резво поехал к шестому этажу. Там располагались всего две квартиры, и Егор направился к левой. Открыл дверь, включил свет и пропустил вперед Таню. Потом стащил свое пальто, бросил на вешалку в коридоре и помог Тане освободиться от куртки.

— Проходи, не стесняйся.

Легко сказать «не стесняйся»...

Глаза зацепились за гигантский телевизор на стене огромной гостиной. Будто потемневший экран, унесенный из кинотеатра. Прямо посередине комнаты — изогнутый кожаный диван. Перед ним кованый столик со стеклянной столешницей, сквозь которую замечательно виднелся длинный ворс сероватого ковра на полу. Одна стена почти полностью закрыта гардинами. Окно по краям обрамляли жемчужно-серые портьеры, свисая продуманными складками.

А остальное пространство было... пустым. Создавалось впечатление, что дизайнеру стояла четкая задача не использовать ничего лишнего для оформления, эдакий мини-мини-минималистический стиль. Тот и не нашел ничего лучшего, как просто заставить мебелью

только середину комнаты. Стены тоже девственно чисты: ни картин, ни постеров, ни фотографий.

От гостиной так и веяло холодом, и Таня поспешила на кухню. Та тоже поражала своими размерами, упорядоченностью и невыносимой стерильностью. В углу на светлой столешнице примостились внушительных размеров кофеварка и стальной электрический чайник. На таких всегда остаются следы от пальцев, но ручка этого чайника безупречна. Живут ли здесь вообще? Хотя вот висит же у духовки белое полотенце, а в вазе аппетитно уложены фрукты... Но готовят на этой кухне редко, это точно, и вряд ли хозяин квартиры.

— Таня, ты не расценишь это наглостью, если я сейчас залезу в душ? — Казалось, Егор совершенно не заметил любопытно-недоумевающего взгляда, с которым она разглядывала все вокруг. — Чувствую себя так, будто меня пожевали и выплюнули. Не день, а просто мясорубка какая-то...

Черт, как же она раньше не увидела резко обозначившиеся тени под глазами Княжева, из-за которых хищно заострился нос! И почему не придавала никакого значения тому, что за весь вечер ни разу не мелькнула его ироничная улыбка? Зациклилась на себе и своих переживаниях, эгоистка...

— Конечно, иди. Может, я пока приготовлю что-нибудь поесть?

Егор отрицательно мотнул головой и начал расстегивать одновременно и пиджак, и рубашку.

— Просто поищи в холодильнике. Сегодня пятница. Значит, заходила Маргарита Львовна и принесла еду.

Последние его слова донеслись уже из коридора. Таня уныло обвела взглядом серые полированные панели кухни, совсем непохожие на разыскиваемый холодильник, и наконец потянула на себя длинную дверцу шкафа-пенала. Судя по выстроенным рядам банок, это оказался своеобразный склад запасов круп и заготовок. А вот за следующей дверью был холодильник.

Таня покупала продукты лишь на ближайшие дни и всегда удивлялась способности людей под завязку набивать его едой. Но то, что открылось ее глазам, превзошло все мыслимые ожидания. Казалось, здесь не просто собрали еду, а уже сервировали и подготовили к подаче. Еле ощутимо пахло весной и терпкой зеленью с грядки, будто овощи, пустив невидимые корни, созревали уже в «зоне свежести». Сквозь прозрачный верх упаковок многообещающе выглядывали мясные и сырные нарезки. Да, гурману предстоял нелегкий выбор даже при составлении простого бутерброда. Таня заставила себя не рассматривать многочисленные контейнеры на двух верхних полках из боязни увлечься процессом и забыть про цель накрыть на стол. И уж совсем не стоит коситься на приличные куски ягодных пирогов, нелепо примостившихся внизу возле фруктов.

Она прикрыла глаза и наобум вытащила пару емкостей. Там волшебным образом оказались отбивные и тушеный рис с овощами. Отлично! Добавить к этому помидоры, отщипнуть несколько листиков салата — и ужин готов. Поиски тарелок заняли больше времени. Все-таки Танино воспитание протестовало против того, чтобы беззастенчиво открывать все подряд ящики и шкафы в чужой кухне, хотя это и существенно облегчило бы поиски. Слава богу, что микроволновую печь нельзя никуда спрятать. Пока разогревалась еда, Таня помыла и нарезала овощи.

Егор пришел как раз в тот момент, когда она выдвигала нижние ящики кухонного гарнитура в поисках столовых приборов. У окна стоял круглый стеклянный стол с

прямоугольными бамбуковыми подложками под посуду. Но Княжев вымученно опустился на стул у небольшой барной стойки и вытянул босые ноги. Он сменил привычный строгий костюм на простые джинсы и футболку поло, но остался верен своему любимому серому цвету.

— Прости, что пригласил в гости и навесил на тебя роль хозяйки. Обещаю в следующий раз исправиться.

Княжев явно не собирался мешать Тане и дальше исследовать кухню, и она снова мысленно чертыхнулась: в ящике под варочной панелью почему-то лежали полотенца. Никакой пожарной безопасности! И лишь пятая попытка принесла удачу: за дверью высокого шкафа стояла замысловатая подставка с ложками, вилками и ножами, нанизанными на металлические перекладки-держатели. М-да, генеральный директор и такое мещанство. Хотя зачем сразу так строго? Может, это просто подарок от дорогого человека. Настолько дорогого, что выбросить громоздкую конструкцию рука не поднимается, зато ее легко можно спрятать. «Кто ж подарил тебе, Егор, такую композицию?»

— Все хорошо, мне нетрудно, — уверила Таня в надежде, что это не прозвучало фальшиво.

Она неумело выуживала цепляющиеся за держатели вилки и ножи и старалась не проклинать дарителя. Уф, после такого ничего не страшно! Таня поставила на стойку чуть дымящееся блюдо с рисом и мясом и пододвинула овощи.

Егор потыкал еду вилкой, что-то подцепил и проглотил, а потом отодвинул тарелку в сторону.

— Извини, что-то совсем нет аппетита. Ты будешь есть? Нет? Тогда пойдем посидим.

Взяв Таню за руку, он провел ее к дивану в гостиной и сел, однако явно предпочел бы отбросить приличия и рухнуть на подушки. Егор не выпустил ее руку и большим пальцем поглаживал запястье, но механически, словно вместе с этим жестом додумывал какую-то важную мысль. Его отрешенное состояние настолько было непривычно, что Таня не могла не спросить:

— Что-то случилось? Я могу чем-то помочь?

— Ты уже помогаешь. Сидишь вот рядом со мной, можно сказать, нянчишься... А случилось... Нет, пока не случилось. Просто кое-какие трудности. Но не волнуйся, все будет хорошо.

— Как прошла встреча?

Княжев поморщился.

— Не так плодотворно, как хотелось, но ничего, у нас еще есть время. Завтра в девять новое совещание. Представляешь, в субботу! Снова попробуем договориться.

Он умолк, и, чтобы не прерывать его размышления, Таня опять обвела глазами гостиную. На ум ей пришло логичное объяснение царившей пустоты, и она решила проверить свою догадку.

— А почему в этой комнате так мало вещей? Ты переезжаешь?

— Куда? — удивленно открыл глаза Егор и будто первый раз посмотрел вокруг. — Нет, здесь так всегда.

— Очень непривычно. Наверное, тут бродит эхо.

— Не замечал... Здесь все, что мне нужно. Я вообще по натуре не плюшкин: не коллекционирую антиквариат, в принципе ненавижу магазины и покупаю только то, что

необходимо, чаще всего в одном экземпляре. Да и тяну до последнего, когда уже нельзя без этой вещи обойтись. Зачем мне телевизор в каждой комнате, если нет желания и времени его смотреть? — Княжев искренне недоумевал. — Зачем парк автомобилей, когда можно срастись с одной машиной до такой степени, что она становится продолжением твоих рук-ног и реагирует на появление у тебя даже насморка, не говоря уж о перепадах настроения? Зачем на каминной полке глупые статуэтки? Они только притягивают пыль, которую некому вытирать. Нелепые фотографии в рамках? Уж лучше позвонить этому человеку, встретиться и сказать все, что хочется...

Таня открыла рот, чтобы еще спросить, но Егор ее опередил:

— Ну, а тем, с кем невозможно увидеться, и вовсе не место в рамочке: они живут в сердце, а не на выцветающей бумаге. Так что детали моей жизни нужно искать не в этих комнатах, а на Слободской, в офисе. Там мое дело, то единственное, что мне интересно и важно. И, если ты заметила, уж там я себя не сдерживаю. Развернулся так развернулся! — улыбка еле заметно тронула губы Княжева. — А сюда, в эту квартиру, я прихожу чаще всего просто поспать. И для этого нужна кровать, а не картины.

— А как же чувство прекрасного? — поддела Таня, не желая сдаваться.

— Думаешь, оно у меня не развито? Или оно проявляется, только когда на стене висят полотна? Открою секрет: лично мне голые стены помогают думать, не отвлекают ни на что лишнее.

Егор повернулся в полуоборот к Тане и добавил больше утвердительно, чем вопросительно:

— Тебе не нравится...

— Не очень. Как-то безлико и холодно. А может, просто это я не могу найти смелость отказаться от мелочей, которые загромождают мою квартиру и приносят болезненные воспоминания. Истязая сама себя, как мазохистка. Главное ведь, чтобы хозяину квартиры было комфортно, верно? — поспешила извиниться Таня, когда уловила легкую тень — чего? разочарования? — мелькнувшую на лице Княжева. — Удивительно другое: как ты с такой катастрофической занятостью поддерживаешь квартиру в первозданной чистоте. Ни пылинки, ни соринки. Я так не умею.

— Я тоже, — засмеялся Егор. — Это все Маргарита Львовна, мамина помощница по хозяйству. Три раза в неделю она приходит сюда для уборки и готовит еду. Так что можно сказать, что и в собственной квартире я как в гостинице — всего лишь постоялец.

— Наверное, здорово иметь помощницу по хозяйству, — хмыкнула Таня с легким оттенком зависти. — А твоя мама, чем она занимается?

— О, это отдельный разговор, — Княжев снова откинулся на подушки. — У маман хватает энергии не только на свою жизнь и большой дом, но и на чужие. Причем туда она влазит с превеликим удовольствием. Не подумай, я ее очень люблю. Но выдержать за раз больше пары часов рядом с ней тяжело даже для меня.

Егор помолчал и прибавил:

— Наверное, она все еще считает меня малышом. Почему-то многие родители медленно привыкают к мысли, что дети уже выросли. Самим же детям тяжело принять тот факт, что кто-то из родных может уйти. Да, наверное, и не только детям... Я вот частенько жалею, что отец не может увидеть меня сейчас. Он бы сразу понял, как разрулить ситуацию...

Княжев мыслями явно вернулся к мучившей его проблеме.

— А что с отцом?

— Его давно нет, уже семнадцать лет. Говорят, я похож на него. Он был удивительно правильный человек, очень честный и прямой. Наверное, это сыграло не последнюю роль в том, что с ним произошло. Его ведь застрелили. Сейчас тонко подводят человека к черте: мы, мол, не при делах, это он все сам, нервишки сдали, вот и слился... А тогда были в моде другие разборки, попроще. Пара выстрелов — и проблема конкуренции решена.

Если Егор и не хотел выдать свои настоящие чувства, это сделали его слова: они вылетали легко и спокойно, слишком легко и спокойно.

— Его заказал конкурент? — осторожно спросила Таня.

— Не знаю. Дело не раскрыли, как и многие другие. Но я на всю жизнь запомнил, как отец общался с людьми, как вел себя в бизнесе, каким был в семье. И если тянет совершить гадость — тут же вспоминаю его, и все как отсекается. Боюсь только, что когда-нибудь сорвусь: мерзостей-то сейчас все больше и больше, дела строятся именно на них.

Он устало потер глаза и продолжил:

— И раз уж у нас зашел разговор о моей семье, думаю, стоит рассказать все. Чтобы два раза не возвращаться, — голос Егора стал еще серьезнее. — Так вот, вскоре после смерти отца моя мать вновь вышла замуж. Не буду никак оценивать ее поступок, что-то говорить про скоропалительность решения. Вероятно, тогда свою роль сыграло многое: тяжелое время; единственный сын, то есть я, мечтающий получить качественное высшее образование; неплохо налаженный бизнес, который без твердой руки и управления мог развалиться в любой момент. Видимо, все это было сильной мотивацией для замужества. Короче, маман вышла за Степана Борисовича Шацкого. Он-то и взял управление отцовской компанией в свои руки, сохранил ее, преуспел... Для нашего же рассказа важна другая деталь: у этого человека была дочь от первого брака. Элеонора, Эля.

— То есть ты и Эля... — переспросила Таня и хотела рукой прикрыть невольно открывшийся рот, но удержалась от картинного жеста.

— Мы росли вместе, почти как брат и сестра. Постоянно были рядом. В нас прививали симпатию друг к другу, прямо-таки искусственно выращивали ее. Друзья поощрялись только общие, увлечения — похожие, будущее — совместное.

Княжев покачал головой, как будто не верил своим же словам.

— Поначалу я всячески старался уйти от этой опеки, особенно в университете, когда захотелось хлебнуть свободы после домашних правил. Но по натуре я не революционер. Мне противно постоянно сражаться, быть в обороне... И в какой-то момент я уже не воротил нос на предложения Эли сходить куда-то вдвоем, наши романтические ужины перестали быть обузой. Я решил: «Почему бы и нет, если сердцу все равно для кого биться? Единственная любовь, детская, закономерно оказалась несчастливой, поэтому нет никакой разницы, кто будет рядом». А потом как-то незаметно, случайно стал замечать мелочи, то, что раньше было неважно. Совсем малюсенькие детали, но они укладывались где-то внутри меня. Кирпичик за кирпичиком. Когда же стена дошла вот сюда, — Егор провел ребром ладони по горлу, — все... Дыхания не осталось.

Таня не шевелилась, словно любым движением могла помешать волне откровенности. А Княжев оперся обеими руками на колени и сцепил пальцы в замок. Смотрел он прямо перед собой.

— Еще летом я убеждал себя, что это глупости, что жить нужно без идеализации партнера. Так даже лучше. Но не смог. И с Элей мы расстались, ты это знаешь. М-да... Но все это я рассказываю тебе еще вот по какой причине. Несмотря на все трения и

переховатости, мы с Элей все равно часть семьи. Она же является и совладельцем «Центринвеста». И может прийти ко мне. В любой момент. Со своей проблемой или даже просто так, без повода. — Егор перевел глаза на лицо Тани. — Мы с ней остались друзьями, очень близкими. Но только друзьями. В этих словах нет двойного дна. Они значат лишь то, что значат. И ты должна мне верить.

Повисла пауза. Таня лихорадочно облизала губы.

— Ты ждешь от меня какого-нибудь ответа?

— Да. Того, что ты все правильно поняла.

— Хорошо. Надеюсь, я все поняла верно. А ты, ты сам себя понимаешь? — вопрос вылетел раньше, чем она успела его обдумать.

— Полагаю, да. Я не знаю, что будет впереди, но пока мне комфортно с тобой. Согласен, иногда не подозреваешь, чего от тебя ждать: очередной колкости, взрыва или улыбки. Но ты настоящая, и это главное. Неживых людей мне с лихвой хватает в бизнесе. Так что поживем — увидим.

— Вряд ли я ошибусь, если предположу, что твоя мама совсем не рада вашему с Элей разрыву...

Таня нашла торчащую из рукава кофты ниточку и рассеянно мусолила ее пальцами.

— У нас с маман редчайшее свойство — полное несовпадение взглядов на жизнь. Знак качества, отмеченный не одним годом. — Егор лениво следил за механическими движениями Тани сквозь полуопущенные веки. — Но решения относительно себя я принимаю сам, без оглядки на стенания родственников.

— А как же твое «Я не революционер»? — Таня не могла не заметить явного противоречия.

— Все так, но опыт общения с Элей не прошел даром. Теперь малейшие сторонние посягательства повлиять на мою личную жизнь я пресекаю в корне. И в этом смысле меня можно назвать монархистом. Отношения должны определять только те двое, кто в них участвует.

Ниточка оторвалась. Егор потянул Таню к себе, и она ухом прижалась к рубашке. Так можно и полюбить запах ментола... Казалось, стук сердца Княжева заполнил всю комнату и мешал слушать его же слова.

— Так хорошо, что ты сегодня рядом... А представляешь, если бы так было каждый день... Большой уютный дом, обволакивающее тепло камина, мы устроились на диване, а вокруг бегают дети...

— Какие дети? — Таня приподняла голову, чтобы убедиться, что ослышалась.

— Наши. Я всегда мечтал о сыне. И о девочках. Двух...

Голос Егора стал немного неразборчивым, а Таня почувствовала, как ее сердце ухнуло куда-то вниз и на его месте образовалась пустота.

Во рту разлилась неприятная горечь, а перед глазами начали плясать яркие мушки. Их мельтешение ускорялось, и они сливались в крупные точки, из которых выросли детские лица. Одурающе накатывала боль. «Не надо, только не сейчас», — мысленно молила Таня. Она закрыла глаза и постаралась переступить через волну паники, но стало лишь хуже. «Надо сказать ему, прямо сейчас, пока еще не поздно, — лихорадочно застучала в мозгу мысль. — Будь с ним честна, он не заслужил обмана. Пока вы не увлеклись друг другом еще сильнее, скажи ему!»

Таня широко распахнула глаза и ухватила взглядом за подхват на шторе в виде кисти.

Так, смотри только туда. А теперь попробуй размотать его, нитку за ниткой, медленно и сосредоточенно. Не спеши. Просто распускай кисть. Важно укладывать витки на пол ровно, чуть по спирали. Вот так. Хорошо... Скоро размотанные нити достанут до подоконника. Тогда можно будет и отдохнуть.

Мелькающие блески потускнели, и Таня окончательно поняла, что приступ так и не начался. Она откашлялась и все равно просипела:

— Егор, у меня не может быть детей. Никогда.

На пару секунд Таня замерла в ожидании реакции, а потом извернулась и не поверила своим глазам: Княжев спал, откинув голову на диванную подушку. Черт!

Таня с легким стоном уронила голову на руки. В душе поднимался страх, что в следующий раз, когда надо будет произнести эти ужасные слова — без сомнения, это произойдет скоро, — у нее попросту может не хватить смелости. Или выдержки, чтобы не впасть в истерику, за последнее время они и так участились.

Егор спал. Как же хочется дотронуться до его щеки! Пусть слегка. Лишь бы пальцы перестало колоть холодными иголочками. Он проснется — и страшные слова выскользнут изо рта и перестанут жечь ее изнутри. Но он же только что провалился в сон. Тяжелый, пустой, но спасительный. От такого ум проясняется через пару часов, а тени под глазами блекнут. Только даст ли она ему эти несколько часов? Или будет думать только о себе?

Таня потеряла веки, поежилась и поискала глазами хоть какой-то плед или покрывало. Ничего. Тогда она аккуратно высвободилась из объятий Егора и на цыпочках пошла по широкому коридору, который уперся в массивную темную дверь. Ручка после нажатия чуть слышно щелкнула. Таня пошлепала ладонью по стене где-то на уровне своей макушки, потом поняла ошибку и опустила руку ниже. Вот он, выключатель. Так и есть: перед ней спальня.

Егор остался и здесь верен своему лаконичному принципу «Ничего лишнего». На кровати с легкостью могли поместиться два, даже три человека достаточно внушительного роста и комплекции. Вероятно, для высокого человека, как Княжев, это удобно, особенно если хочется без сил просто свалиться и забыться сном. Лежи хоть по диагонали, хоть по вертикали, хоть в форме звезды. Хотя сама Таня любила коленками упираться в стенку или спинку дивана и так чувствовать опору и как бы чье-то присутствие.

У изголовья расположились незамысловатые бра с абажурами, напоминающими пергамент, и эти светильники были единственным украшением стен. На прикроватных тумбочках ничего не лежало, но из одного ящика торчал край зажатого бумажного листа. На окнах — плотные гардины серого цвета с нежным фисташковым отливом, без портьер: наверное, окно выходило не на солнечную сторону. Справа от двери проход в гардеробную с приглушенно горящей подсветкой.

Одним решительным движением Таня сдвинула в сторону гладкое покрывало, свисающее до самого пола, и потащила на себя одеяло. Как же все-таки здорово, что бабушкины неподъемные перины больше не в моде, иначе бы ее намерение осталось только намерением! Одеяло не поместилось целиком в руках и тянулось за Таней живописным шлейфом, из-за чего она была вынуждена постоянно оглядываться назад и ступать мелкими выверенными шажками.

Голова Егора была все так же неудобно заброшена назад. Лицо прояснилось, но оставалось еще очень сосредоточенным. Таня накрыла Княжева самым краем одеяла и раздумывала, как освободить пол от остальной части. Внезапно Княжев еле слышно застонал, и его брови сошлись к переносице. Образовавшаяся глубокая морщинка поразительно не шла ко всему облику Егора, она делала его совсем другим человеком. И Таня, глупо испугавшись этой перемены, схватила сумку и выскользнула в коридор.

Там, в темноте, она снова замерла и стала кусать губы. Как быть дальше? Все-таки уйти — и разрушить то хрупкое взаимопонимание, что сложилось у них с Егором за последние дни? А это значит, отказать себе даже в малюсенькой вероятности счастья. Ведь может же

оно быть у нее, должно случиться хоть когда-то! Неужели она не заслужила и капли благополучия? И вовсе не страданиями, не слезами, а просто фактом своего существования? Господи, как она хочет остаться! Но тогда будет вынуждена смотреть в глаза человеку, который ей доверяет. Смотреть и беззастенчиво обманывать его в самом важном — в мечтах. Хотя почему обманывать, если она собирается рассказать Егору обо всем? До этого вечера не говорила, а теперь скажет. Ведь никто же не кричит о своих проблемах на каждом перекрестке. О них знают только те, кого эти трудности касаются. Но тогда получается, что, если бы Егор не упомянул о детях, она бы продолжала подло молчать? Да нет, призналась бы. Конечно бы, призналась. Просто и теперь она все еще не верит, что у них это серьезно, не на пять минут...

Кожа дивана закрипела: наверное, Княжев во сне повернулся на бок, и Таня решилась. Она загадает. Как в детстве: если Егор сейчас проснется — она все ему расскажет, немедленно. Если же не проснется, то... Она тянула с окончанием и слушала тишину в гостиной. Может, что-то бросить на пол для шума? Если не проснется, то... Княжев продолжал спать, а ее рука никак не могла распахнуть дверь в никуда. Если не проснется, то... Тогда все подождет до утра.

Пальцы отпустили дверную ручку и сжались в кулак. Так, чтобы иметь свежую голову, ей тоже нужно поспать. Где? Да рядом с Егором на диване. В чем? В одежде, раздеваться совсем не обязательно. Но тогда как завтра идти на работу? В помятых джинсах и вязаной кофте? В компании, конечно, лояльный дресс-код, но не до такой же степени. Значит, придется встать пораньше и заскочить домой. А сейчас... Сейчас ей нужна ванная.

Та обнаружила слева от спальни. Огромная, как и все в этой квартире, с удобной душевой кабиной, на стенках которой тускло мерцали капельки воды. Эта комната, в отличие от остальных, не выглядела нежилой, вероятно, из-за флаконов шампуней, гелей для душа, пены для бритья и прочих необходимых вещей. Все они аккуратно были выставлены на толстой каменной столешнице, в которую был вмонтирован длинный умывальник с изогнутым краном. Зеркало над раковиной освещалось накладными бра в форме ракушек, и отблики света создавали эффект неясного присутствия в комнате кого-то еще.

Таня включила воду тонкой струйкой и вытащила из сумки влажные салфетки. Надо попытаться хоть так смыть косметику с лица и этим избежать грязной маски утром. Конечно, зубы почистить не удастся, хотя зубных щеток в стакане было несколько, в том числе почему-то и розовая.

Расчесав напоследок волосы, Таня прокралась в зал, погасила свет и юркнула под одеяло. Она старалась не задеть Егора, но он словно почувствовал ее появление. Княжев буквально сгреб Таню в охапку и пристроил ее голову на своем плече. Пару раз он шумно выдохнул прямо в Танино ухо, а потом отвернулся чуть в сторону, но все равно задевал дыханием ее волосы. «Наверное, у птицы перед взлетом так же подрагивают перья», — успела подумать Таня перед тем, как заснуть.

Утро началось с непонятного пиликающего звука. Он прокрался в сон Тани, мешал и тревожил. Через пару секунд к звучанию добавилось царапающее дребезжание. А еще спустя полминуты мелодия разнообразилась низким буханьем металла по металлу.

Не в силах сразу распахнуть ресницы, Таня судорожно пошарила рукой вокруг. Куда же запропастилась ее любимая подушка, которая так легко превращается в шлем? Откуда доносится ментоловый запах? И когда это она успела купить такой гладкий шелковый пододеяльник?.. Стремительно исчезающая дремота совпала с резким морганием, а запах свежей мяты усилился.

— Доброе утро, соня, — прохладные губы Егора побежали по ее лицу и вернули воспоминания о вчерашнем вечере. — Просыпайся...

— Да тут уж хочешь не хочешь, а проснешься. Что за странная какофония?

Незамолкающие звуки раздражали своей настойчивостью и заунывностью, но Княжев не торопился прерывать свое занятие и отвечать. Лишь когда без поцелуя не остался ни один уголок лица Тани, Егор вылез из-под одеяла и потянулся к валяющемуся у подлокотника телефону. «Так вот кто издавал эти проникновенные децибелы! Никогда бы не подумала, что резко наступившая тишина может звенеть и казаться нереальной.»

— Данное творение родилось в результате кропотливых проб и подборок и ни разу не подвело. Проверено многими людьми не единожды в течение нескольких лет, и у всех вердикт одинаков: под этот шедевр ты гарантированно проснешься. Даже если спал всего два часа.

Княжев опустил телефон в карман джинсов и протянул руку Тане. Что ж, оставим это нагретое гнездышко из одеяла. Она вложила пальцы в его ладонь и хотела спустить ноги на пол, но Егор решил по-другому. Он обхватил ее за талию, помогая встать на диване, отчего тот возмущенно скрипнул на подобное обращение с собой. Так она оказалась выше Егора, и тот смотрел на нее чуть снизу. Лукаво изогнувшаяся правая бровь противоречила его кающемуся голосу:

— Да-а, мои ухаживания определенно превращаются в какую-то комедию. Пригласил девушку на свидание и заснул...

— Если тебя это успокоит, — улыбнулась Таня и несмело зачесала назад взлохмаченную челку Княжева, — я не девушка, а женщина. И... доброе утро!

Егор ничего не ответил, а поцеловал Танино запястье, словно в благодарность за прощение. Его язык прочертил легкую линию от основания ее большого пальца через всю ладонь и захватил в плен мизинец. Княжев ласкал его ртом по всей длине, и от этого вида Таня ощутила сладкую волну возбуждения. Она шла от ладони и скручивалась в животе тугим кольцом. Боже, как же хочется немедленно податься навстречу Егору и припасть губами к полоске кожи на шее между волосами и воротом рубашки! Ноздри ее мимо воли расширились и громко втянули воздух. Конечно, она оценила изящный намек Егора.

Он продолжал свою игру языком, только теперь не отводил глаза от Таниного лица. Это наблюдение еще больше возбуждало ее, будто в нем было что-то непристойное, будто кто-то со стороны подглядывал за тем, что предназначалось лишь двоим. Егор заскользил языком чуть дальше по руке. Он медленно отгибал рукав кофты и сразу же целовал обнажавшуюся

кожу. Край дивана, вероятно, стал мешать ему, и Княжев свободной рукой притянул Таню за талию ближе, вдавливая себе в живот. Потом рука его скользнула на ее ягодицы.

Этот жест был настолько многообещающим, что дыхание Тани перехватило от понимания: ее разум плывет. Еще пара секунд — и она напрочь утратит способность мыслить, забудет обо всем. Даже о ночном решении. В голове въедливо запищала совесть: «Очнись! Пора покончить с недомолвками!» И Таня высвободила руку, одернула рукав и нажала растопыренными пальцами на плечи Княжева, чтобы потом отстраниться.

— Егор, подожди... У нас мало времени. А мне нужно сказать тебе... что-то очень важное...

Она боялась, что он не сразу услышит ее и волей-неволей ей придется вести себя еще жестче. Но Княжев немедленно подался назад ровно настолько, чтобы удобно было смотреть ей в глаза и не слишком задирать голову.

— Все хорошо. Ты права: я совсем забыл о времени, — в голосе проскользнули хриповатые нотки, и Егор кашлянул.

— Да нет, не в этом дело! Просто понимаешь, я... у меня...

Таня старалась поскорее выплеснуть требуемые слова, но горло предательски сдавило спазмом. Княжев воспользовался невольной паузой и оставил на ее губах поцелуй, очень нежный, без лишней чувственности, словно доказывал свою сдержанность.

— Танюша, не уверен, что важные вещи стоит говорить на ходу. От этого они обесцениваются. А принимаемое решение зачастую оказывается ошибочным просто потому, что в спешке рассказали не все детали, а лишь самую суть. Жизнь же составляют детали. — С каждым словом Княжев становился все более сосредоточенным. — Поэтому давай спокойно поговорим завтра. Я приеду к тебе, скажем, около двенадцати. Пойдет? А сейчас действительно придется спешить, не то господин Бобр решит, что генеральный директор «Центринвеста» имеет привычку опаздывать на собственные совещания.

Егор подхватил Таню под ягодицы и отошел от дивана, придерживая ее на весу. Она обвила его шею руками и крепко прижалась. Неужели это последние счастливые минуты? Все изменится после разговора. Не может не измениться. Княжев зашагал по коридору в сторону ванной, обдавая дыханием шею Тани и глядя вперед через ее плечо.

— Как я ненавижу конец года! Каждый раз одно и то же. Все летит кувырком, дела, дела, дела... Вот сегодня, начиная с девяти часов, весь день расписан чуть ли не по минутам. И половина офиса вызвана на работу. В субботу! Ты, кажется, тоже. Так что сейчас даже не успеваем выпить чаю, извини.

— Может, мне лучше поехать самой, чтобы тебя не задерживать?

— Я не это имел в виду. — Егор внес ее в ванную комнату и только тогда опустил на пол. — Умывайся первая. Можешь принять душ, но, к сожалению, у меня нет женской одежды, а мои рубашки и все остальное тебе будет явно велики.

К сожалению?.. Таня постаралась спрятать довольную улыбку: это же, наоборот, хороший знак, что у него нет женских вещей. А помоемся она и дома. Сейчас только сполоснет лицо и потрет зубы пальцем, с пастой. Может, стоит бросить в сумку запасную зубную щетку? На всякий случай. Только будет ли он потом, после разговора?..

Подавив рвущийся вздох, Таня направилась в гостиную и подхватила одеяло. Бесцеремонно доволокла его в спальню и внезапно вспомнила о непослушных волосах. Вытащила расческу из сумки и так и замерла с поднятой рукой у зеркала в коридоре. Жуть! И Егор видел ее такой! Теперь старайся не старайся, а привести в порядок это воронье

гнездо без мытья вряд ли получится. Таня все же прошла расческой по волосам и выругалась себе под нос. Бесполезно. Оставалось последнее средство: кое-как пригладить кудряшки впереди и стянуть их резинкой сзади. М-да, все равно будто репей из головы повываскивали.

В зеркале отразился Егор. Он появился будто чертик из табакерки: то было пусто, а вот он уже здесь.

— Быстро же ты собрался! — Таня восхищенно окинула взглядом мужскую фигуру.

Строгий темный костюм, белая рубашка, галстук в крупные черные и красные полосы. Ни намек на щетину. Легчайший запах одеколона. Видно, предстоящее совещание и правда очень серьезное и значимое.

— А Макс бы пробурчал, что я медленнее черепахи. Вот у них в армии... — усмехнулся Егор и подержал куртку, помогая Тане попасть в рукава.

— Он служил? — От вида грязи на сапогах она недовольно поморщилась.

— Ага, был военным экономистом.

— Как же он попал к тебе?

— Так же, как и учитель математики стал маркетологом. Жизнь... Кто знает, что еще бывает в этой жизни?

Княжев вытащил из ящика бархотку и неожиданно прошелся ею по Таниной обуви, возвращая блеск и глянец. Потом так же быстро вытер свои туфли и скрылся в кухне помыть руки. Таня гулко сглотнула. Черт, как неловко и... безумно приятно! Егор вернулся в коридор и надел туфли. С полочки у вешалки взял часы и застегнул ремешок.

— Ух ты, совсем опаздываем!

Они спустились в гараж, который действительно располагался под домом. Егор включил подогрев воздуха и вырулил на улицу. Там машина сразу же рванула с места и помчалась по дороге. Она в самом деле понимала хозяина с полуповорота руля, ловко маневрировала среди утренних «пробок» и охотно разгонялась на прямых участках. В рычании ее мотора Таня слышала насмешку над собой, над своим страхом, но все равно вжималась в кресло на каждом перестроении и цеплялась пальцами за ручку на двери.

Проезд во двор Тани загораживал грузовик, который медленно сдавал назад. Егор не стал ждать и притормозил чуть дальше у дороги. Отстегнув ремень безопасности, он перегнулся к Тане и нежно поцеловал ее в губы. Едва она откликнулась на ласку, скользнул языком внутрь и пробежал им по границе зубов и десны, а потом медленно отстранился.

— Прости, надо лететь, иначе Бобр точно взбесится. А ты спокойно собирайся и не думай про опоздание. Ну, до завтра.

Внезапно Княжев чуть опустил намотанный шарф Тани и лизнул ее в оголившуюся шею, а потом еще и еще. Зачем, ну зачем он так? Разве не понимает, что после таких прикосновений невозможно отпустить его? Нет, наверное, не понимает, иначе бы перестал мучить ее.

— Ты же должен ехать...

— Должен... — и Егор снова потянулся к губам.

Таня с усилием повела в сторону головой и распахнула дверь. Внутрь машины залетел уличный шум. Шуршание шин по плохо почищенному асфальту, перекикивания галок на деревьях, аханья рано проснувшихся малышей на ледяной горке...

Едва Таня вышла из машины, та резко тронулась, будто получила свободу, и мгновенно скрылась из виду. А вытащенный из кармана телефон показал время: девять пятнадцать.

Княжев все-таки опоздал на совещание.

Гулко звякнули о тумбочку ключи. Она уже дома. А как дошла — не помнит. Вроде бы надо спешить и собираться на работу, но ноги словно в густом киселе: двигаются медленно и с усилием. Тихо, как же здесь тихо. Даже будильник молчит, обиженно раскрутив пружину до конца и не дождавшись нового завода. Снимая сапоги, Таня задела воздушный шар, подарок Светы. Тот упруго подлетел, ударился сперва о вешалку, потом о тумбочку и отскочил к стене.

Она проследила глазами его полет и кивнула. Да, вот что удивило в собственной квартире — ее наполненность, даже загроможденность вещами. Впервые это стало понятно после пустующих комнат Егора. А жизнь в доме существует, подпитываясь энергией предметов и воспоминаниями хозяев. Теперь Таня осознала это совершенно точно.

Вот эта вешалка. Когда ее прибывали, мама основательно приложила себе молотком по пальцу, и ноготь долго оставался почерневшим. После этого злополучная доска с крючками пылилась несколько недель в углу, пока мама не набралась смелости вновь взять в руки инструменты.

Мебельная горка в зале служила дежурным складом, в который засовывалось все нужное и ненужное. Последнего оказывалось всегда больше, причем в таких количествах, что по всем законам оно не могло вписаться в ограниченное пространство. Может, там существовала волшебная стенка, за которую проваливались старые вещи, освобождая пустое место? Или за тайной дверцей жил неприметный пожиратель, а по ночам он изучал содержимое шкафов и съедал пыльный хлам? Загадка эта осталась без ответа и по сей день.

Люстра... О, несколько раз в году ее заботливо мыли. В воду мама неизменно добавляла пару капель нашатыря в надежде вернуть хрусталикам утраченный блеск. Задание же Тани состояло в том, чтобы повесить хрупкие висюльки обратно. Она это послушно делала и никогда даже не намекнула, что жутко боится упасть с поставленных друг на друга стульев.

Может, и хорошо, что вещи не умеют говорить, иначе они бы бесконечно шептали свои истории. И продавленный с одной стороны диван, и это кресло под плюшевым покрывалом с кисточками, и потрескивающая настольная лампа с перекрученным проводом, и ковер с треугольным отпечатком утюга сбоку...

У Егора же был не дом, а безликие стены, место под крышей, где ожидают наступление очередного утра. Вероятно, случись там пожар — и он не бросится ничего спасать. Ведь все выбрал чужой человек и методично расставил по нужным местам. Может, поэтому и тянет Княжева на работу. В мир, где воплотились его замыслы и желания: от зеркальных панелей на фасаде, корчащих рожи, до стремительных лифтов, по сути не нужных для четырех этажей.

Работа... Работа! Черт, она же и так опаздывала! Так нет же, еще и задумалась сейчас в коридоре и забыла о времени.

Таня проскользнула в ванную и встала под душ. Теплая вода, потом холодная. Пока греется под пущенной вновь теплой водой, можно почистить зубы. Та-ак, естественно, волосам нужно покапризничать, куда без этого. И Таня сушила их, расчесывала, снова сушила, смачивала водой разлетающиеся пряди, а закончила тем, что и всегда: собрала кудряшки в пучок и закрепила. Определенно пора обратиться за советом к хорошему

парикмахеру. Ну, или спрятать ножницы подальше, чтобы в раздражении ненароком не укоротить свою шевелюру.

Серый свитерок под горло и брючный костюм темно-синего цвета. Траурно. Поэтому пиджак пусть поскучает дома. На шею — длинную цепочку с внушительным круглым кулоном-«тарелочкой». Не слишком изящно, но время катастрофически поджимает. И нет выхода: придется брать такси. О-хо-хо...

Парковка перед бизнес-центром была заполнена под завязку. Видно, действительно аврал был не только у маркетологов. Таня обошла машину Егора, забравшуюся одним колесом на тротуар, и впервые заметила на решетке радиатора знак, похожий на трезубец морского царя. Хищница на службе Посейдона. Нет, милый акуленок, которого тянет погладить по блестящему боку.

Ну почему, когда надо незаметно пробраться, холл обязательно будет полупустой? Столько автомобилей у входа, а внутри никого. Где постоянно отирающиеся у кофейного аппарата менеджеры? Или охранники, флиртующие с Любочкой и заслоняющие спинами вход? Разматывая шарф на ходу, Таня ворвалась в здание и помчалась к лестнице. Только бы не встретить Павловну, иначе головомойки не избежать!

Коростылеву она и не увидела, зато на полном ходу врезалась в Максима Головина, непонятно почему променявшего лифт на ступеньки. Заместитель генерального директора дрогнул от неожиданного напора, но устоял и умудрился даже схватить Таню под локоть, что было кстати: инстинктивно она уже отшатнулась и наверняка бы полетела вниз.

— Здравствуйте, Максим Александрович. Простите, я так спешу...

— Надеюсь, на встречу со мной? Здравствуйте. Помните, вы должны были зайти ко мне с самого утра? А кое-кто уже обедает...

Черт, как же она могла забыть об этом! Если бы у нее была свободна рука, непременно бы хлопнула себя по лбу. А так лишь виновато зажмурилась и стала ногой нащупывать ступеньки, чтобы спуститься. Длинный Танин шарф повис разноцветной лентой, и Головин чуть не наступил на его край.

— Хотя можете уже не спешить. — Максим неожиданно вытащил из кармана сигарету и привалился спиной к стене. — По «Элите» пока нет ничего нового. К сожалению... И все становится совсем непросто.

Головин сжал сигарету так, что из-под пальцев посыпались крупинки табака. Таня удивленно перевела взгляд на лицо Максима и увидела ту же усталость вокруг глаз, что и у Егора. Только привычная мрачность лица Головина приглушала тени и новые морщинки между бровей, а уголки его рта и так нечасто поднимались. Максим заметил, что его рассматривают, но против обыкновения не ошетинился еще больше, а тускло усмехнулся.

— А почему вы опоздали, Татьяна? Да еще и на пару часов? — Он бросил испорченную сигарету прямо на пол и перестал использовать стену в качестве опоры.

— Мне разрешили задержаться... Егор Викторович в курсе, — Таня стушевалась под пристальным взглядом.

Почему ей так неудобно, прямо до сухости во рту? Головин же неторопливо собрал свободный край шарфа на манер гармошки и подошел к Тане совсем близко.

— Знаете, для любителей посплетничать служебные романы, особенно с руководством, — лакомый кусочек. Завистники разбирают по косточкам каждое сказанное слово, обсасывают любые мелочи, и все только ради собственного развлечения.

— Зачем вы мне это говорите?

— Потому, Таня, что вы не умеете держать удар, а так хотя бы будете готовы.

Шарф переместился на плечо хозяйки и заструился красивым каскадом. Черт, почему мужчины, чтобы избежать дальнейших расспросов, просто поворачиваются спиной к собеседнику и уходят? Хотя что она хочет еще услышать, если все и так сказано максимально прозрачно? Максим предупредил... Вот только какой его интерес во всем этом? Простая ли дружеская забота? Так они даже не приятели! Какая ему разница, будет Таня переживать или нет? Да и не спросит она никогда Головина о таком. Черт, черт, черт!

Распахнув дверь в родной кабинет, Таня сбросила куртку на вешалку и протиснулась к своему столу. Плывущие мыльные пузыри по дремлющему экрану пропали, едва она коснулась «мышки». Спасибо Свете: не придется тратить время на включение и загрузку компьютера. Интересно, а с кем это Синицкая болтает по телефону настолько увлеченно, что проигнорировала ее приветствие? И Ромыч в своем репертуаре: весь погружен в чтение, глаза скоро прилипнут к экрану. Почему он не носит очки? Надо будет ему сказать, что образ «человека неотсюда» трудно испортить оправой со стеклами на носу.

Та-ак, папки на столе лежат в том же порядке, что и до вынужденного мини-отпуска. А это значит, что рабочий день можно не начинать с уборки и копания в залежах бумаги.

Света наконец положила трубку и метнулась к подруге.

— Привет, опаздывающая. Что-то не припомню, чтобы ты раньше задерживалась. Ничего не случилось?

Ответить Таня не успела, потому что заворчал мобильный телефон. На экране высветилось сообщение от Егора: «Надеюсь, ты любишь шашлыки. Завтра мы их готовим с друзьями. Ты участвуешь. Целую».

— Случился Егор Княжев, и это переворачивает все в моей и так беспорядочной жизни, — прошипела Таня и покосилась на Романа, не отрывающего лица от компьютера.

Синицкая усмехнулась, взяла со стола наушники и водрузила на голову Романа.

— Не бойся, он потерян для мира, когда изучает новинки компьютерных игр. А теперь и подавно будет в молчаливой нирване. Так что у вас происходит?

Вроде бы простой вопрос. На него полагается такой же простой ответ. Почему же мысли Тани плывут, подобно разноцветным пузырям по засыпающему экрану?

— Я не знаю... Да, мне безумно нравится этот человек. Он умный, добрый, обаятельный, без капли высокомерия. От одного его взгляда у меня дрожат пальцы...

— Э-э, да ты влюбилась!

— Влюбилась?.. Ты не понимаешь: между нами столько всего стоит. И это не только деньги, но и его положение, семья, мать, бывшая подруга, мои проблемы... Как при этом можно что-то планировать, даже просто мечтать о будущем?

— Ну, в одном-то можешь быть точно уверена: работу ты не потеряешь.

Света поменяла две папки местами, чтобы занять бездельничающие руки. Таня бесцеремонно вернула все, как было, и вспомнила встречу на лестнице.

— И как долго? Пока мы встречаемся? Мне вот тут один добрый человек уже подсказал, чем чревато разведение амуров с руководителями...

— Наверняка этот милашка забыл причислить и себя к дирекции. Или Максимка все же был таким любезным? Таня, очнись! — Синицкая подалась вперед, будто собиралась потрясти подругу за плечи и усилить смысл сказанного. — За все, что у вас происходит с Егором, отвечаете вы. Но и решаете только вы. И неважно, что он твой начальник. Поверь, Княжев это прекрасно помнит. Вы сами, без советов со стороны, должны выстраивать свои

отношения. Тем более, что строительство — прямая специализация Егора.

Потянувшись за чистым листом и ручкой, Света начертила какие-то квадратики в разных углах и начала соединять их бесконечными стрелочками. Посередине этого абстрактного узора, как раз на пустом месте, появился неровный овал. Через пару секунд он неожиданно превратился в мордочку лягушонка с косящими глазами. Роль мух приняли на себя рассыпанные вокруг точки и почему-то знаки вопроса. Художник закончил творить и трезво оценил свой потенциал: шедевр скомканным комочком отправился в мусорную корзину.

Пока Синицкая рисовала, мысли Тани, роившиеся подобно тем же насекомым, успокоились и осели на невидимые полочки. Она снова могла трезво рассуждать.

— Свет, а ведь ты мне тоже советуешь... Только я не расцениваю это как посягательство на мою жизнь.

— Мне продолжать? — царственно уточнила Синицкая и сдержанно приняла кивок подруги. — Тогда я еще раз повторю, для особо непонятливых: беспокоиться заранее вредно. Да и вообще, тяжелые мысли оставляют после себя морщины. Оно нам надо?

На глаза Тани попал мобильный телефон, и она тоненько застонала, как от зубной боли.

— Ты чего?

— Вот я сейчас точно и состарюсь. Читай...

Света пробежала глазами сообщение и недоуменно похлопала ресницами.

— Не поняла, из-за чего страдания. Ты же вроде не вегетарианка, а шашлыки вообще-то вкусная вещь.

— Мясо я ем, но не люблю, когда взглядами едят и меня впридачу, — объяснила Таня. — А так и будет: заснеженный лес, накрытая поляна, друзья, оценивающие новую подружку Княжева... Хорошо, если удержатся от комментариев.

— Тогда добавь еще и увивающуюся вокруг Егора Элю, — в тон добавила Света. — Она же точно припрется, не упустит случай, чтобы на тебя посмотреть, себя показать, дать возможность вас сравнить...

— Капец, — окончательно сникла Таня и опустила лоб на стол.

Пальцы Синицкой забарабанили возле ее уха с силой отбойного молотка.

— Не согласна. Радоваться надо, что он хочет познакомить тебя с друзьями. Значит, намерения серьезные.

— Ты перепутала. Если с мамой знакомят, это что-то значит, — не поднимая головы, возразила Таня.

— Все равно это хороший знак, что он тебя приглашает. Отсюда следует, что ему важно, чтобы ты была рядом. Вот и расслабься, постарайся смотреть на все как бы со стороны. Как на фильм.

— Ага, ужасов...

Неожиданно сбоку раздалось негромкое покашливание, и голос Романа глубокомысленно изрек:

— Я, конечно, могу тоже какой-нибудь фильм посмотреть, если вы все еще не наговорились. Но потом же сами будете упрекать, что работы выше крыши. А в воскресенье я точно не приду сюда, даже не спрашивайте.

Полузадушенный писк Тани поглотил стол, но любопытство потребовало зрелищ и заставило ее поднять голову. Ожидания не оправдались: буря не последовала. Света с невозмутимым лицом приблизилась к Роману и щелкнула его по носу.

— Порядочные люди предупреждают, прежде чем врываться в разговор леди. А если бы мы обсуждали что-нибудь интимное? Эротическое белье, например?

— А вы будто это не делаете. — Роман выехал из-за своего стола и, неожиданно схватив Синицкую под мышки, легко перенес ее к магнитной доске. — Давайте лучше поговорим о поисках новых клиентов в регионах.

Отпущенная на свободу Света крутанулась на каблуках, но в движении, кроме хорошей скорости, ничего не прочиталось. Роман немедленно всунул ей в руки пачку разрозненных листов с жуткими каракулями. Она показательно начала прикреплять их к доске, а Роман повернулся к Тане.

Та снова крепко зажмурилась: мысленно проложенная траектория шагов Романа заканчивалась у ее стола. Расчеты не обманули. Роман аккуратно постучал по Таниному плечу и дурашливо пропел:

— Тук-тук-тук, кто в домике живет и работать не идет? Выходи.

Секундой позже он перешел на грохочущий шепот:

— Да не бойся, Егор — нормальный мужик...

Хорошо, когда дела увлекают настолько, что забываешь обо всем. Потом бросаешь случайный взгляд в окно, а там уже выползли сумерки. Автомобили приветственно скребут «дворниками» по стеклу и многозначительно моргают поворотниками перед тем, как покинуть парковку. Пробегаю по едва присыпанному снегом льду, прохожие некрасиво расставляют ноги, но не хотят дожидаться прихода следующего троллейбуса и не сбавляют скорость. Вон на тротуаре замер человек в старомодной теплой шапке с торчащими в разные стороны ушами, задрал голову вверх и неодобрительно ловит на рукав кружащиеся снежинки. Он задумчиво потряхивает метлой с длинной ручкой: завтра придется снова поменять ее на лопату. Размеренно, одна за другой, зажигаются гирлянды праздничной иллюминации, словно дают возможность полюбоваться и оценить красоту каждого огонька. Через месяц наступит Новый год.

Становилось все труднее различать что-то за окном, будто замерзающая земля натягивала на себя темное покрывало. В стекле отразилась Синицкая, она собрала все бумаги на столе в одну кучу и выровняла края получившегося монумента. Ну, хотя бы такой порядок. Вон Роман укладывает ноутбук в сумку, наверное, планирует доделать что-то дома на выходных. Спасибо ему: больше не было ни малейшего намека, что он услышал что-то не для своих ушей. Все-таки Света зря тянет с объяснением: поговорили бы с Романом по душам, глядишь, и были бы уже вместе... Что? Он великодушно предлагает развезти всех по домам? «О, Ромка, ты просто бесподобен!» Подождите, она только набросит куртку.

Дома Таня первым делом отправилась на кухню: весь этот суматошный день она ела лишь крекеры, чудом оказавшиеся в ящике стола и оставившие в конце солоноватое послевкусие. Теперь же можно побаловать себя фруктовым чаем и припасенным творогом с яблоками. Напиток согрел все внутри, но не избавил от жажды, поэтому она торопливо наполнила чашку еще раз. Мамина любимая... С пушистым котенком и малюсенькой щербинкой по краю.

Впервые за долгие месяцы Таня поняла, что готова смотреть на дорогое лицо и не плакать. Она прихватила из комнаты объемный альбом с фотографиями и уселась за кухонный стол. Большинство снимков были изучены вдоль и поперек во время многочисленных болезней в детстве, когда запрещалось читать или смотреть телевизор. Но сегодня Таня, как в первый раз, засматривалась на запечатленных людей, изучала предметы вокруг и интересовалась надписями на задней стороне фотографий. Раньше там имели обыкновение подписывать, кому и кто посылает в подарок это фото, или просто указывали имена, иногда с датами.

Вот засняты мамыны родители: он сидит на стуле, она пристроилась чуть сзади и положила на спинку одну руку. Типичная композиция, искусственно составленная фотографом. Лишь в одном тот угадал: бабушка Вера всегда держала голову и спину излишне прямыми и напряженными, будто расценивала жизнь как одну нескончаемую битву. Дед Михаил на ее фоне выглядел как-то щупловато и неприметно даже в центре фотографии, как здесь. Таня совсем его не помнила, но почему-то всегда представляла степенно хмыкающим в густые усы и вытаскивающим из мешка плюшевого зайца. Да, если бы она умела рисовать, в чертах Деда Мороза ожил бы ее дед Михаил.

Вот на руках бабушки появилась маленькая девочка в смешном чепчике и свободном платьице-распашонке, из-под которого торчат почему-то голые ноги. Дедушке досталась лишь одна круглая пяточка.

Опять бабушка, постаревшая, но такая же нестигаемая, в накинутом на плечи пуховом платке. Когда Таня простужалась, ей часто повязывали им грудь и спину, крест-накрест. А она потихоньку засовывала в получившуюся перевязь ложки и представляла, что это гранаты, а она разведчик...

Мама-школьница, с огромными бантами и нарядным белым фартуком, в руках неизменные астры и увесистый портфель с собакой. По рассказам мамы, с ним они не разлучались до конца школы. Потом он переместился на антресоли и стал хранителем нехитрых инструментов для домашнего ремонта. Наверное, и сейчас там лежит...

Мама на море. Она поехала туда после первого курса института и из поездки привезла вот это невзрачное фото с пальмой да воспоминание о поразивших ее голубоватых волнах и скользких водорослях на мелководье. Танин день рождения приходился на середину весны, как раз ровно девять месяцев после поездки, и она подозревала, что с отцом мама познакомилась именно на море. Так ли это, Таня не знала наверняка: за все годы мама ни разу не ответила прямо на этот вопрос.

А вот неожиданно цветная фотография, в те годы их делали нечасто. Большая дворовая компания. Вместо того, чтобы смотреть в объектив, все наблюдают за двумя парнями в позе борцов-сумоистов. Один из них обрит наголо. Это проводы в армию маминого двоюродного брата, Жени. Как раз накануне поездки на море. Спустя полтора месяца он нелепо погибнет: несчастный случай обращения с оружием. Мама не любила об этом говорить, а бабушка Вера и вовсе сразу начинала ругаться. Странно и то, что они не поддерживали никаких отношений с семьей погибшего. Таня даже не знает их адреса, да и вообще живы ли они.

Задрожал телефон, сообщая о пришедшем сообщении. «Я скучаю...» Таня улыбнулась и набрала ответ: «Ты имеешь в виду неинтересное совещание?». Правда, из-за западающей буквы «и» фраза приобрела странноватый вид: «Ты меешь в вду нентересное совещане?», но наверняка Егор сообразит. Как же она соскучилась!

А в груди заворочался тугой горячий комок, стоило только вспомнить, что предстоит сделать. Разговор про детей, немыслимый, но необходимый. Его нельзя больше откладывать, поэтому завтра она точно все расскажет. Целая ночь, чтобы найти нужные слова и свыкнуться с возможными последствиями. Двенадцать часов, прежде чем она потеряет Егора. Семьсот двадцать минут, оставленных для счастья.

По руке пробежала дрожь от подергивающегося телефона. Экран замерцал, словно раздумывал, показывать ли сообщение, и смиловился. «Издеваешься? Совещание — жесь. Соскучился по тебе. Позвонить не могу. Завтра буду к часу. Целую».

В соседнем дворе раздался салют, будто кто-то не мог потерпеть до праздника и решил заранее проверить готовность пиротехники. В небо взмывали зеленые и красные кометы, распускались переливающимися цветами и медленно осыпались на крышу дома тускнеющими блестками. Стекло холодило Танин лоб, а в отражении комнаты метались и скалили зубы призраки прошлого.

Этой ночью Таня почти не спала. Она забывалась на какое-то время и потом резко вздрагивала, словно от толчка в бок. Подушка намокла от пота, и Таня спихнула ее на пол. Перед глазами опять кружились детские лица, расплываясь до немыслимых размеров облаков. «Когда им не хватит места, они лопнут и зальют меня своим содержимым...» Потому приходилось скукоживаться, сбиваться в испуганный комочек. И все равно облака неудержимо росли, ширились, но хотели еще больше пространства. Прижатая к самому краю земли Таня хрипела от пропадающего воздуха и... просыпалась. Расправляла сбитые в тугой узел простыни, шла на кухню за водой, но забывала выпить ее и застывала у окна со стаканом в руке. Потом снова возвращалась в комнату и с затаенным ужасом ложилась в уже прохладную постель, чтобы опять выскочить из нее через пару часов.

Промучавшись до утра, Таня переползла на кресло. Колени уперлись почти в подбородок, из обивки вылезла какая-то железка и больно ткнула в бедро. Но, может, хоть здесь кошмар не сразу найдет ее. Она провалилась в забытие с такой силой, что очнулась лишь к полудню, да и то от того, что затекли ноги, по-прежнему крепко прижатые к груди.

Наклон влево, наклон вправо, прогиб назад... Ай! Хруст в спине не входит в обязательный комплекс упражнений, поэтому утреннюю гимнастику можно считать выполненной. Теперь бы доковылять в душ и смыть неприятную липкость ночных видений.

А пока мочалка разгоняет застоявшуюся кровь, Таня мысленно переборела свой нехитрый гардероб в поисках подходящей одежды для шашлыков. Смешно сказать: она принаряжается в лес! Вот только никуда не деться от стойкого подозрения, что по накалу страстей знакомство с друзьями Егора может поспорить с любым реалити-шоу, а она не умеет уклоняться от прицельно брошенных камней. Эх, знать бы, к чему готовиться...

Закручивая волосы в полотенце, Таня услышала непонятное постукивание и замерла с поднятыми вверх руками. Вот опять. Как будто кто-то ритмично барабанил подушечками пальцев по чему-то твердому и пытался создать короткую емкую мелодию. В шкафчике стояла увесистая бутылка средства для чистки умывальника, и Таня поудобнее пристроила ее в руке. Этим никого не убьешь, но можно прилично оглушить или просто ошарашить. Теперь осторожно открываем дверь ванной и...

Под порогом заворчал мобильный телефон, и от неожиданности и своей забывчивости Таня уронила чистящее средство. Средство связи обиженно крикнуло в ответ и широко улыбнулось появившейся трещинкой, которая сразу устремила к своим предшественницам. Все-таки замечательно, что колпачок на бутылке не сорвался: вряд ли бы телефонные микросхемы пережили кислотный дождь.

Спустя секунду вибрация повторилась, чем доказала живучесть и неубиваемость старых моделей, а к Тане вернулась способность говорить.

— Доброе утро, красавица! — из чуть потрескивающего динамика раздался голос Княжева. — Звоню сказать, что выезжаю. Ты же получила вчера сообщение, что сегодня нас ждут лес и шашлык на углях?

— Привет. Не хочется тебя разочаровывать, но я еще не готова.

Одной рукой Таня пыталась попасть в халат и одновременно не упустить телефон: следующая травма наверняка окажется и последней в его многострадальной жизни.

— Не волнуйся: чтобы меня разочаровать, нужно ну о-очень постараться. — Егор был бодр, весел и явно улыбался. — Просто начинай собираться, чтобы у меня не было соблазна оставить тебя без одежды и никуда не поехать.

— А это сработает?

С неприкрытой надеждой в голосе Таня позволила второй половине халата свисать сзади на манер гусарского ментика. Егор засмеялся.

— Ох, зря я позволил себе поспать сегодня, наверстывая все эти сумасшедшие дни. Надо было приехать к тебе ранней зорькой. Глядишь, к обеду мы бы и успели со всем. Хотя знаешь что, Тань, — в трубке громко хлопнула дверь, — у нас и так вагон времени. У тебя же лыжный костюм есть?

— Нет. — Она нашарила рукав, но теперь застряла в нем локтем.

— Та-ак, мое упущение. Ладно, тогда можешь не одеваться. В джинсах все равно замерзнешь.

На слова из последней фразы наложилось небольшое эхо, словно к разговору присоединился кто-то еще. Необычный акустический эффект мог возникнуть из-за удара по телефону. Значит, точно предстоят внеплановые траты... Может, дешевле поискать что-нибудь не новое? В мысли Тани ворвался звук отключаемой автомобильной сигнализации. Вот глупая: Княжев всего лишь спустился в подземную парковку.

— Тогда сначала поедem за покупками. Все, я уже в машине. До встречи.

— Егор, какие покупки?!

Танин возглас телефон проигнорировал и хмыкнул в ответ равнодушными гудками, а после устало замигал гаснущим экраном. Видно, терпение не безгранично даже у техники.

Бесцельно рванув запутавшийся рукав, Таня чуть не взвыла: по обнаженному плечу ободряюще похлопало размотавшееся мокрое полотенце. В открывшуюся лазейку осторожно выглянули влажные волосы и тут же заструились по плечам тусклыми волнами. Не упустят момент, предатели! «Да-да, сейчас я вас высушу».

Забывтое чистящее средство примостилось прямо на пороге ванной, и Таня переступила через него. Она положила ненужное полотенце на край умывальника и кое-как умудрилась натянуть халат.

Пальцы привычно разобрали пряди на более мелкие и запутались у концов волос. На фене стоял режим еле теплого воздуха, приятный по ощущениям и не позволявший кудряшкам сразу пушиться. Так, теперь опустить голову вниз, спрятаться в волосах, как в камышовом домике, и ни о чем не думать. Блаженная нега, напроць выключающая сознание... Ветерок, мягко касающийся щеки... Взмывающие вверх локоны... Можно на кончики нанести немного геля, хотя кто это увидит под шапкой? Шапкой!..

Таня распрямилась и замерла как вкопанная, фен пару секунд дул на зеркало в ванной. Как же она могла забыть, что, кроме маминого творения с помпоном, у нее все еще нет ничего приличного? А оставаться больше получаса на морозе без шапки или капюшона невозможно. Если она ничего не найдет в недрах бездонного шкафа... А она и не найдет: совсем же недавно собственноручно перетрясла все вещи и выбросила ненужное. Черт, черт, черт!

В пикивании включившегося домофона почудились ноты незабываемых аккордов Шопена. Таня бросилась нажать кнопку, чтобы прекратить жуткий марш, споткнулась о чистящее средство и в сердцах подфутболила его. Бутылка обиженно булькнула и закатилась в дальний угол коридора.

Распахнутая дверь приглашающе скрипнула при виде Егора, весело перемахнувшего за раз последние ступеньки. От прыжка с его куртки поднялась мелкая пыль снежинок, и в носу у Тани зачесалось. Но вместо того, чтобы чихнуть, она ринулась к Княжеву со всем отчаянием женщины, которой нечего надеть. Снежная крупа взмыла повыше и обиженно осела на халат.

Егор подтолкнул Таню к квартире и, едва захлопнув дверь, жадно поцеловал. В ответ он получил не менее откровенный поцелуй, в который вылилось Танино огорчение из-за шапки. Егор мгновенно развернул Таню к себе спиной. Продолжая целовать ее шею, ухо, часть щеки, до которой мог достать, он стянул халат, позволил ему упасть на пол, немного болезненно сжал Танину грудь и потом сдвинул вбок низ ее трусиков.

Никто не думал о ласках, нежностях, трепетной прелюдии. Сейчас тела хотели лишь одного. Взвизгнул замок куртки. Бедрa Тани нетерпеливо подрагивали. Правую руку она нелепо выкручивала, пытаясь достать до пояса лыжных брюк Княжева. Он сделал все сам и резко вошел в нее, на секунду замер и на ответное движение навстречу откликнулся грубоватым рывком. Сначала руки Егора держали Таню за плечи, охватывая основание шеи подобием кольца, но потом благоразумно передвинулись куда-то на талию. И почти сразу темп увеличился настолько, что она ухватилась руками за стену, чтобы удержать равновесие и не упасть. Казалось, с таким неистовством Егор не просто занимается любовью, но и избавляется от напряжения последних дней, сбрасывает гнетущие его проблемы, а Таня... Она безумно боялась, что этот раз их последний, и отдалась страсти без остатка.

Рука Егора скользнула с Таниной талии вниз, к тонкой дорожке из курчавых волосков. Таня поняла, что он близок к завершению, и наклонилась чуть вперед, чтобы он мог проникнуть еще глубже. Хриплый стон Княжева подтвердил догадку, и через пару мгновений тот ткнулся лбом ей в спину, тяжело дыша сквозь зубы.

— Ну вот и не хотел поддаваться соблазну...

Таня вывернулась и взяла лицо Егора в свои ладони, потом нежно поцеловала его губы, щеки, даже нос. За это короткое мгновение Княжев успел привести себя в порядок и крепко обнял Таню.

— Мне снова надо в ванную. — Ткань трусиков насквозь промокла, и по ноге Тани начало стекать что-то теплое: о контрацепции не подумал никто.

Да и зачем она в ее ситуации? Правда, Княжев об этом не мог знать и, видно, просто в спешке забыл о презервативе. Озабочен ли он вообще безопасностью? Тогда, в их первый раз, они явно были невменяемы, и четко описать вторую половину вечера она вряд ли сможет, но доподлинно знает, что не находила ничего похожего на полу или в постели. Как бы поговорить с Егором на эту тему... Но это потом, а сейчас срочно в душ.

Она шмыгнула в ванную и вытерла намоченной ладонью липковатые ноги. Нет, лучше основательно помыться. В дверь легонько постучали, и в приоткрывшуюся щель тактично протиснулась рука с халатом. Судя по раздавшимся из коридора звукам, сам Егор решил разуться и неосмотрительно сел на полуразваливающийся пуфик. В пользу этой версии свидетельствовали сочный хруст ломающейся ножки и задушенное ругательство упавшего Егора.

Когда Таня через пару минут заглянула в комнату, Княжев заинтересованно рассматривал корешки книг в шкафу.

— В следующий раз к тебе в гости я приду не с цветами, а с новой табуреткой. И предупреди заранее, что еще способно скоростижно прервать мою жизнь.

— Боюсь, тогда в этой квартире тебе находиться опасно: эти места здесь повсюду.

— Как только разгребу дела, займусь вопросом старости твоей квартиры. — Егор наклонился к пухлому пакету у своих ног, не замеченному Таней раньше. — А пока давай одеваться, иначе пропустим все самое интересное.

Из пакета показалась серебристая куртка с черными продольными полосками. В горле Тани образовался комок, который увеличивался в размерах с каждой вытаскиваемой вещью. Высокие брюки на лямках. Темные перчатки с ремешками, чтобы снег не попадал внутрь. Вязаная синяя шапочка с незамысловатым узором из широких кос. Короткий лаконичный шарф в тон.

Спаситель стоял рядом и широко улыбался.

— Решил избежать ненужных споров и купил все сам. Вот только сапог нет: побоялся ошибиться с размером. Откроешь тайну, Золушка?

— Тридцать шестой, но зачем...

— Исключительно из эгоистических соображений, — бойкие слова Княжева застучали горошинами, — иначе ты заболеешь, и мой отдел маркетинга ослабеет на одну единицу, что при текущей ситуации просто недопустимо.

Пальцы Тани юркнули в карманы халата из боязни не совладать с искушением погладить серую ткань куртки. Сначала погладить, а потом впитать кожей тела ее струящееся тепло. Доска укоризненно скрипнула под ногой Егора, когда он наклонился к креслу с выложенными вещами и пальцами зацепил... Нет, как он мог угадать и из всего выбрать именно «это»? Комок скользнул в живот Тани и трансформировался в воздушный шарик, чуть не оторвавший ее от земли. Удержала надетая на светлые кудряшки шапочка и пальцы Егора, что прочертили дорожку от щеки к дрогнувшим губам.

— Не отказывайся, пожалуйста. Я и так тебя не балую подарками.

В голове всплыла известная фраза «Лучший мой подарок — это ты», но Таня выбрала другую, нейтральную:

— Спасибо. Спасибо тебе за все.

На носочках она потянулась губами к лицу Егора и поцеловала первое, что попало на пути: подбородок и край нижней губы. Потом собрала части лыжного костюма, через полураскрытую дверь шкафа нащупала свитер, вытащила его и умчалась в коридор.

Через пару минут Таня вернулась и остановилась в дверном проеме. Переступая с ноги на ногу, она застенчиво поправляла края куртки и успокаивающе поглаживала ее низ. Надетые сапоги увеличили ногу ровно настолько, чтобы брюки не волочились по земле, а их внутренняя резинка не даст снегу попасть в обувь. Шагнув вперед, Княжев решительно отщелкнул кнопки капюшона и перекинул Танины волосы на спину.

Когда в захлопнутой двери повернулся ключ, Таня заправила торчащий шарфик и подошла к Егору. Он беззаботно прислонился спиной к обшарпанным лестничным перилам.

— Ну что, красавица, по коням!

Эффект от ободряющей фразы оказался прямо противоположным. Ноги отсчитывали ведущие вниз ступеньки: одиннадцать, десять, девять... — но двигались с таким усилием, будто одолевали крутой подъем. Наверное, будь на сапогах шнурки — те бы обязательно перепутались друг с другом. В машине Таня долго ерзала на сидении и бесконечно пристраивала перчатки в карманы. Те не помещались целиком и, когда хозяйка складывала руки на коленях, шумно вываливались.

Выезжая из двора, Егор пропустил заворачивающий к остановке троллейбус и прибавил скорость. Он не отводил взгляд от дороги, но после очередного донесшегося сбоку вздоха протянул к Тане открытую ладонь, в которую та облегченно вложила неутомленные перчатки. Княжев положил их у рычага переключения скоростей и вернул свою руку Тане.

На его ладони четко проступала закругленная линия. Она начиналась возле указательного пальца и исчезала под мизинцем. Чуть ниже шла еще одна полоса, разделяя ладонь на две половинки. Пальцы были длинными и ровными, лишь на безымянном бросалась в глаза излишне развитая косточка фаланги. Таня некстати вспомнила, что бывший муж из-за похожего узла на пальце носил обручальное кольцо большего, чем нужно, размера и оно постоянно стучало.

Мысль о муже напомнила об откладываемом разговоре, и, несмотря на тепло в салоне, Таня непроизвольно поежилась. Перед очередным светофором машина перестроилась в крайнюю правую полосу, и Таня на всякий случай отпустила руку Егора.

Потянувшиеся после поворота дома перестали сливаться в одну серую полосу, в их чертах начало проступать что-то знакомое. А огромные стальные ворота, в которые прополз бы и танк, и размашистая вывеска «Главпочтамт» на соседнем коричнево-сером здании подтвердили, что Егор с Таней проезжают район, в котором она провела лучшие годы своей жизни и потом малодушно сбежала.

Вон железная дорога с выгнутым мостом. Там назначали свои встречи влюбленные. В ожидании дамы сердца они считали вагоны пронесившихся поездов и бросали на рельсы цветы, если никто так и не приходил. Примерно раз в месяц движение останавливалось, и громко звонили в колокол, по старинке украшавший малюсенькое здание вокзала. Все знали, что за этим стоит: значит, в этот раз на рельсы полетели не ромашки, а сам воздыхатель. Может, хоть за годы эта традиция изменилась.

Дальше был огромный пустырь, на котором мальчишки из окрестных домов гоняли мяч. Однажды кто-то приволок парковые скамейки, и по вечерам туда стали стекаться компании, чтобы погорланить песни под гитару и аккомпанемент звякающих стаканов. Теперь на месте

пустыря возвышались высотки, а сегодняшние подростки наверняка нашли новое место для сборищ.

А вот чуть поодаль школа, где она работала, а Княжев учился. Удивительно, прошло столько лет, а трехэтажное здание все такого же легкомысленного розового цвета. Как и ее несбывшиеся мечты. Кусты у забора густо разрослись, отчего на ум пришли мысли о джунглях, перевитых древесными лианами в обильной снежной посыпке.

— Это же она, наша школа! — сердце Тани непроизвольно дрогнуло.

Неприметные окна на втором этаже прямо над козырьком входа. Три окна. По одному на каждый год работы. Свидетели и участники ее объяснений, воодушевления, иногда терзаний, слез и окончательного поражения. От их укоризненного молчания не скроешься даже за стеклом машины. Однажды они записали ее в дезертиры и решительно придерживаются выбранной позиции. Оправдания ничего не изменят, да и стоит ли искать их?

Прикушенная подушечка большого пальца заныла, и Таня опомнилась. Мысли о школе вильнули в сторону сидящего рядом Егора. Интересно, сколько лет прошло после его выпуска?..

— Егор, а ты встречаешься с одноклассниками? Какие они стали?

Уголки губ Княжева чуть сдвинулись вниз, то ли недоуменно, то ли скептически, и он отрицательно покачал головой.

— На вечера встреч я ходил только первые пять лет. А потом стало непонятно: зачем ждать определенного дня в году, если хочешь кого-то увидеть? Проще сразу позвонить и встретиться. А подобные сборища будто специально созданы, чтобы подчеркивать различия. Кто-то стонет, что жизнь — дерьмо, но при этом упорно валяется на диване. Да еще вывернет все так, что пашущие день и ночь — просто везунчики, загребающие незаслуженные деньги. Надоело окунаться в помойную яму. Так что теперь я сам выбираю, с кем видаться и когда.

По тротуару пронеслась лохматая дворняга с розовым куском мяса в пасти, и Таня вспомнила, что в длинном приземистом строении вдоль дороги размещался продуктовый рынок. Судя по унесенной добыче и многочисленным автомобилям на парковке, он и сейчас работал. Траектория бегства неожиданно изменилась: собака перемахнула высокий сугроб и резво выскочила на дорогу. Егору пришлось сильно затормозить, чтобы пропустить разбойницу, а потом он указал на девятиэтажку за рынком.

— Кстати, в этом доме мы жили. На втором этаже.

— Так ты поэтому ходил в пятую школу? По месту прописки? А почему не в какую-нибудь продвинутую гимназию?

Таня проводила глазами серый дом с нелепыми голубыми полосами и рассыпанными, будто бородавки, телевизионными антеннами.

— Ты забыла, какое тогда было время? — Княжев смешно почесал нос и совсем по-детски шмыгнул. — Страна после развала. Частные школы только-только появляются, и большой вопрос, кто там работает: знающие специалисты или ловкачи с красивой «корочкой». Отец решил, что новая мода в образовании похожа на кота в мешке: неизвестно, что получишь, даже за большие деньги. Вот и ходил я к проверенным учителям в ближайшую школу.

— Ну а потом, в старших классах, почему не пошел в специализированную школу? С экономическим уклоном, например. Насколько я припоминаю, они с самого начала были

неплохие.

Если бы Егор был актером, его многозначительной паузе рукоплескал бы весь зал. Но Таня лишь повернулась в пол-оборота и поправила врезавшийся в грудь ремень безопасности.

— Из-за тебя. Я же был по уши влюблен и категорически отказался уходить из школы. Так что разные бизнес-курсы я посещал факультативом... А вот куда ты ушла из школы? И почему?

Таня вздохнула и опять села ровно.

— Тоже из-за тебя. Знаешь, если бы не наш давнишний разговор... Наверное, работала бы я и по сей день в школе. А так испугалась. Твоего признания, твоих глаз, возможных будущих глупостей. Твоих.

«И своих...» Сколько раз уже все передумано и разложено по полочкам. И она давно решила для самой себя, что у ее решения не было иной причины, кроме той, что озвучивается сейчас. Но ведь по-настоящему существовала и другая, которую невозможно назвать вслух. Даже Егору. Даже спустя почти пятнадцать лет.

Взяв лежащую рядом перчатку, Таня начала загибать пальцы в подобие кулака, чтобы потом так же по одному их раскрыть, и продолжила:

— Понятно, что отношения ученика и учителя — табу. Да и не интересовал ты меня тогда совсем! — Хмыканье Егора намекнуло, что убедительность в Таниных словах напрочь отсутствовала. Ну и пусть! Она все равно не признается. — Но в институте не разбирают такие ситуации, не учат, что отвечать подростку и как потом встречать его взгляд. Со взрослыми проще: переступил через объяснение — и пошел дальше. С ребенком так нельзя, особенно если это уже далеко не малыш.

В размышлении она покусала губы, собрала перчатку в бесформенный ком и повертела, осматривая со всех сторон.

— Это уже потом я узнала, что подобное нередко случается в школах, но я-то была к этому абсолютно не готова. Твоя откровенность поставила крест на моих знаниях детской психологии. Может, их и не было вовсе. Но я решила, что ничего не понимаю в детских душах, что единственный способ не калечить их и дальше — уйти из школы.

— И ты сбежала, бросила тех, кто тебе верил...

— Но как можно учить истинам, а за порогам класса сомневаться, что это правильно?!

— То есть детское признание в любви пошатнуло незыблемость теоремы Пифагора? — едко уточнил Княжев. — Или от этого формула дискриминанта стала другой?

— Я стала другой, — она устало выделила голосом первое слово и прикрыла глаза, чтобы не видеть саркастически изогнутой брови Егора. — И эта новая Таня не могла работать учителем. Ведь тот не просто стоит у доски и пишет уравнения. Он помогает их решать так, чтобы потом жизненные задачки не ставили в тупик.

«А теорему своей жизни я так и не доказала...» Воцарилась тишина. Под колесами сочно хрустел лед, на котором машина еле ощутимо вильнула вбок. Спустя секунду телефон Княжева вывел непонятную, но приятную мелодию: словно кто-то осторожно трогал струны арфы, проверяя степень их натянутости.

— Да. Привет. Еду. Пять минут. Ага.

Резкие фразы раскалывали воздух, и Таня поморщилась. А потом рука Егора сжала ее плечо.

— Извини, Таня. Я злюсь не на тебя, а на себя. Ведь получается, что это из-за моих

необдуманных слов — хотя я знал, что говорил! — ты сменила профессию, стала маркетологом, так?

— Да, после курьера, секретаря и еще бог знает кого.

— Еще лучше! А где ты выкопала своего мужа?

— На заочном в экономическом.

— То есть и здесь прямая связь с моим признанием. Черт, какой-то дешевый эффект бабочки!

Взлетевшая ладонь Княжева приземлилась на середину руля, и тот обиженно взвыл. Словно стыдясь своего вопля, автомобиль съехал с трассы на узкую лесную дорогу и начал петлять между деревьями. Еле различимые следы шин и плохо укатанный снег на колее зародили подозрение, что ездят здесь не часто. И, уж если завязнешь в сугробе, останется надеяться только на техпомощь. Преувеличенно аккуратные движения Егора и скорость чуть быстрее пешехода подтвердили Танины домыслы, что при создании «Мазерати» итальянцам и в голову не могло прийти, что на ней будут покорять снежные дали.

Обогнув какой-то подозрительный холмик и от этого едва не ткнувшись носом в соседнее дерево, Княжев сдавленно выругался и покосился на молчащую Таню.

— Почему не возражаешь мне? Или неутомимый ежик в тебе превратился в другого зверя?

— Он ушел в зимнюю спячку. Да и что толку спорить с тобой! Может, в чем-то ты и прав. Только все равно жизнь повернулась бы так, как должна, рано или поздно.

— Э, нет, не согласен. Что значит «как должна»?

Впереди замаячил просвет широкой поляны с четырьмя припаркованными машинами. Огромные, как валуны, они молчаливыми стражами стерегли свои владения. Даже неискушенный взгляд Тани определил, что хозяева машин не жаловали отечественный автопром и явно не задумывались над идеями Фрейда о любви к большим размерам. Но, выбрав тяжеловесные внедорожники, не прогадали и в лесу наверняка не испытывали такие трудности, как они с Егором.

Княжев заглушил мотор, отстегнул ремень безопасности, но не спешил выходить из салона и явно собирался закончить разговор, для чего и повернулся к Тане.

— Так вот я, Танюша, не фаталист, свою жизнь пытаюсь строить сам. И очень не хочу, чтобы ты послушно плыла по течению, как тихоходная баржа. Надо бороться за свое счастье.

Перед ее глазами закачалась на волнах пузатая проржавевшая посуда с торчащими во все стороны витыми канатами, в которые удобно вцепились водоросли. Один миг из жизни Саргассова моря. Страхнув наваждение, Таня накрутила на палец прядку волос и уточнила:

— А если превращение в баржу произошло уже? Что тогда? Разве может она стать фрегатом? Если привыкла возить грузы, тупо ездить туда-сюда...

— Тогда ей нужен капитан. Нормальный. Который откроет в ней парусник, — хмыкнул Княжев и пожал плечами, будто ответ и так был ясен.

Слова следующего вопроса выговаривались медленно, с усилием, словно выползающая зубная паста из почти пустого тюбика.

— А достойна ли эта... баржа... нормального капитана? Да и вообще счастья... стать фрегатом?

Таня смахнула с рукава куртки невидимую соринку и сосредоточенно заскребла ногтем ткань. Рядом с ее рукой неожиданно появились пальцы Егора. Они деловито потрогали материю, а потом приподняли Танин подбородок. Княжев смотрел внимательно и очень

серьезно.

— Поверь мне, она достойна. Такие открытые, чистые, не способные на подлость и предательство... корабли, — Егор споткнулся на последнем слове, — еще нужно поискать.

Пальцы Егора мешали Тане нормально глотнуть, и она аккуратно убрала его ладонь от своего лица, но не выпустила из рук.

— А если что-то скрыто в трюме? — шепнула она.

Княжев громко засмеялся и порывисто прижал к себе голову Тани так, что до нее донеслось невнятное бормотание про обглоданные крысами кости юнги.

В стекло машины аккуратно постучали, и отпрянувшая Таня увидела мужское лицо. Егор широко улыбнулся. Он перегнулся назад за простой вязаной шапкой, которая превратила его в студента-переростка, и выскочил из автомобиля. Его тут же облапил незнакомец, между пальцами которого опасно поблескивал огонек сигареты, и завершил приветствие тычком по плечу Егора.

— Ну ты и гад, Княжев!

— Я тоже рад тебя видеть, Костя.

Егор метнулся к Таниной двери и помог ей выбраться.

Стоящий напротив мужчина с веселым и некрасивым лицом был очень высок, почти на полголовы возвышаясь на Княжевым. Казалось, создавая его, природа собрала все нужное, но потом отвлеклась на что-то постороннее и забыла внести последние изменения. И орлиный нос изрядным горбиком остался нависать над пухлыми до вывернутости губами; лохматые брови нуждались в стрижке; скулы выступали вперед так сильно, будто хозяин для этого эффекта специально удалил себе парочку зубов. Только глаза были хороши: на фоне бледной кожи они мерцали голубыми огоньками, такими задорными и притягательными, что все изъяны лица мгновенно забывались.

— Сколько же мы не виделись!.. Полгода?

Егор качнул головой:

— Год. В прошлый раз встречались тут же, под елками. За это время ты, я вижу, в космонавты подался: костюм вот модный прикупил!

Костя опустил глаза, с интересом, как будто в первый раз, оглядел свою нестерпимо-голубую куртку и лыжные брюки на оттенок темнее и довольно ухмыльнулся.

— Завидуешь? Я не жадный, дам поносить. С барышней-то познакомишь?

Та-ак, вот сейчас и начнется выставка собак, а она выступит именно в роли оцениваемого питомца. Окрас, стать, прикус... «М-да, а экстерьер-то мог быть и получше». Но мазнувший по Таниной фигуре взгляд Кости стер неприятные ощущения: рассматривать ее никто не собирался. Во всяком случае, явно.

— Знакомьтесь. Это Таня, — Егор приобнял ее за плечи. — А это Константин, мой одноклассник.

— Можно Костя, — душевно пробасил тот и неожиданно ободряюще подмигнул. — Ты что-нибудь притащил или порожняком приехал?

— Обижаешь...

С заднего сидения Княжев с усилием выволок картонную коробку и неловко опустил ее в сугроб, мгновенно просевший ровным квадратом.

— Чё-то ты сноровку теряешь, Егорка!

К коробке заботливо наклонился новый собеседник. Тане были видны только мощные кулаки, которым бы позавидовал деревенский кузнец, широкая спина под темной курткой да кончики светлых волос, торчащие из-под малюсенькой шапки, неизвестно как державшейся на самой макушке. Проинспектировав содержимое и убедившись в его целостности, мужчина поднялся.

Он был невысок, лишь на полголовы выше самой Тани, но кряжист. Квадратное тело

борца с мощными ногами-колоннами. Такого не просто свалить во всех смыслах. Лицо под стать телу: рубленое, грубоватое. Чуть приплюснутый на конце нос, как у какой-то водоплавающей птицы, клочковатые брови, нечеловеческий янтарный цвет глаз. С трудом верится, что такой хищник затесался в друзья к добродушному, но проницательному Княжеву. Скорее всего, внешность оказывает этому человеку плохую службу, но почему же от его тяжелого взгляда исподлбья ноги Тани предательски подрагивают?

Над головой пронзительно застрекотала сорока, и Таня вздрогнула. Костя шагнул вперед и бодро возвестил:

— Знакомьтесь. Марк. Таня. Всем очень приятно. А теперь, Марик, заканчивай устраивать гляделки. Хочешь произвести впечатление — поиграй бицепсами и отнеси подарки в избушку. Давай, давай, мы идем за тобой.

Марк цокнул языком, будто лопаая шар из жевательной резинки, без труда поднял коробку на уровень груди и пошел к деревьям. Там виднелось что-то непонятное. Ну точно, огромный сугроб с наспех вырытым входом. Но темнеющие кое-где пятна бревен не укладывались в первоначальную версию, и Таня запоздало сообразила, что это вовсе не покинутая медведем берлога, а вполне рукотворное строение. Правда, руки у создателя росли как-то странно, иначе зачем было скаты крыши опускать настолько низко? Земля словно решила проглотить избушку, но не справилась, подавилась, и та так и осталась торчать островерхим куском.

За удаляющимся Марком последовал Костя. Пару раз он смешно взмахнул руками и чуть не сел в снег. Он явно старался попадать в уже протоптанные следы, но для его длинных ног те располагались слишком часто.

Княжев наконец захлопнул дверь машины и взял Таню за руку.

— Ну, пошли?..

Чуть в стороне от заваленной снегом избушки из сугробов поднимался тонкий дымок: там спрятался мангал. Вот из него вверх рванул крошечный уголек, словно мерцающая ракета, и с шипением провалился в снег.

— Боже, какие люди! Княжев, ты ли это?

Навстречу бежало существо, нелепо замотанное шарфом так, что открытыми оставались лишь глаза и небольшие просветы для ноздей. Мумия, чисто мумия на отдыхе. Однако эксцентричная маскировка удивила Таню, но не Егора. Он раскинул руки в стороны и принял в объятия маленький кокон из сиреневого лыжного костюма и массивных унт, оставляющих рельефные следы на снегу.

— Кристинка, привет! — Княжев аккуратно отогнул кончик шарфа и чмокнул показавшийся треугольник кожи. — Ты совсем не изменилась.

— Подожди. Что ты запоешь, когда я размотаюсь внутри! — многообещающе пропела «мумия» и шустро вернула шарф на место, а потом повернулась к Тане. — Судя по круглым глазам, вы уже составили мнение обо мне, только вряд ли оно удивит новизной. А у меня всего лишь очень нежная кожа...

— Ага, как лепесток розы, — участливо встрял Костя.

— ...которая совершенно не переносит холод.

— А также жару, морскую воду и пыль, — не унимался комментатор и приобнял мумию за талию. — Всегда хотел спросить, гусеничка моя: а на постель с мужем у тебя нет непереносимости или ты там тоже в такой парандже?

Грохнул дружный смех, и ничуть не оскорбленная Кристина захихикала вместе со

всеми. По всей видимости, эта тема смаковалась на каждой встрече и стала обязательным ритуалом.

К мангалу двинулся стройный мужчина в пуховике. Из-за торчащих в разные стороны шампуров с крупными кусками мяса он напоминал мушкетера. Его характеристику можно было вместить в одно емкое слово — нос. Эта мясистая часть занимала пол-лица и перетягивала на себя все внимание. И, если бы Таню попросили составить фоторобот этого человека, она призналась бы, к своему стыду, что запомнила только орган обоняния и не может назвать не то, что цвет глаз, но и вообще их количество.

«Мушкетер» неловко поворачивался из стороны в сторону, чтобы не задеть никого острыми железными концами. С мяса тонкой струйкой стекал беловатый соус, явно с примесью майонеза, и исчезал в снегу. В животе у Тани заурчало, и она смутилась, что громкий звук услышал кто-то еще. К счастью, раздался громкий возглас:

— Жорик, неси все обратно: уголь еще не прогорел. Сколько можно повторять, что шашлык жарят не на огне. Нет, он уже в третий раз тащит шампуры...

— Есть хочу, — жалобно оправдывался помощник и робко попытался пристроить на краю мангала одну шпагу.

В ответ он получил недовольное рычание и отступил, а Таня, наоборот, сделала невольный шаг вперед, к огню: интонации повара показались ей удивительно знакомыми. Оттеснивший Жору мужчина помешал угли и затушил сигарету о ножку мангала. Головин! Точно. Вот только почему он здесь, на встрече одногруппников, с которыми никак не мог учиться?..

— Здравствуйте, Максим Александрович. Не ожидала вас здесь встретить.

Тот повернулся и неторопливо отряхнул колени от налипших крупинок снега.

— А я вот рад вас видеть, Таня. Привет, Егор.

В мангале снова загудело жадное пламя, разминая длинные оранжевые пальцы. Головин потянулся к прислоненной к сосне пластиковой бутылке и побрызгал на брикеты, чтобы к ним вернулся серовато-переливчатый цвет. Изголодавшийся Жора кивнул, как отмахнулся, на приветствие Княжева и осторожничающим крабом пробрался к мангалу. Кривоватой палочкой с неровно обломанным концом Максим перевернул пару угольков. Его милостивое «Пора» заглушилось странным кудахтающим звуком, который издал Жора, после чего чуть не уронил первый шампур прямым на золу.

— Спокойнее, спокойнее. Не то придется жарить тебя вместо шашлыка.

На ободряющее обещания Головина «мушкетер» не прореагировал и позволил мясу освоить фигуру летного пилотажа под названием «штопор». Рывканье Максима оборвал Егор. Он забрал у Жоры все шампуры и уложил их в прорези мангала.

Неожиданно все запахи заслонил новый: цветочный и одновременно пряный, мускусный. А мелькнувший рядом с Таней изумрудный цвет ознаменовал появление еще одного одногруппника. Вернее, одногруппницы. Эля...

Спокойно! Она просто посмотрит на нее, один раз, из вежливости, и все. Черт! Лучше бы не смотрела. Где Эля нашла такой облегающий лыжный костюм, что фантазии остается только раскрасить его в телесный цвет — и вуаля, девушка обнажена?! А в этих узких брюках разве можно кататься на лыжах? И зачем она наклоняет голову так, чтобы рыжеватый мех капюшона ласково касался щеки? Черт, что же чувствуют мужчины, глядя на эту... на эту..?!

— Привет, дорогой. — Эля приподняла свои солнцезащитные очки, поцеловала Егора в

щеку и большим пальцем вытерла легкий след от помады. — Рада тебя видеть.

— Привет, дорогая, — в тон произнес Княжев и ответно тронул губами подставленную щеку. — Как добралась вчера?

— Нормально.

Нет, они совсем не похожи на бывших любовников. Обычные вежливые вопросы, дружеские касания. Никаких косых взглядов или язвительных намеков. Может, она зря записала Элю в стервы?

В избушке что-то лязгнуло, и на порог вышел отряхивающий ладони Марк. Он беззвучно пошевелил губами и потом недовольно уточнил:

— Мы еще кого-то ждем? Раз нет, то приглашаю всех к нашему шалашу. Водку все же лучше пить, а не грызть.

Все заговорили разом, потянулись внутрь, внося с собой хрусткий морозный воздух и легкий запах дыма.

Несмотря на горевшую лампочку, после улицы пришлось поморгать, чтобы привыкнуть к свету. Осмотревшейся Тане стало ясно, что длинные скаты крыши играли роль стен, надежной защиты от ветра, дождя и чужих взглядов. Пространство между дальними столбами было плотно заколочено. Получившаяся полноценная комната казалось небольшой из-за нагроможденных в ней деревянных лавочек, по форме скопированных с парковых, и невысоких чурбачков. Наверное, они служат табуретками или просто подставками. У стен выстроилась вереница открытых коробок с мелкими шляпками разномастных бутылок. Но центром картины, безусловно, был огромный стол. Да-а, собравшиеся здесь люди не ели минимум неделю, а то и больше.

На пластиковых тарелках небрежно лежали толсто нарезанные куски копченой колбасы; свиная грудинка с яркими прожилками мяса и одуряющим чесночным запахом; хрустящие горбушки ноздреватого хлеба; скромные бутерброды со шпротами, вызывающие щемящую ностальгию; тонкие пластины плавленого сыра; все семейство помидоров — от миниатюрных черри до громадных мясистых с подходящим названием «бычье сердце»; болгарский перец, выложенный по цветам светофора; репчатый лук и его собрат зеленый; пучки душистого укропа и терпкой кинзы. Кто-то не поленился напечь блинов, и теперь они высились аккуратной горкой, а внизу ждала своей очереди начинка: кусочки красной рыбы и жгутики натертого беловато-желтого сыра. Названия соусов завораживали своим напевностью: ткемали, сациви, чимичурри. Вкусовой аккорд завершался скромными аджикой и кетчупом.

«Закрывать глаза и просто вдыхать щекочущие ноздри запахи, бороться с волнами слюны и заглушать урчание живота». При таком изобилии хотелось послать к черту все диеты и предаться греху чревоугодия. А ведь здесь отсутствовал еще главный виновник встречи — квадратные брусочки запеченного мяса, пускавшие при укусе легкий душистый сок.

Услышав приглушенный полустон, Таня не сразу сообразила, что он ее собственный. В руки мгновенно ткнулась тарелочка с бутербродом и помидором, на который уютно положила хвостик соскользнувшая с батона рыбка.

— Даю голову на отсечение, что ты даже не позавтракала.

Егор добавил к композиции кружочки колбасы, разлохматил веточку укропа и подмигнул получившейся съедобной рожице.

Запахи раздражили не одну Таню, и в беседке воцарилась благодатная тишина жующих людей. Первым от еды оторвался Марк и потянулся к примостившейся под рукой бутылке.

— Накатим?

В морозном воздухе запах водки разлился особенно остро, но, вопреки обыкновению, не вызвал у Тани отвращения, а лишь раззадорил аппетит. Куснув поджаристый край хлеба, она отмахнулась от протянутого Костей стаканчика.

— Нет, спасибо, я не пью.

— Чисто для профилактики гриппа. И не говорите, что присоединитесь потом: в нашей компании алкоголь исчезает с астрономической скоростью. Как в черной дыре. Только

вместо радиации мы излучаем тепло и заразительную радость.

Растерявшуюся Таню выручил сидящий слева Егор:

— Костя, отстань. Мы идем другим путем.

Перед Таней вырос стальной термос. С усилием открутив туго завинченный колпачок, Княжев осторожно наполнил кружку, и от коричневой жидкости поднялась струйка ароматного пара.

— Некрепкий черный чай, без сахара. В твое личное пользование.

Остальные быстро определились, что будут пить, и с криками «За нас! За встречу!» чокнулись над серединой стола. Приглушенно треснул пластик, и из одного стаканчика закапало прямо в репчатый лук. Марк одобрительно хмыкнул и поелозил ложкой в тарелке, распределяя водочный маринад по всему содержимому.

— Эх, богатые Буратины, денег на нормальные бокалы пожалели... — Кристина с досадой вернула стаканчик на стол и начала скрупулезно разматывать шарф.

Незадачливый Жора успел опрокинуть в рот остатки алкоголя и затряс головой в приступе раскаяния, а потом облизнул горе-фужер.

— Виноват, но сам и пострадал. Как говорится, Тинка, вспомним студенческое бытие.

— Тогда и закуска должна быть иной: селедка, пельмени. На худой конец, сосиски, а не эти разносолы, — не унималась она и положила рядом с собой снятую ткань.

Эля картинно подняла вверх большой палец как знак одобрения. А Таня так и не поняла, к чему была странная маскировка Кристины. Открывшееся лицо было прехорошеньким: огромные кукольные глазища с предлинными ресницами, от которых на щеки в солнечную погоду наверняка падают тени; точеный носик с островатым кончиком; пухлые губы из разряда тех, что девушки любят закусывать в моменты отчаяния и этим расчетливо привлекают внимание мужчин; и резковатые скулы, вносящие в общий образ Барби нотку затаенной хищности.

— Егорка, а с каких это пор ты отбиваешься от коллектива? — Марк подцепил кусочек рыбки, ловко закрутил ее в блин и принялся упоенно жевать. — Записался в трезвенники?

Таня скосила глаза на стаканчик Егора. Там плескалось что-то ярко-оранжевое. Рядом подмигивала большим апельсиновым глазом пачка сока.

— А я за рулем принципиально не употребляю. И посмотрю еще, как ты, пьяный, будешь выезжать отсюда по таким сугробам.

— Так я же об этом подумал и забронировал услугу «трезвый водитель». — Жора сосредоточенно, но безуспешно ловил пластиковой вилкой мелкую помидорку. — Нас отвезут домой на наших же машинах...

— Если вообще найдут место, куда их вызвали клиенты, — хихикнула Кристина и с интересом проследила за свободолюбивым овощем, который в этот момент нырнул с блюда в заросли лука на соседней тарелке.

— Я их встречу. — «Мушкетер» бесцеремонно полез руками в блюдо с зеленью.

— Ага, а потом мы тебя встретим уже по весне, в виде подснежника, — включился в обсуждение Костя и звучно хлебнул из стаканчика.

— Нет, Жорик дело говорит, — убежденно хмыкнул Марк и снова вернулся к Княжеву. — Ну что, пьем? Нет? Ну ты, Егорка, и редиска!

Вопль «мушкетера» возвестил, что помидору так и не удалось спрятаться. Но через секунду тональность крика изменилась, и раздосадованный Жора потянулся к салфеткам, чтобы вытереть брызнувший на куртку сок.

— Один ноль в пользу овощей, — не сдержался Костя и пригнулся, чтобы не получить скомканной бумагой в лицо.

Со стороны улицы захрустел снег, и к столу поплыл одуряющий запах готового мяса. Все зашумели и задвигали тарелками, освобождая место для шашлыков. Вошедший Максим покачал головой на какое-то предложение и начал с шампуров снимать кусочки, аккуратно протаскивая их по металлу и опуская на подставленное блюдо.

Княжев тут же перебросил парочку на тарелку Тани, облизал испачкавшиеся пальцы и выдавил рядом с мясом яркую кляксу кетчупа. Потом обмакнул один кусок и поднес к ее рту, предлагая откусить. Остаток переправил себе в рот и даже зажмурился, жуя. Вкус и в самом деле был замечательный: благодаря быстро схватившейся корочке свинина не утратила своей сочности и напиталась дымком и почему-то еловой смолкой. Второй кусок они съели так же наполовину и поискали глазами добавку.

С общего блюда на них грустно поглядывали не нужные никому колечки поджаренного лука, но мясо исчезло. Все вокруг сосредоточенно жевали. Кристина даже выстроила перед собой целую стену из разных соусов и последовательно выколачивала содержимое бутылок на разные тарелки. Видно, чтобы не запутаться и определить, какая приправа ей больше нравится.

У входа на чурбачке ютился Головин. Он легко протыкал куски сырого мяса и протягивал их дальше по шампурам, а время от времени брезгливо подергивал рукой из-за стекающего по ней беловатого маринада. Вряд ли ему перепало хоть что-то из им же приготовленного шашлыка.

Костя дожевывал кусок и довольно вытер пальцы о салфетку. Потом ногтями подцепил из пачки сигарету и вставил незажженной в рот.

— Пошли, Егор, покурим. Хочу услышать твое мнение по одному вопросу.

Княжев чмокнул Таню в щеку и вылез из-за скамейки.

— Не скучай. Съешь вот блинчик.

Неплотно закрытая дверь распахнулась до упора и хлопнула о стенку, будто подавала какой-то сигнал. Из угла с коробками донесся легкий звон: Кристина изучала бутылки с алкоголем и сдавленно хихикала. К ней перегнулся Марк, и хихиканье переросло в неприятное бормотание и похрюкивание. Максим понес шашлыки на огонь.

За ним потянулся Жора, почему-то с куском хлеба. Сейчас, наверное, попросит у Головина ненужный шампур и присядет у мангала, повернет горбушку то одним, то другим боком... Та покроется неприглядной черной корочкой, но именно она и есть самое вкусное в запеченном хлебе.

Но присоединиться к нему Таня не успела: рядом незаметно появилась Эля. И избушка сжалась до этих двух метров вокруг них, а остальное закрутилось каруселью. Отчетливой осталась лишь Элина рука, постукивающая аккуратными ногтями по деревянной столешнице.

— Так это ты с Егором?

Красотка откинула с груди тонкую косу и сама же ответила:

— Да, ты. Я тебя уже видела у офиса пару дней назад, Та-ня...

Последнее слово она разделила на слоги и налила в чистый стаканчик водки. Отпив глоточек, будто тянула коктейль, Эля негромко продолжила:

— Ну, давай познакомлю тебя со всеми, что ли. Жора. Рохля и недотепа. Марк. Алкаш и тупица. Кристина. Дура и сдвинута на пластике. Макс. Хам и неудачник. Костя. Бабник и

трепло.

Словно выдержки из резюме. Сухие, ломкие слова, от которых в голове начинает шуметь. Карусель чуть притормозила перед новым оборотом, и в углу стали различимы Марк и Кристина. Нет, они не расслышали обидные характеристики Эли, иначе не сидели бы так спокойно на пеньках с бутылками между коленей. Добавить ведерки с поп-корном — и будет явное 3-D, вот только она, Таня, не готова демонстрировать свою жизнь.

— Ну, и мы забыли Егорку, — в интонации Эли появилась певучесть. — Красавчик, умница, да тот еще кобель. Девочек меняет с завидной периодичностью, уж и не припомню всех ваших имен. И как удобно называть это бл*ство поисками идеала! — она едко засмеялась и резко осеклась. — Только в конце концов, побитый жизнью, он приползет обратно в конуру. А там буду я, терпеливая и не брезгливая...

Таня рванулась в сторону, но нога ее застряла между скамейкой и стойкой стола, а перчатки свалились на пол.

— Вот только меня, дорогуша, никак не устраивает, что за время своих метаний Егорка может подрастерять заработанное добро. И сейчас он думает не о проектах, а как бы тебе раздвинуть ноги. Что глаза таращишь?

Эля наклонилась к самому лицу Тани, так близко, что стали видны мелкие волоски над верхней губой, и прошипела:

— Ты же мешаешь ему, тянешь на дно. А его «Элит-квартал» трещит по всем швам. Что, не знала? Так я тебе расскажу. Денег у Егора не хватает. Планировал одно, а вышло все по-другому, — в смешке Эли не было ни капли жалости. — Уж как он пытался выкрутиться, одолжить и у того, и у этого... А я могу принести нужную сумму от отца хоть сейчас, только с одним условием: я Егору деньги, он мне — фамилию. Элеонора Княжева! Красота!

Восторженное выражение лица Эли сменилось хищным прищуром, едва она посмотрела прямо в глаза собеседницы.

— Так что отвали от Егора! Не порти ему жизнь и бизнес!

Навалившись грудью на стол, Таня едва сдвинула его, но и этого хватило, чтобы высвободить ногу и отпрянуть от Эли. В избушке отчетливее запахло дымом, и за Таниной спиной раздался хмурый голос Максима:

— Что, Элечка, недолго получилось притворяться? Ты всегда была никудышной актрисой.

— Зато ты, Максюща, отлично с этим справляешься, — хмыкнула красотка и подбила ногой перчатки. — Я же не слепая, в отличие от Княжева, и прекрасно все вижу.

Выкатившаяся на улицу Таня еще слышала размеренные аплодисменты: Марк и Кристина оценили представление. Правда, для них оно прошло в жанре немого кино: вряд ли они бы так хлопали, если бы слышали откровенно хамскую оценку Элей своих же друзей.

Набрав горсть снега, Таня сжала его, пока не потекли капли, и потом ладонью тронула одну щеку, другую. Горят, просто полыхают. Но только ли от вываленных на нее гадостей или же от нарастающей злости?

Молчавший червяк сомнений проснулся и больно ее куснул. Ведь и в самом деле, от нее Егору никакой помощи. Она даже не знает о его проблемах. А вот это стоит исправить, и прямо сейчас!

Она резко повернулась к вышедшему вслед за ней Головину.

— Это правда?

— Что именно?

— Что у вас проблемы с «Элит-кварталом»? Не хватает денег?

— Вам лучше спросить у Егора.

— А я спрашиваю у вас, Максим Александрович!

Она шагнула еще ближе. Ей нужны ответы, и сейчас она их получит. Дыхание Головина стало еле слышным, а Таня впервые разглядела тоненький беловатый шрам, почти сливающийся с кожей, на подбородке.

— Так что? Трудности с инвестициями? Да? Только при чем здесь я? Моя персона слишком уж мелковата для разыгрываемых партий. Почему вы молчите, Максим Александрович?! Ну, скажите, что я лезу не в свое дело! Поставьте меня на место! Вам же нравится говорить гадости, делать другим больно. Вы же вообще ненавидите всех вокруг!

От беспомощности и негодования Таня не придумала ничего лучше, чем по-детски топнуть. Вдруг ее нога поехала по утопанному снегу, и она смешно взмахнула руками. Она бы точно упала, если бы не Максим. Он подхватил Таню под мышки, но не поставил ровно, а неожиданно привлек к себе и стянул шапку с кудряшек. Он гладил их широкой крепкой ладонью и еле слышно шептал на ухо:

— Какая же ты глупая! Я же себя ненавижу прежде всего. Каждый день начинаю с ожидания у окна, выглядываю тебя, а потом мчусь к лифту, чтобы поймать твой запах. Уже устал выдумывать предлоги, чтобы заглянуть к вам в отдел. Заставил тебя писать ненужные отчеты, чтобы в кабинете исподтишка любоваться тобой. Да я на могилу твоей матери хожу чаще, чем к моей Марине!

Из тихого голоса Максима сочилась такая безнадежность, что Тане захотелось завывать, и в панике она отпрянула от Головина.

— Я постоянно напоминаю себе, что он мой лучший друг, а ты... ты просто похожа на нее. И все чаще жалею, что долго думал, прикидывал что-то, выстраивал. Довыстраивался. — Максим расправил смятую шапку и подал ее Тане. — Простите, Таня. Не сдержался. А Егор... Да, у него есть сейчас проблемы. Да, ему нужны деньги. Только лично вы никак не виноваты в этом.

От мангала потянуло едким запахом, и вслед послышалось ойканье Жоры. Тут же в сугроб полетела пластиковая бутылка с усиленным изгибом горлышка в духе Жана Поля Шене, хотя вряд ли в своей таре винодел прожигал еще и дырки. Сникший «мушкетер» на глазах преобразился в лаборанта-стажера, который отряхивал золу со своего пуховика и явно не понимал, где проводимый опыт пошел не так.

— Ты зачем бутылку к горячему мангалу прислонил, кулинар?!

Максим рванул к огню и сделал то, на что не решался Жора: ударом ноги опрокинул мангал в снег вместе с пропахшими химией шапшлыками. Все равно их есть уже нельзя.

Господи, ну почему так не везет и Жора не поджег пластик хотя бы на две минуты раньше? Тогда бы она не чувствовала себя сейчас тортом: основы-теста почти нет, зато крем свисает по краям, а его все добавляют и добавляют, размазывают, втирают, чтобы он проник внутрь, получше пропитал все изнутри. Куда уже лучше, если душа и так расползается по тарелке противными маслянистыми следами.

С ближайшей сосны раздалось возмущенное беличье цоканье. «Правильно, мы же злимся, когда под нашими окнами орут. Вот и зверьку надоело, только в его дупле нет ставен, чтобы отгородиться от звуков. — Таня отступила к дереву и задрала голову. — Так, ищи эту рыжую красотку. Может, хоть это немного успокоит тебя и заставит выбросить из головы все сказанное».

— Что там? — вопрос появившегося Егора прозвучал внезапно, но стал настоящим спасением.

— Думала, что белка, но вокруг все такое серое... Вряд ли она.

— Не хочется хвастаться, но в школе ты явно прогуляла уроки биологии, иначе бы точно знала, что зимой стоит искать именно серую белку. — Княжев обнял Таню, позволив опереться спиной себе на грудь, чтобы удобнее было смотреть вверх. — Вон она выглядывает, хитрюга...

Его рука еще только начала аккуратное движение вверх, а Таня уже разглядела черные смородины глаз и кисточки на ушах, смахивающие на дразнящие рожки. Конечно, обманула Таню, как маленькую девочку.

«Маленькую девочку...» Из-под коготков зверька оторвался кусочек коры и начал планировать вниз. Как вагончик на американских горках: после сигнала остановиться уже нельзя, можно только лететь вперед. Пора и ей.

— Егор, помнишь, ты просил быть честной с тобой? Так вот ты должен знать: у меня... не может быть детей.

Ничего не изменилось: руки Егора по-прежнему обнимали ее, с той же самой силой, он все еще смотрел вверх. Но потом макушкой Таня почувствовала тепло, будто ей намеренно с силой подышали сквозь шапку, и Княжев обыденно уточнил:

— С чего ты это взяла? То, что в предыдущем браке у тебя не родился ребенок, ничего не означает... Чтобы выставили подобный диагноз, нужно сдавать кучу анализов, проходить длинное обследование, и то...

— Егор, ты не понял, — Таня повернулась к нему лицом. — Речь не идет о бесплодии. У меня не может быть детей, потому что внутри я... пустая, там нет ничего...

— Объясни понятнее.

В солнечном заснеженном лесу светло-карие глаза Егора казались янтарными. Боже, она в них тонет, вязнет, как мушка! А сейчас ей нужно собраться, чтобы сказать нужное и не выплескивать застарелую боль, настоявшуюся, подобно вину. Шаг в сторону — и под рукой оказалась шершавая кора, забивающаяся под ногти и царапающая ладонь.

— Не знаю, зачем я тогда вышла замуж за Влада. Безумной любви не было ни у него, ни у меня. Наверное, просто решили не отставать от друзей. И на внезапную новость о ребенке отреагировали спокойно так, без лишнего восторга: а пусть будет! Чтобы все, как у других. — Пальцы Тани бегали по трещинкам на дереве. — Только нельзя так, про запас, заводить кого-то. Наверное, Влад понял это раньше меня. Как и то, что наш брак превратился в общежитие: чужие люди делят комнату, по очереди ходят в ванную, иногда сталкиваются на кухне. При этом я ничего не замечала и бесконечно гладила округляющийся живот, сюсюкала с ним... — ее голос дрогнул, и в такт дернулась рука. — А

кончилось все в пять минут. Р-раз — и нет больше ничего.

В повисшей тишине особенно отчетливо стали слышны смех и возгласы, вырывавшиеся из избушки. Голос же Егора был негромким:

— Что он сделал?

— Правильнее спросить, что он НЕ сделал, — Таня вскинула голову и шумно набрала воздух через рот. — Влад просто не поймал меня. Когда я летела с обледенелой лестницы вниз. Не дернул рукой, даже инстинктивно, как бывает, когда тело реагирует быстрее мозга. Я пересчитывала животом ступеньки, как перекачанный резиновый мяч, а он стоял и смотрел. Даже «скорую» не вызвал... Через час какой-то парень вышел погулять с собакой, он-то и вызвал бригаду. Ребенка не спасли. От меня как от женщины оставили лишь оболочку, одно название. Ты, наверное, из-за темноты не увидел шрамы. Потом я краем уха слышала, как шептались санитарки, что у меня был разрыв матки, а врач, к которому я попала на стол, едва справился с кровотечением. — Несмотря на мороз, Таня облизнула губы, и их сразу неприятно стянуло. — Исполосовали так, что трудно было ходить несколько недель. Даже на первое заседание суда не смогла прийти. Влад же сразу подал на развод, указав, что не готов жить с существом, не способным родить наследника. Никто так и не узнал, что за минуту до происшествия муж рассказывал, как месяцами изменял мне. Красочно так описывал все похождения, мартовский кот обзавидовался бы. Зачем рассказывал, я так и не поняла. Долго гадала потом, перебирала причины: хотел уйти, унижить меня своими победами, просто позлить... Не знаю. Я бы отпустила его и так, заикнись Влад об этом. А оно вон как вышло: я забыла про ступеньки и всего лишь отвернулась...

И сейчас Тане хотелось повернуться к миру спиной и зажмуриться, чтобы выдавить из тела ощущение себя на больничной койке. Тогда она пришла в сознание и долго рыдала, что не может распахнуть окно и шагнуть с подоконника. Не может, потому что в мыслях внизу непременно будет стоять мама с застывшим отчаянием в глазах. Тот единственный человек, который готов был принять ее любой: здоровой, больной, искалеченной, лишь бы живой. Да еще Лилька, которая без пространных объяснений поняла самое главное — Тане плохо. Остальным, соседям и просто знакомым, скормили версию про несчастный случай, особо не заботясь в ее правдоподобности.

Падение с лестницы словно разделило Таню на две половины. Веселая осталась там, в страшном декабре, а из больницы вышло молчаливая, подавленная «недоженщина», считавшая себя чуть ли не обручком без права на счастье. И никто, как казалось Тане тогда, не способен был ее переубедить...

На рукав упала крупная снежинка с невыносимо правильными лучами. Таня накрыла ее ладонью и растерла образовавшуюся капельку. Все.

— Прости, надо было рассказать тебе давно.

— Надо было, — неожиданно согласился Егор. — А может... ну, есть же альтернативные способы завести ребенка: ЭКО, суррогатное материнство...

— Есть, но для них все равно нужны клетки матери, и совсем не те, что можно взять из пальца.

Княжев то ли озадаченно, то ли просто задумчиво потер подбородок и шагнул вперед, чем вынудил Таню спиной прижаться к сосне. Вынырнувшее из-за его спины солнце душевно улыбнулось — и глаза Тани сузились до невразумительных щелок и все равно заслезилась.

— Знаешь, Танюша, а поехали-ка мы домой. — Слова прозвучали четко, но их смысл не сразу дошел до нее. — Они здесь прекрасно обойдутся и без нас.

Скользнувшая по щеке Тани капля не добежала до губ: ее остановил палец Егора. А потом будто тень упала на Танино лицо, и она открыла глаза. Молчащий Княжев напомнил ей галку, пристально изучающую кормушку, прежде чем опуститься на нее: так смешно была повернута набок голова. И лишь через пару секунд Таня сообразила, что Егор всего лишь старался не позволить солнцу слепить ее.

Таня вытащила ладони из карманов и коснулась ими рукавов Княжева.

— Я тебя... не стою.

И тотчас ее руки оказались подхваченными и спрятанными в карманы куртки Егора. Тане пришлось почти вывернуть кисти, но с чувством неудобства пришла и невероятная защищенность.

— Поехали домой, Таня.

Княжев нырнул в избушку и что-то сказал на прощание, на что остальные ответили взрывом хохота и веселыми пожеланиями удачи. Пока автомобиль сдавал назад в поисках достаточного места для разворота, Таня бросила последний взгляд на поляну. А ведь эти люди в лыжных костюмах похожи на восковые фрукты для рисования: такие невыносимо красивые, что всегда находится смельчак их откусить, но к зубам пристаёт противный парафин...

Таня перевела глаза на выкручивающего руль Егора. Он снял шапку, и челка смешно прилипла ко лбу, как у мальчишки после безудержного катания на горке. Почему она так уверена в его честности и открытости без тени притворства? Может, она просто придумала идеальный образ и повесила на него? Что она знает о Княжеве, кроме того, что рассказал он сам? И если из обвинений Эли вытащить злость и обиду, не останется ли в них и правда? Хоть часть, хоть одно слово?

Автомобиль поворчал, пока переваливался через глубокую колею, и довольно покатился дальше, будто в предвкушении хорошего асфальта. И Танины мысли побежали стремительнее.

Она ему все рассказала и ждала в ответ... Чего ждала? Ухмылки, презрения, пощечины? Но ведь эти реакции просто не соотносятся с Егором Княжевым. Он сделал вывод, что-то решил молча, а она будет мучиться и бессонными ночами перебирать его возможные мысли. Что ждет ее дальше? И будет ли вообще это «дальше» у обычной тридцатипятилетней женщины и обаятельного, богатого, успешного мужчины? Как ни крути, нет, нет здесь будущего. Да и не может счастье отдавать сомнениями и переживаниями!

С неба снова посыпалась снежная труха. Какие-то невзрачные разваливающиеся снежинки, которые даже автомобильные «дворники» прогоняли со стекла с ленивой неохотой. Светофор меланхолично отсчитывал оставшиеся секунды до зеленого сигнала, вместе со сменяющимися цифрами что-то неслышно щелкало в голове у Тани. Пальцы Егора тоже выстукивали дробь на кожаном руле. Цифры, числа, деньги... Рядом мигнул, загораясь, пузатый фонарь и обиженно загудел вслед тронувшейся машине. В голове вертится что-то и не дается в мерзнувшие руки. Смешно: она умудрилась потерять новые перчатки в первый же день...

Двор был так густо заставлен машинами, что Егор едва разминулся с выезжающей старенькой иномаркой, владелец которой почистил лишь лобовое стекло и оставил пышные барханы на крыше. Потрепанная машинка недвусмысленно намекала на свое славное

прошное в облике тарана и не прочь была повоевать за право первоочередного проезда. Княжев не стал спорить и, чтобы освободить место на дороге, вильнул вбок. Таня воспользовалась короткой остановкой.

— Я выйду здесь. Спасибо, что довез. Спасибо за шашлыки. Очень... — на ум не шло подходящее слово, и она выудила из памяти затаканное: — ...очень понравилось.

Ее дверь открылась легко, будто только и ожидала толчка. Нога угодила в месиво из неубранного снега и песка, которое возмущенно чавкнуло. Чтобы перехватить Таню у капота, Егору хватило секунды.

— Подожди!

Его брови сдвинулись к переносице, словно он высматривал и никак не мог поймать ускользающую мысль. Взгляд перебегал от одного глаза Тани к другому, и в сгущающихся сумерках было видно, как Княжев болезненно сощурился.

— Подожди, — повторил он. — Что не так?

Нужно просто не отвести взгляд, не задерживать дыхание и не дать дернувшимся рукам спрятаться в карманы. Она поднялась на носочки и поцеловала его в губы, сухие и немного потрескавшиеся, а потом пошла к подъезду. Вслед ей понеслось:

— Черт, Таня, мне одному кажется это ненормальным?!

Он вихрем догнал ее и обрушил град поцелуев, упрямо дотягиваясь до каждой клеточки на лице и не отпуская.

— Ты всю дорогу домой молчала. И сейчас лихорадочно строишь стену между нами. Зачем? Что изменилось после этих шашлыков?

На миг Тане показалось, что Егор готов потрясти ее за плечи, чтобы нужные слова вывалились изо рта. Но вместо этого он попросил:

— Напой меня чаем, кофе, водой. Не знаю... Пришей оторванную пуговицу, — он рванул кнопку на рукаве. — Дай починить долбаную табуретку, в конце концов! Просто не уходи одна, разреши пойти с тобой.

Пальцы Тани собирали край куртки гармошкой, потом разглаживали его и снова начинали свою механическую работу.

— А если ты думаешь, что после твоего признания я повернусь спиной, сотру номер телефона и попрошу тебя уволиться, — спустя секунду сухохато добавил Егор, — то извини, что разочарую: роль мерзавца мне никогда не удавалась.

На нос Тани спикировала снежинка, и безумно захотелось чихнуть. Но она не посмела, боясь пропустить хоть слово Княжева.

— Так что выбрасывай глупости из головы. Будем жить дальше и надеяться, что наука шагнет настолько далеко, что сможет извлекать материал для будущего ребенка из пальца, как ты замечательно выразилась. Вот и мамонта хотят возродить!

— Отличное утешение. — Тоска медленно отступала. — То есть мне должно польстить сравнение с волосатым слоном?

— Ну, гарантирую, что при виде твоих локонов он бы точно захлебнулся слюной от зависти, — Егор подцепил пальцем торчащую из-под шапки прядь и попытался скрутить ее в тугую пружинку. — Так что,пустишь к себе?

Таня вытащила из кармана связку ключей с мягким медвежонком на общем колечке и подала ее Княжеву. Тот, не оборачиваясь, тренькнул брелоком-сигнализацией и обнял Таню за плечи. Оставленная кем-то распахнутой дверь подъезда проглотила их с молчаливым удовлетворением.

Почему Егор так и не ушел до утра, осталось для Тани загадкой. Ведь не раз и не два ворчал он на вонзающуюся в бок пружину дивана, сбрасывал тяжеленное пуховое одеяло, а через секунду спохватываясь и натягивал его на обнаженное Танино бедро. Она не выдержала и вытащила из шкафа простыню. Княжев благодарно застонал, но тем не менее сразу же сбил ее к ногам.

Лишь к середине ночи дыхание его выровнялось, и с нелепо вывернутым вверх подбородком он заснул, широко раскинувшись. Таня покрутилась у стены, устраиваясь поудобнее, но места осталось слишком мало. Тогда она прильнула к Егору и осторожно положила согнутую ногу ему на живот. Он пробормотал что-то и рукой, на которой лежала Таня, прижал ее к себе ближе.

Утро началось с уже знакомой музыкальной композиции, и Таня проделала то, что не удалось в прошлый раз: спрятала голову под подушкой. Сбоку раздался полузадушенный всхрип, и приглушенный голос Егора изрек:

— Ты не врала, что в этой квартире опасность подстерегает меня на каждом шагу. Но, честно, не ожидал принять смерть из твоих рук. Может, убереешь с лица подушку, а то дышать нечем?

— Прости. — Таня ослабила нажим рук ровно настолько, чтобы Егор мог выскользнуть из-под ловушки, но тот не ограничился этим и настойчиво потянул мягкий шлем вбок. — Эй, эй, куда! Это мое!

— Было ваше — стало наше, — шепеляво процитировал он и добавил уже серьезно: — Ты на работу собираешься идти? Я ведь не поощряю прогулы.

Но как тут встать и отказать себе в удовольствии понаблюдать, как одевается красивый мужчина? Он совершенно не стеснялся нагибаться, поднимать разбросанные по полу вещи, не старался повернуться только спиной. Наоборот, в какой-то момент Таня поймала себя на мысли, что Егор заметил ее интерес и намеренно набрасывает одежду на тело так, чтобы она казалась готовой через секунду упасть. Будто стриптиз, прокрученный наоборот.

Так, все. Надо незаметно сглотнуть слюну и выбираться из постели. Такая, какая есть: раздетая, лохматая и смущающаяся от этого.

Продев голову в свитер, Княжев шагнул к окну и сдвинул в сторону занавеску, вероятно, чтобы проверить машину. И Таня, обрадовавшись удаче, метнулась к выходу из комнаты. В коридоре зеркало улыбнулось лицом смотревшего ей вслед Егора и потом послало воздушный поцелуй. Черт, попалась!

Закончив с умыванием, Таня поставила греться чайник и робко постучала в открытую дверь ванной.

— Извини, а ты вообще завтракаешь?

— Только кофе, можно еще бутерброд. — По лицу Княжева скатывались крупные капли воды. — Слушай, у тебя нет запасной зубной щетки?

— Нет.

— Ну и ладно.

Когда через пару минут Егор сел к столу, Таня поставила перед ним дымящуюся чашку с кофе. И бутерброд она честно пыталась смастерить, по-другому никак не скажешь: на

полузасохший батон намазала сливочное масло и прикрыла все это тонюсенькими ломтиками копченой колбасы, неизвестно каким чудом оказавшейся в холодильнике. Откусив кусок, Егор начал активно работать челюстями. М-да, то ли хлеб был все-таки без «полу», а просто засохший, то ли Княжев действительно проголодался. Таня села напротив и поджала одну ногу под себя.

— Егор, а правда, что у «Элит-квартала» проблемы?

— С чего бы это?

Если бы накануне она сама не слышала подтверждение от Головина, сейчас бы ни капли не сомневалась в честности Княжева, так невозмутимо тот продолжил жевать.

— Ну, Максим сказал.

— А что он еще сказал?

— Ничего интересного, — Таня мимо воли заерзала на стуле. — Так что с кварталом?

Княжев отложил обкусанный бутерброд на тарелку и потянулся к салфеткам на другом конце стола. Внезапно Таня ладонью накрыла его руку.

— Егор...

— Я не хочу тебя грузить своими проблемами, — упрямая решимость в голосе Княжева искусно маскировалась под невозмутимость.

— Но при этом грузишься моими? — Она не выпустила дернувшуюся руку. — Мне казалось, мы хотели быть честны друг с другом.

Из неплотно закрытого крана гулко булькнула вода и скатилась в раковину. Зацепив зубами нижнюю губу, Егор ненадолго замер и потом расслабился.

— Хорошо, будем честными. Я ненавижу сливочное масло.

Глаза Тани уставились на почти съеденный бутерброд.

— А с «Элитом» действительно появились трудности. Наш давний поставщик бетона неожиданно запросил большую цену, чем мы предварительно оговаривали. И уперся рогом: или берите так, или разбежимся. Мол, он и так отказывает кому-то там, кто готов платить больше, — Егор говорил быстро, будто читал заранее написанный текст. — Мы пытались искать новую компанию, но конец года, загрузка по полной. А нам надо срочно и много, строительство уже идет. Короче, пока запасы на складе не закончились, необходимо найти или новый бетон по низкой цене, или дополнительные деньги на незапланированное повышение стоимости. В проект-то мы закладывали старую цену. А сроки горят... Ближайшие заводы почему-то мнут, бросают какие-то полутуманные намеки, якобы у «Центринвеста» проблем выше крыши, и даже мое честное купеческое слово не убеждает в обратном. А дальние хоть и готовы помочь, но с учетом транспортных расходов цена получается та же запредельная.

Разом допив остатки кофе, Егор вылил из турки еще одну порцию прямо с гущей.

— Подожди. Разве можно так легко поднять цену? А подписанный договор?

— Да не подписывали мы еще пока ничего с поставщиком. Так, перетерли все, договорились. — Княжев хлебнул новый кофе и скривился. — Кто ж думал, что на самом деле он такой сволочной... После стольких лет совместной работы!

— Ну хорошо. А что твой отчим? — продолжила допытываться Таня. — Насколько мне помнится, он совладелец «Центринвеста»...

— Правильнее сказать, Эля. Он отдал долю ей.

— Ладно, Эля. Но ведь вы его дети! Почему Шацкий не поможет деньгами? Не знак там, кредитом, поручительством...

Выплеснутый Княжевым кофе растекся по раковине грязной торфяной жижей. Сам Егор вытер руки полотенцем и в упор посмотрел на Таню.

— Если бы ты хоть раз видела нас рядом, то не задала бы свой вопрос. Он женат на моей матери, но я не его сын. Я даже не его пасынок. — Впервые за все время общения голос Княжева стал таким холодным, что Таня испугалась. — Да, я создал «Центринвест» на деньги Шацкого, но он заработал их на бизнесе моего убитого отца. И по глупости и неопытности я позволил Шацкому стать совладельцем, с чего он же получил хорошую прибыль и давно вернул себе то, что первоначально вложил в компанию. Но ради меня лично Шацкий и не пошевелится.

Егор провел большим пальцем от угла губ вниз, словно брезгливо вытирал брызнувшую слюну, и шумно выдохнул.

— Все, для одного раза проблем достаточно.

Он бросил быстрый взгляд на запястье и, наклонившись к Тане, подул на ее волосы.

— Я поеду переодеваться, и ты собирайся. — Светлые прядки упали ей на лоб. — Доберешься до работы сама? Можем вместе пообедать, если ничего не сорвется, а?

Таня кивнула, а Егор чмокнул ее в макушку и стремительно направился в коридор. Когда через пару секунд там появилась Таня, он уже завязывал шнурки на высоких ботинках. Потом разогнулся и притянул ее к себе.

Губы Княжева были суховатыми и требовательными, и остановились они ровно в тот момент, когда голова Тани начала кружиться и терять все здравые мысли. И она не знала, действительно ли Егор сказал: «Все-таки плохо, что мы живем в разных концах города...» — или эти слова послышались в щелканье закрывшегося замка.

Когда Таня распахнула дверь подъезда, на улице творилось что-то непонятное.

Казалось, зима затеяла игру в догонялки со случайно заглянувшей весной. Солнце радушно улыбалось, а через секунду спешно натягивало на себя облачное покрывало, но все равно не успевало за меняющимися сезонами. Те подкарауливали друг друга за углами домов, деревьями и даже за идущими прохожими и швырялись снегом, который на лету оборачивался слипшейся кашей. Часто зима промахивалась, и весна хохотала, когда очередная жертва с ругательствами стирала с лица или отряхивала с капюшона капли воды.

М-да, за одну ночь все так изменилось. И не только в природе. Пышный сугроб около мусорки на глазах превращался в трясину. На соседнем дереве раскричались нетерпеливые грачи, а самые голодные не стали ждать, пока Таня пройдет мимо, и запрыгали по краю контейнера. Настоящие птичьи гиены, падальщики. Чувствуют наживу за километр, без стыда и страха нападают со спины и никогда не упустят своего. Как и те, кому выгодно, чтобы «Центринвест» потерял крупный проект. Только люди осторожничают и не лезут на рожон, как эти пернатые, хотя так же готовы драться за любую яркую бумажку.

У офиса Таня совершила давний и неизменный ритуал: скорчила рожицу своему отражению на фасаде. Отлично, по степени уродливости зеркальный двойник все еще впереди. Воодушевленный настрой Тани угас на третьем этаже. Чтобы не смешивать дом и работу, она предпочитала держать связки ключей отдельно и теперь никак не могла найти в сумке колечко с висящими на нем двумя желтыми ключиками от триста второго кабинета.

Спокойно, они наверняка дома. Где-нибудь под тумбочкой в прихожей или даже свалились в тапочек. Ничего, всякое бывает. Сейчас попросит запасной ключ, и делов-то.

Но на ресепшене почему-то не оказалось никаких дубликатов ключей, ни от одного кабинета, а на вопрос, где же они могут быть, Люба нервно передернула плечами. Ее наглухо застегнутая блузка недвусмысленно предупреждала, что выходные не удались, настроение секретаря не к черту и вообще помощи от нее сегодня лучше не ждать.

«Ладно, позвоним Свете». На звонок Синицкая ответила быстро и пообещала с такой же скоростью появиться на работе. Оставалось как-то убить время до ее прихода.

То ли Света переоценила свои возможности, то ли она действительно не спешила, но Таня успела встретить половину офиса и посочувствовать нелегкой работе швейцара и Любы. Нет, двери она никому не открывала, но с каждым вошедшим здоровалась и всем улыбалась. Сначала искренне, потом принужденно, а под конец откровенно натянуто. Да, новые мимические морщины возле рта ей обеспечены. Обиднее всего, что тот единственный человек, из-за которого она торчала в холле, а не удобно сидела на кухне с чашкой в руке, так и не пришел.

Синицкая ворвалась в холл ракетой, бросила всем торопливое приветствие и на буксире потащила Таню за собой. В лифте Света многозначительно погремела металлическими ключами перед открывшимся ртом подруги, и рвущиеся возмущенные слова Таня заменила на парочку нецензурных жестов.

— Ну, я вижу, ты жива, — Света перехватила инициативу вербального общения. — А следы от укусов тональником замазала или обошлось?

Жадный взгляд Синицкой ясно говорил, что о работе можно забыть до тех пор, пока она

не выудит мельчайшие подробности о прошедших шашлыках.

— Кусали, но осталась цела.

— Так что было-то? — не унималась Света и швырнула куртку на стул.

Такая бесцеремонность не понравилась вещи, и она с тихим шорохом сползла на пол. На ее обморок хозяйка даже не обернулась, от нетерпения пританцовывая перед Таней.

— Знаешь, жалко мне их, друзей Егора. — Таня подняла одежду подруги и повесила на вешалку рядом со своей. — Смотришь, все в жизни есть: и деньги большие, и машины крутые. Развлекся — пожалуйста, поесть — от пуза. А глаза тусклые. Нет огня в душе. Пустые они все.

— Да ну? Ты на Княжева посмотри!

— Он другой. Хотя, уверена, и ему временами тошно.

— Ну, тошно всем бывает. — Света подбежала к магнитной доске и стала ровнять висящие на ней листки. — Я вот, например, сегодня думала, что удавлюсь в метро. В смысле, сдавили меня так со всех сторон, что жить не хотелось. А глянь сейчас на меня! Живчик!

Каблуки скачущего маркетолога проложили новый маршрут, теперь к столу Романа. Там Света черкнула несколько строк на оранжевом листике и прикрепила его к краю монитора.

— К тебе бы электрическую катушку присоединить, — предложила Таня, когда Синицкая вновь пробежала мимо, уже к своему месту. — Наверное, энергии хватило бы на полгорода.

— Боюсь, потяну только треть, — деловито отмахнулась Света и широко раскинула руки в стороны, словно в попытке обнять вошедшего Романа. — Проходи, дорогой! Заждались. Я вот тут вспомнила кое-что. Надо бы провести персонифицированную рассылку по строящемуся «Элит-кварталу». Вдруг наши толстосумы захотят приобрести себе еще одно гнездышко.

У вешалки парень задумчиво встряхнул снятый пуховик, и сваленные у стены папки тут же заблестели осевшими каплями. Неужели зима опомнилась и организовала дождевую атаку, чтобы напомнить взбалмошной весне о порядке в природе? Но вместо того, чтобы выглянуть в окно и подтвердить свою догадку, как она сделала бы раньше, Таня приготовилась слушать Романа. Сейчас ее интересовало все, где звучало магическое «элит».

— То есть ты предлагаешь ездить по коттеджному поселку и бросать рекламные буклеты в почтовые ящики? — Мокрая сторона куртки блестела, будто намазанная жиром, и Роман поморщился, когда забрасывал пуховик на вешалку. — Сомневаюсь, что их любезно развесили на каменных заборах.

— М-да, точно. Тогда надо подумать... Подумаешь?

— Легко. Но не обещаю придумать, — философски подытожил Роман и забрался в свое кресло, словно медведь в берлогу.

В кабинете воцарилась относительная тишина, которую нарушал стук клавиатур: лихорадочный со стороны Светы, размеренный у Тани и еле слышный от Романа.

Сегодня была Танина очередь просматривать тендеры, и она скучно заскользила глазами по спискам в поисках интересующих и нужных заявок. Пару раз те появлялись совсем не в том разделе, где их искали, поэтому Павловна обязала просматривать все новые тендеры, чтобы исключить ошибку. Иногда жизнь радовала неожиданными перлами, например, как требование продажи «кур, не бывших в употреблении». Света же с удовольствием вспоминала попавшийся ей тендер на «приобретение катафалка с

магнитолай и динамиками». У Романа в фаворитах ходила давняя закупка карнавальных костюмов снежинок и белочек, автором которой выступило само Министерство обороны.

За выходные ничего стоящего внимания не появилось: ни для смеха, ни для запроса технического задания. И Таня с чистой совестью вернулась к обсуждаемому накануне расширению региональных клиентов.

Справа негромко загудел принтер, выпуская отпечатанные листы, которые тут же исчезли в руках налетевшей и моментально пропавшей Светы. Роман почему-то не надел наушники, и жесткий ритм звучащей музыки словно задавал темп работе. Было настолько хорошо и уютно, что в голове Тани улеглись все переживания, каждое на свою полочку, и ласково свесили пушистые хвосты.

Сбоку иногда появлялось яблоко или круглое печенье. Таня рассеянно брала его, жевала и только потом кивала с благодарностью Свете: у той в сумке постоянно находилось что-то вкусное, хотя и не всегда полезное.

Потом заворчал мобильный телефон и, пытаясь изобразить мелодию, едва не подавился своим же кашлем. Все, еще пару звонков — и старичок сыграет в ящик, мусорный. Потыкав пальцем в западающую кнопку, Таня наконец сумела принять звонок и осторожно поднесла телефон к уху: как бы не порезаться, в конце концов.

— Привет.

— Привет. Как дела? Работаешь?

— Наверное, если такой вопрос задает директор, правильнее всего ответить только «да». Работаем помаленьку.

Раскручиваемая на столе ручка покачивалась то в одну сторону, то в другую, пока последнее касание пальцами не завертело ее на манер стрелки от компаса.

— Ну, тогда ты не будешь возражать против перерыва. Поднимайся в гости. Давай.

Нажав «отбой», Таня вытащила из сумки худенькую потертую косметичку и подкрасила губы. Пусть и совсем чуть-чуть, пусть даже Егор это и не заметит. Она заново собрала волосы в хвост, прошлась влажной салфеткой по сапогам и под одобрителный кивок Светы выскользнула в коридор.

В приемной директоров гуляли сквозняки, от которых жалюзи на окнах шевелились и напоминали щупальца медуз. Никого из секретарей не было, и Таня запоздало вспомнила, как Люба с ресепшена шепталась с охранником о подозрительной болезни Юли. Чем та была подозрительна, Таня не узнала, потому что намеренно отошла в сторону. А второй секретарь, Маргарита, мог уйти на законный обед или просто по поручению начальства.

На пороге правой двери полубоком стоял Егор с зажатым телефоном у уха.

— Да, Макс, я у себя. И буду еще пару часов. — Плечи Княжева недоуменно дернулись. — Ну конечно, заходи, в чем вопрос. Давай.

Княжев опустил мобильник и приглашающе улыбнулся. Пара шагов, чтобы пересечь коридор и при этом не сорваться на бег. А потом остается ткнуться лицом в тонкий серый свитер и поглубже вдохнуть кофейно-мятный запах. Запах, ставший ее личным наркотиком. Если же еще и обнять Егора, под пальцы обязательно попадет крупная родинка. Вот, прямо на лопатке, можно нащупать даже через ткань. И стоять так долго-долго, чтобы раствориться, отдать всю себя, без остатка, этому человеку. Только разве правильно это?

Двери лифта предупреждающе лязгнули, когда выпускали кого-то, и Таня нехотя отстранилась от Егора. Что ж, жизнь расходует свое волшебство бережно, по капельке, и на сегодня выданная ей порция закончилась.

Донесшиеся грузные шаги подсказали, кто приехал. Даже не нужно поворачиваться, чтобы убедиться в этом, и все-таки Таня обернулась. Так и есть, Головин. Только хмурится больше обычного и что-то комкает в руке.

— Спорим, не угадаешь, кого я видел сейчас в «Орфее», — с ходу заявил Максим даже без намека на вопросительную интонацию. — Бобра!

Вряд ли Головин имеет в виду грызуна. Бобр... Где-то она уже слышала эту фамилию.

— Пошли в кабинет! — Дверь за мужчинами не закрылась, и Таня расценила это как приглашение участвовать в разговоре.

На столе Головин по-хозяйски отодвинул вбок серебристые контейнеры вроде тех, что рестораны используют для еды «на вынос». Потом шагнул в один угол, в другой, щелчком отправил в мусорку бумажный мячик, что мусолил пальцами, и наконец заговорил:

— Короче, в «Орфее» я собирался перекусить. И тут из маленького зальчика, ну, того, за колоннами, слышу знакомый такой голос. Из чистого любопытства решил проверить себя и аккуратно глянул. Точно, этот шепелявый визг мог издавать только наш Бобр, который Владимир Иванович.

— Подожди, — Егор даже вскинул руку, — его нет в городе.

— Очень даже есть, я не обознался, — Максим склонил голову, чем стал похож на быка за секунду до удара. — Как и в его собеседнике.

— Каком собеседнике?

— Ну не в космос же Бобр высказывал свои претензии! А он именно наезжал, что контракт с «Центринвестом» его просили придержать всего на недельку, а не на две; что бетон на его складе можно уже забрасывать на крышу; что из-за всего этого его, Бобра, скоро с должности снимут...

Княжев отошел к подоконнику и забарабанил пальцами. Таня же поворачивала голову то на одного мужчину, то на другого и ощущала себя китайским болванчиком.

— А говорил он с... Шацким? — в интонации Егора появился тот же металлический холодок, что и утром.

— С ним, родимым, — на лице Головина отразилась такая брезгливость, что захотелось подsunуть ему мусорку — для плевок. — Теперь ты понял, что тебя сделали, Егорка? Как маленького. За энную сумму Шацкий уговорил нашего колобка притормозить контракт и озвучить новую цену бетона. Ты ищешь деньги и не находишь, естественно.

В последнем слове Максим намеренно проглотил половину звуков, и вышло какое-то полушипение, от которого очнулся замерший у окна Княжев. Он же и продолжил:

— Тогда следующий шаг сделает Шацкий: предложит мне помощь в решении вопроса. Якобы он выделит нужную сумму, но деньги должны работать на семью. На семью в его понимании. Проще говоря, он дает деньги только при условии...

Егор сделал паузу, но Головин уверенно закончил:

— ...женитьбы на Эле. Бинго! — и фальшиво засвистел марш Мендельсона.

Сердце Тани пропустило удар, потом еще один, и ей безумно захотелось сесть. Хоть на пол.

— Укатать бы их обоих в бетон, — хмуро предложил Максим, — да нет этого самого бетона! Ты мне только объясни, какая выгода от всего этого Шацкому. Он же столько «бабок» теряет: Бобру в зубы дай, разницу цен покрой...

— Да я уверен, цена осталась бы старой, — отмахнулся Егор. — Как только бы я заглотил наживку, все отмотали бы назад. И Бобр сказал бы, что новый клиент сорвался,

берите бетон вы, а то так нехорошо получилось: все-таки давние партнеры. Бетон же ему все равно сбывать надо. И получил бы Шацкий с «Элита» еще столько, что все эти хлопоты показались мышинной возней. А главное, — Княжев скривился, — дочка, кровная, единственная, пристроена. Она же все сделала в точности, как велел папаша. На обещания не скупилась, ресничками моргала, из декольте не вылазила. Ей по-другому и нельзя. Чуть промахнулась — и банковская карточка заблокирована. А так, чудо марионетка, а не дочь! Такой не жалко и любую игрушку, то есть мужа, подарить. Ну, а то, что ей почему-то хочется сводного брата для этой роли, тут уж ничего не поделаешь: чем бы дитя ни тешилось... Но опять-таки выгода, «Центринвест» проще контролировать... Черт!

К чему относилось последнее слово, Таня не поняла. То ли к предыдущему монологу, то ли к тому, что она все-таки уселась на пол у двери. Оба мужчины одновременно рванули к ней и чуть не столкнулись лбами, пытаясь поднять.

— Что с тобой? Плохо? Где болит? Дать попить? Может, от голода? Почему молчишь?

Вопросы сыпались, как шарики с краской из пневматического ружья, и забивали мозг. Невозможно было понять, кто их задавал, на что первое отвечать, и Таня отчаянно зажала уши. Тут же поверх ее рук легли ладони Егора, и он мягко потянул ее на себя.

Сколько прошло времени, Таня не знала. Но когда она наконец открыла глаза, Княжев все так же сидел на корточках рядом и поддерживал ее голову. Почему до сих пор никто в мире не придумал делать наушники в форме ладоней близкого человека? Боятся, что просто их не захотят никогда снимать? Она тоже боится, что Егор догадается, что ей лучше, и уберет руки. Вот он ослабил их, но все же не убрал сразу, а пробежал пальцами по волосам.

— Ты в порядке?

— Да. А ты?

— Нормально.

Таня кивнула и встала с пола, потом механически отряхнула брюки. От противоположной стены поднялся Головин и улыбнулся. Если он и хотел приободрить ее, это не удалось: улыбка его вышла совсем грустной.

— Так что делаем, Викторыч?

— Вы — работаете, обедаете. Я правильно понял, что ты так и не успел поесть? Вот и Таня тоже. Вон куриные рулетки, надеюсь, еще теплые. — Егор подошел к столу и потянул сдвинутые на край контейнеры. — Да, не остыли... А я поеду поговорю с Шацким.

Он вытащил из-под ноутбука какие-то бумаги и положил их в широкую кожаную сумку, которую снял со спинки кресла. Потом выдвинул верхний ящик тумбочки, и выуженный оттуда пухлый блокнот полетел вслед за документами. Поцелуй Тане, кивок Максиму — и Егора уже нет. Только слышно начало телефонного разговора:

— Здравствуйте, Степан Борисович. Назрел серьезный разговор...

Уехал лифт, и все смолкло. Вдруг тишину кабинета нарушил хруст разворачиваемой фольги. Головин последовал совету друга, достал из контейнера за шпажку куриный рулетик, скептически осмотрел зеленоватую начинку в мясе и принялся жевать. Таня тоже подошла ближе, но вовсе не для еды, а чтобы спросить:

— Как вы думаете, чем это все закончится?

Почему он медлил с ответом? Только ли чтобы освободить занятый едой рот или чтобы успеть тщательно подобрать слова? И отчего ее начинает бить дрожь, как от мелкого холодного дождя?

— Во всяком случае, не тем, чего вы так боитесь. — Максим промокнул салфеткой губы

и вытер чистые пальцы. — Поешьте, довольно вкусно. Да и время быстрее пройдет.

— Нет, спасибо. Я лучше вернусь к себе. — Она почти выбежала из кабинета.

Приемная все еще пустовала, лишь ветерок перебирал уголки бумаг на секретарском столе. У лифта неизвестно зачем Таня оглянулась. В рамке дверного проема стоял Головин. Во взгляде его читалось отчаяние, и Таня ринулась к лестнице.

Впервые за долгое время работа не могла перебить беспокойные мысли. Таня открывала нужные документы и тупо вглядывалась в экран, не понимая ни строчки. Она переложила все бумаги на столе, заточила и без того острые карандаши, навела порядок в ящиках тумбочки, но все равно в голове бился только один вопрос: «Выкарабкается ли Егор из ямы?».

Под конец Таня просто сняла папки с подоконника и села на освободившееся место. Она смотрела в никуда и механически крутила в руках мобильный телефон.

Когда тот бульканьем отрапортовал о пришедшем сообщении, Таня отмерла. «Все будет хорошо. Извини, очень занят. Целую». Раз Егор пишет «все будет хорошо», значит, сейчас все не так радужно или откровенно плохо. А она сидит и ничего не делает, чтобы ему помочь! Только как помочь? Нет у нее ни таких немыслимых денег, ни богатых друзей. Она обуза для Егора, помеха и трусиха. Потому что не хватает у нее сил шагнуть в сторону, чтобы освободить Княжева.

Подошедшая Света аккуратно тронула подругу за плечо.

— Случилось что?

— Он тонет...

К удивлению Тани, ее слова не показались Синицкой бессмысленными.

— Егор? Да разрулит он все, в первый раз, что ли! Чего убиваться-то у окошка?

— Как ты не понимаешь...

— Не понимаю, — отрезала Света. — Скажи еще, что во всем виновата ты. В жизни не поверю. И перестань уже считать себя центром вселенной, вокруг которого вертится жизнь и который сам влияет на все вокруг. События происходят без всякой связи с тобой, милая моя, так что не льсти себе.

— Света, ты чего? — оторопела Таня и хотела даже отодвинуться от подруги, но сзади было стекло.

— К жизни тебя возвращаю! Если у твоего Княжева проблемы, ему поддержка нужна, холодная голова с идеями, а не амебные терзания. И неважно, что ты не можешь помочь. — Синицкая словно подслушала размышления Тани. — Что нужно, сделает он сам. Ты просто стой рядом, а не отвлекай его необходимостью бросаться к бессознательной тебе с валерьянкой и опахалом. Все, пошли попьем чаю и вернемся к работе. Скоро и Ромка из типографии придет, новый журнал полистаем.

Таня послушно спрыгнула с подоконника. Как же быстро ее привели в норму грубоватые, но верные слова! Наверное, ей непременно требуется присутствие волевого человека рядом, чтобы он иногда встряхивал и вел ее за руку. Света продолжила бурчать, но уже потише:

— Тебе вообще надо отключить часть мозга, отвечающую за чрезмерные переживания. Щелк тумблером — и нет ни истерик, ни крокодильих слез, ни археологических раскопок в душе.

— Думаешь, такая часть существует?

— Глядя на тебя, уверена в этом.

Синицкая запнулась за что-то и выругалась.

— Добавь в список «ни изысканных ругательств сапожника».

Слова замерли на губах Тани, едва она увидела, из-за чего споткнулась Света. Голубой зонт. Тот самый, которого здесь ну никак не могло быть. Вероятно, он был спрятан среди папок на подоконнике и выпал сейчас, когда их сняли.

— Ты ж его вроде отдавала. — Синицкая потянула вверх петлю на ручке, словно поднимала за хвост дохлую крысу.

— Отдавала. Придется еще раз это сделать, — Таня положила зонт на середину стола, — так, чтобы дошло. Но это потом. Мы же чай шли пить, верно?

Остаток дня прошел тягуче, но собравшиеся вечером на столе папки свидетельствовали, что очень плодотворно. Перед выходом из офиса Таня решительно пододвинула зонт все еще насупленной Любе и сверху положила лаконичную записку «Для Головина. Подарок от Вышковец».

Экран телефона отражал три полосы аккумулятора, но сам аппарат упорно молчал. Вечер. Ночь. Утро. Если от мобильных телефонов и в самом деле исходит вредное излучение, за эти часы Таня получила чудовищную дозу: телефон постоянно был у нее под рукой.

Ехала ли в автобусе домой, пила ли несладкий чай на полутемной кухне, смотрела ли в потолок немигающим взглядом, ворочалась ли на внезапно ставшем широким диване, дергала ли заевшую молнию на сапоге, поднималась ли по ступенькам в конференц-зал на внеплановое собрание...

Это была самая большая комната в здании, и все равно она с трудом вместила всех сотрудников «Центринвеста». Тане удалось протиснуться чуть вбок от двери, но и так ничего не было видно. Обзор закрывала широкая спина мужчины в футболке, по которой наискосок шла убедительная надпись «Никогда не матерюсь».

— Всем доброе утро, хотя с определением можно поспорить, — раздался звучный голос Егора.

Ему не пришлось даже прибегать к трюку с автомобильной сигнализацией, проделанному в пансионате: мгновенно установилась тишина. Видно, многие ломали голову, почему они находятся здесь, а не в кабинетах.

— Я попросил вас собраться, чтобы объявить о своем уходе из «Центринвеста».

Смысл фразы не сразу дошел до Тани. Стоящий впереди мужчина злобно выругался: он явно никогда не читал того, что написано на его же спине. А Княжев продолжал:

— Вследствие сложившихся обстоятельств я принял решение продать свою долю акций и снять с себя полномочия директора. Спасибо всем, кто был со мной эти годы. Успех компании — это результат вашей слаженной и честной работы, которую я безмерно ценю. И согласно последнему подписанному мной приказу всем работникам, без исключения, будет выплачена премия в размере трех заработных плат...

Тане показалось, что из комнаты разом выкачали весь воздух, а внезапно ожившее людское море начало раскачиваться из стороны в сторону. Его жесткие волны медленно отнесли ее к стене. Затылок уперся в твердую шпукатурку, и Таня всем телом прижалась к поверхности в поисках опоры. Кругом, как за окном проносившегося скорого поезда, мелькали лица со смазанными чертами, локти, спины. Никто не спешил расходиться, и в середине этого хаоса серой точкой выделялся Егор. Он что-то говорил окружающим его людям, кивал головой или, напротив, удрученно разводил руками. Пробыть к нему сейчас не было никакой возможности, поэтому она подождет его здесь. В голове размеренно билась

одна и та же мысль: «Он все бросил. Он все бросил. Он все...»

Сколько прошло времени, прежде чем конференц-зал наконец опустел, Таня не знала. Она лишь поняла, что фигура в сером костюме стоит рядом. А вместе с ней пришла свежесть. Не морская, с терпкими водорослями и вяжущей солью, а какая-то другая, очень родная. Мятные пастилки, вот что так пахнет...

— Привет.

— Он все бросил... — по инерции повторила Таня крутившуюся в голове мысль и обняла Егора за шею. — Ты все бросил. Почему?

— Ну, во-первых, не бросил, а продаю. Сбываю с рук то, что уже не принесет пользу. Как лежалый товар. Хочешь пить?

Отстранившись, она увидела пластиковую бутылку в руке Егора и покачала головой. Он неторопливо открутил крышечку, сделал большой глоток и потом неожиданно сел на пол у стены. Таня, не задумываясь, опустилась рядом, и Княжев продолжил объяснять:

— От компании, чья репутация прилично подмочена закулисными играми, действительно мало пользы. По крайней мере, на мой взгляд. Вчера мы чудесно побеседовали с господином Шацким, и он не удержался, чтобы не поведать мне некоторые детали. Оказывается, — Егор вальяжно вытянул вперед ноги и снова отхлебнул из бутылки, — последние годы Степан Борисович незримо присутствовал во всех моих проектах. Взятка направо, взятка налево, тех подмазал, этих умаслил... Мы неизменно выигрываем тендер, а после дело доходит и до Шацкого: окна, рамы, трубы, всякая пластмассовая лабудень. Он в шоколаде и плевал на мой принцип работать чисто.

Подброшенная Княжевым бутылка перевернулась в воздухе и приземлилась прямо в его раскрытую ладонь, чтобы через секунду снова улететь. На этот раз неудачно — в батарею.

— Но так рубить с плеча... отказываться от своего любимого дела... Может, все еще наладилось бы?

— Нет, не наладилось бы. Я уже не малыш, которому можно указывать, что и как делать, и за послушание гладить по головке, а если закапризничает — отбирать сладкое. Пойми, Таня, в моей компании решения принимаю я, а не дядя со стороны. Просчитаюсь — что ж, это будет моя ошибка; выиграю — мой успех. — Княжев выдохнул сквозь стиснутые зубы.

— Но как же так...

Егор притянул Таню к себе и поцеловал куда-то в волосы у виска.

— Да не переживай ты. Начнем все с нуля. Я, Макс, ты. Вон Светку твою заберем...

Произнесенное имя Головина резануло Таню по уху. Что ж, если быть честной, то во всем. Даже если разлад между друзьями ляжет на ее совесть. Но лучше оказаться виноватой, чем лгуньей и предательницей. Знала и молчала...

— Егор, мне нужно сказать тебе кое-что про Максима... — хрипло начала Таня и попыталась сесть ровно.

Ничего не вышло: объятия Княжева стали еще плотнее и не давали сказать ни слова.

— Не нужно, — слова Егора будто усиливались колебаниями его грудной клетки, — все ясно и так, давно. Достаточно увидеть, как он смотрит на тебя. И ты тут не при чем. Знаешь, впервые после гибели жены — Марина была моей одноклассницей — он снова начал улыбаться, перестал пить по-черному и бесконечно винить себя в той аварии. И неважно, что тогда Марина сама отстегнула ремень безопасности, чтобы поднять упавший телефон, а через секунду со встречи вылетела машина. Для Макса главным было то, что он сидел за

рулем и не сумел увернуться.

У Тани мелькнула мысль, что больше всего сейчас Егору хочется встать и подойти к окну, как всегда при важном разговоре. Она подняла голову и увидела глаза Княжева, очень серьезные и сосредоточенные.

— Чтобы снова захотеть жить, ему понадобилось семь лет и... ты. Разве можно осудить Макса за то, что он решил вернуться из пустоты, что ищет свое счастье? И разве я виноват, что не готов даже ради друга отказаться от тебя?

— Что?

Кончики пальцев Егора, когда он тронул щеку Тани, ощутимо подрагивали.

— Я люблю тебя. Неужели ты до сих пор не поняла? Люблю так сильно, что с трудом нашел слова, чтобы это сказать.

Этого не может быть! Так не бывает. Во всяком случае, не в жизни. Да, точно, она спит и через пару секунд очнется. Но и во сне она не представляет, как реагировать на это волшебство.

От волнения Таня облизала мгновенно ставшие сухими губы, и взгляд Княжева тоже опустился к подбородку.

— Временами кажется, что это чувство всегда было у меня где-то в глубине души, еще со школы спрятано на самое дно. И я его примерял на всех девушек: подходит — не подходит. А оно твое, Таня, только твое.

— Во что ты мог тогда влюбиться, если совсем меня не знал?

— В то, что важно мне до сих пор: доброта, внимательность, надежность. И не возражай, мол, это не то, во что стоит влюбляться. То, именно то. — Егор наклонился ниже. — Ты заставляешь меня быть лучше, чем я есть. Не знаю, как тебе это удастся, но это так. Сказать, чего мне хочется больше всего?

— Вернуть себе «Центринвест»?

— Мимо. С компанией все решено. Меня давно соблазняли продать акции, а теперь я и рад, что покупатель оказался таким настырным. Открою секрет, новый проект почти готов к запуску. Но это не то, что волнует меня сейчас. — Губы Егора скользнули по Таниной скуле. — Мое главное желание — зажечь в твоих глазах огонь, что горел тогда, много лет назад. Хочется, чтобы ты позволила себе быть счастливой и наконец отпустила боль потерь и одиночества. Хочется искупаться с тобой в роднике у пансионата, чтобы смыть тяжесть прошлых глупостей. Хочется возвращаться в квартиру, где твой запах не будет ощущаться как чужой. Хочется угостить тебя обещанным любимым вином и слизывать с твоих губ его сладковатые капельки. А еще хочется подарить тебе цветущие поля тюльпанов, или ромашек, или маков, — на этом месте Княжев запнулся. — Ну, должны же быть цветы, которые тебе нравятся!

— Подожди, — Таня решила пока не щипать себя за руку, — подожди. Мы же совсем разные. Во всем. Ты богатый, умный, красивый, а я...

— ...бедная, глупая и страшная? Не смейся. Ты настоящая красавица! — Егор пальцем провел линию по ее профилю, словно рисовал силуэт. — Миниатюрная, даже хрупкая. С роскошными золотыми волосами. Тело создано для поцелуев. А посмотришь в твои бездонные серые глаза — и все, пропал. Кра-са-ви-ца... — прошептал Княжев и облизал мочку уха Тани. — Знаю, что куплю первым делом: огромное зеркало, до потолка, чтобы ты рассмотрела себя во всех мелочах и поняла, какая хорошенькая.

— А мой возраст?

— Да, ты меня старше, — покладисто согласился Егор, — и всегда будешь. А кто-то умнее, веселее... Но они не ты, Таня Вышковец, и никогда не станут тобой. Давай-ка вставать, а то я начинаю замерзать.

Княжев поднялся с пола и протянул руку Тане. Они вышли из конференц-зала, спустились по лестнице вниз и остановились на крыльце.

— И что дальше? — она потуже замотала длинный шарф.

— Будем жить долго и счастливо и забудем о времени, — философски пожал плечами Егор. — Не такое уж и плохое намерение.

Да, он прав. И незачем придумывать причины для отказа, если в душе она давно на все согласилась. Неважно, что будет завтра, через месяц или год. Если она и будет жалеть о чем-то, то только о сделанном, а не о том, чего даже не попробовала.

— Кстати, может, ты не заметила, — в голосе Княжева проскользнула смешинка, — но на мое признание в любви ответа не было. Все, конечно, видно и без слов, но...

Как?! Неужели она еще ни разу не сказала это?! Губы Тани накрыли рот Егора. Они беспорядочно целовали все, до чего могли дотянуться, и шептали, шептали:

— Я люблю тебя... Я так тебя люблю...

«Уже давно...»

Когда она отстранилась, чтобы перевести дыхание и поправить сползшую набок шапку, в зеркальных панелях здания отразились две распухшие фигуры с ногами-колоннами и заостренными головами. Фу! Таня скривилась и не удержалась от давно мучившего ее вопроса:

— Егор, а зачем ты сделал из фасада «Центринвеста» комнату смеха?

— Чтобы люди понимали: зеркало редко повторяет то, что ты ему показываешь. Оно всегда кривляется, играет. — Княжев повернулся и скорчил зверскую рожицу, но его двойник изменился еще страшнее. — А настоящая жизнь здесь, по эту сторону. И, чтобы узнать, как ты на самом деле выглядишь, нужно смотреть не на стену, а в глаза любящего человека...

Начал пропархивать снежок, словно кто-то невидимый вытряхивал из подушки застрявшие перышки. Крошащимися леденцами захрустели под ногами заиндеветшие ступеньки: мороз усиливался. Но впервые Таня не спрятала руки в карманы, а только крепче сжала теплые пальцы шедшего рядом Егора.

КОНЕЦ

Больше книг на сайте - Knigolub.net